

БОРИС

АКУНИН

(РОМАН-КИНО)

НИЧЕГО СВЯТОГО

СМЕРТЬ

НА БРУДЕРШАФТ

ФИЛЬМА
СЕДЬМАЯ

ФИЛЬМА
ВОСЬМАЯ

РОМАН-КИНО

ОБОЗНАЧЕНИЕ

БОРИС АКУНИН

**Смерть
На
брудершафт**
роман-кино

«МАРИЯ», МАРИЯ...

Фильма седьмая

НИЧЕГО СВЯТОГО

Фильма восьмая

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТРЕЛЬ
МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А44

Подписано в печать 19.10.2010 г. Формат 76x108 1/32.
Усл. печ. л. 22,8. Тираж 120 000 экз. Заказ № 9428.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.2009 г.

*Автор выражает благодарность Михаилу Черейскому
за помощь в работе*

Художник — Игорь Сакуров

*Оформление обложки — Александр Кудрявцев
Иллюстрация на обложке — Вячеслав Люлько*

Акунин, Б.

А44 **Смерть на брудершафт: [роман-кино]/ Борис Акунин. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 472, [8] с.**

Содерж.: «Мария», Мария...: фильма седьмая. Ничего святого: фильма восьмая.

ISBN 978-5-17-071215-1 (ООО «Изд-во АСТ»)

ISBN 978-5-271-32295-2 (ООО «Изд-во Астрель»)

«Смерть на брудершафт» — название цикла из 10 повестей в экспериментальном жанре «роман-кино», призванном совместить литературный текст с визуальностью кинематографа.

Повесть «Мария», Мария...» (седьмая фильма) проливает свет на таинственную гибель знаменитого линкора. Восьмая фильма, «Ничего святого», рассказывает о покушении на жизнь российского императора.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© В. Akunin, 2010

© ООО «Издательство Астрель», 2010

Фильма седьмая

«МАРІЯ»,

МАРІЯ...

Морская быль

ОПЕРАТОРЪ

Г-НЪ И. САКУРОВЪ

Морскіе пѣсни
сочиненія тапёра
г-на Б. АКУНИНА

ТО

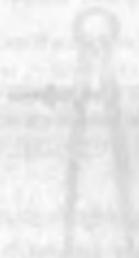

СТ

THE

AMERICAN

THE

THE

THE

THE

ВРЕМЯ КОЛУНА
Сентябрь 1916 года

Рандеву было назначено на половину первого в «Магазине морской книги», что на Адмиралтейском проспекте. По профессиональной привычке Йозеф фон Теофельс принял обычные меры предосторожности. Сначала дважды проехал мимо на двух разных извозчиках. Потом полчаса просидел с газетой в Александровском саду, подле Пржевальского и верблюда, издали наблюдая за входом в магазин и публикой. Ничего подозрительного не заметил.

Как водится, место встречи было выбрано толково. Агентам русской контрразведки затаиться было особенно негде. Разве что внутри.

За десять минут до условленного времени в лавку под видом покупателя вошел один из сотрудников петроградской сети (кличка «Нюхач»). Его дело было проверить все три зала и якобы по ошибке заглянуть в подсобное помещение. Если чисто, выходя на улицу уронить и снова надеть котелок. Что Нюхач и сделал.

Всё в порядке. Можно идти.

Зепп дочитал в «Новом времени» любопытную статейку о всеобщем отрезвлении русского народа в связи с «сухим законом». Не спеша отложил газету, потянулся. Он по-гурмански неторопливо наслаждался предвкушением.

Последние два месяца Теофельс пребывал в так называемой «гибернации», а говоря попросту бил баклуши: служил бухгалтером в судоремонтных мастерских Свеаборгской морской крепости, не представлявшей никакого стратегического интереса. Делать в этой дыре асу шпионажа было решительно нечего. От безделья и тяжелой финской пищи Зепп поправился на пять килограммов.

Специалистам подобного класса в самый разгар войны каникул просто так не дают. Майора явно готовили к какому-то особенно важному заданию, а

предварительно хотели подержать в карантине. Или, может, что-то у них там наверху было еще не вполне готово.

У Теофельса — он про себя это знал — имелся один-единственный, но существенный для разведчика недостаток: дефицит терпеливости. Его ртутный темперамент требовал постоянного движения, кровь жаждала пульсации, нервы — стресса, мозг — напряжения. В тяжеловесы глубинного залегания, на которых держится вся стратегическая разведка, он не годился. Ничего не делать целыми годами, просто обзаводясь связями и аккумулируя информацию, он бы не смог — увял бы. Однако начальство хорошо знало, кого и как использовать. Генерал Циммерман, руководивший всем разведывательно-диверсионным направлением, в свободное от службы время, для души, занимался столярным делом, поэтому классифицировал своих агентов своеобразно. Резиденты, предназначенные для стратегических поручений, у него именовались «циркулярными пилами»; мелкие исполнители — «лобзиками»; специалисты по зачистке, в зависимости от тонкости задания, «рубанками» или «наждаками»; «шурупам» поручались операции шантажно-вербовочного профиля; «отверткам» — решение аналитических

головоломок. И так далее, и так далее — набор инструментов был заготовлен на все случаи.

Зепп знал, что числится у начальника как Spaltaxt, «колун», но не обижался на столь неромантическую дефиницию своих способностей. Колуном пользуются, чтоб быстро и ровно расколоть жесткое поле-но. Молнией сверкнет стальное лезвие, хрясь — и чурбан разваливается на две аккуратные половинки.

Срочный вызов из обрыдшего Свеаборга на конспиративную встречу в столицу означал, что ожидание закончилось. Настало время колуна.

Интересненько, что там у них?

ВСТРЕЧА В МАГАЗИНЕ

Чем могу служить? — кинулся к Зеппу приказчик.
Вид у свеаборжца нынче был совсем не бухгалтерский. Ради конспирации и для большего

соответствия столичности Теофельс по дороге преобразился из захолустного Башмачкина в респектабельного господина (эспаньолка, золотое пенсне, шелковый цилиндр, светлое пальто, британские штиблеты).

— Мне бы, говубчик, в ка'тог'афический отдев, — сказал он барственно-профессорским манером, не выговаривая половину букв.

Сразу было видно солидного покупателя. Может, какое-нибудь светило картографии или даже член Географического общества.

— Извольте. Провожу-с...

В книжной лавке было почти пусто. Лишь несколько морских офицеров и чиновников высматривали что-то на полках или рылись в библиографической картотеке. Магазин был отменный, лучший в России, но, само собой, не для широкой публики.

Нюхач исполнил свою работу добросовестно. Точный взгляд майора сразу определил: ряженных среди посетителей нет. Всё чисто. Можно спокойно дожидаться связного. Если тот приведет за собой хвост, на площади загудит автомобильный клаксон — ситуация предусмотрена. Тогда нужно просто выйти через черный ход: из картографического

отдела в маленькую коричневую дверь, потом коридором, два поворота налево-направо, перебежать через двор и подворотнями уйти на Гороховую.

Все стены зала, куда продавец отвел картавого господина, были увешаны картами. На столах лежали огромные планшеты, на полках стояли атласы.

— Есть у вас «Мовской атвас» Эф'она, посъеднее издание?

Зепп знал, что есть. Один экземпляр.

— Всего один экземпляр. Его сейчас, к сожалению, смотрят — вон тот господин.

Это было некстати. Теофельс с неудовольствием поглядел туда, куда подбородком, деликатно, указывал приказчик.

Какой-то человек, повернувшись широкой спиной, листал на пюпитре объемистый фолиант.

Такое совпадение было маловероятно. Это наверняка связной. Однако как он вошел незамеченным? Этого серого диагоналевого пальто и бюргерской шляпы Зепп со своего наблюдательного поста не видел. Впрочем, на то и существуют пароли, чтобы исключать нелепые совпадения.

— Желаете подождать? Или посмотрите что-нибудь другое? — мурлыкал продавец.

— Спвошу, может быть, этот господин вазвешит мне... Бвагодаю, юбезный.

Приказчик поклонился, но не ушел. Желал удостоверить, не возникнет ли какого-нибудь трения между претендентами на единственный экземпляр атласа.

— Вас не беспокоит, есьи я тоже възгяну? Чевез ваше пьечо...

Человек не обернулся.

— Он по-русски не понимает. То ли француз, то ли бельгиец, — пояснил продавец и обратился к дигоналевому пальто. — Миль пардон, се мсье вё вуар осси се ливр. Са ву не деранж па?¹

Тот повернулся и приподнял шляпу, сверкнув моноклем.

— Pas du tout. S'il vous plaît, monsieur².

Успокоенный приказчик удалился. Трений не возникло. Оба клиента были люди культурные.

Чтобы прийти в себя, Зеппу понадобилась целая секунда — это много для человека с феноменальной реакцией.

¹Тысяча извинений, сударь. Господин тоже хочет посмотреть эту книгу. Это вас не беспокоит? (*искаж. фр.*)

²Нисколько. Прошу вас, сударь (*фр.*).

Пароль оказался не нужен.

— Экселенц?!
—

Господи Боже, генерал-майор Циммерман (заглазное прозвище Монокль), собственной персоной! Увидеть его посреди вражеской столицы было все равно что... Все равно что встретить овечку, мирно разгуливающую среди волчьей стаи. Или волка, щиплющего травку среди овец.

Запутавшись в метафоре, ошеломленный майор пролепетал нечто глуповатое:

— Я не видел, как вы вошли...

— Благодарю. — Начальник выглядел польщенным. — Значит, кое-что еще помню.

— Но... зачем так рисковать?! Я ждал обычного связного!

В штабе, сидя на стуле перед письменным столом Монокля, а то и стоя навытяжку, Теофельс не осмелился бы задавать ему вопросов, но во вражеском тылу огромная дистанция, отделяющая генерала от майора, стала почти неоощутимой.

И ответил экселенц совсем не так, как говорил в Берлине или в ставке, а тоном неофициальным, чуть ли не смущенным:

«В вавельн далакост чотэ нэ заскучатэ,
Корошо бэ земляю, братцы, повстоўчатэ,
Ты присядь, тыварыць, рюшкн напквай,
Разскажн, братншка, про родныы край»

— Надоело в штабе сидеть. Захотелось размяться. Заодно проинспектировать резидентуру. Я ведь в прошлом такой же «колун», как и вы. Не дай вам боже, Теофельс, сделать большую карьеру...

Он тяжело вздохнул, и Зепп вспомнил, что Циммерман действительно когда-то работал «в поле», причем в краях экзотических вроде Африки и Китая. Даже жаль стало беднягу. Ведь нестарый еще. Конечно, закис в своем штабе.

— А если вас арестуют? Представить страшно.

Монокль фыркнул.

— Во-первых, у меня швейцарский дипломатический паспорт. Во-вторых, ампула в зубе... — Он оглянулся, потому что в зал вошли двое гардемаринов, чему-то звонко смеясь. Перешел с немецкого на французский. — И вообще, это не ваша забота. — Палец в белой перчатке ткнул в карту. — Ваша забота — отправиться вот сюда и выполнить порученное задание.

Кинув взгляд на палец, Зепп спросил:

— В Севастополь? Новое задание имеет отношение к флоту? Поэтому меня и держали в судоремонтных мастерских?

Гардемарины встали перед картой Ледовитого океана, что-то там высматривая и оживленно пере-

говариваясь. Доносились отрывки фраз: «новый Мурманский порт», «конвой», «отряд эсминцев». Вероятно, молодых людей ожидала служба на Севере. Один из них, услышав французскую речь, вскинул руку к бескозырке с тремя белыми кантами:

— Виват Франс! Виват Верден!

Монокль церемонно поклонился:

— Vive la Russie!

Взял собеседника под локоть, повел к выходу.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СМЕЕТСЯ

В обычные зеркала Маша Козельцова никогда не смотрелась — скользнет взглядом и скорей отводит глаза. Дома у нее был туалетный столик с трюмо. Вот перед ним она просиживала подолгу. Глядела при этом почти исключительно в левую створку. Там отражался прекрасный, чистый про-

филь, в который можно было влюбиться. И Маша представляла, как эти тонкие черты запечатлеваются в сердце скромного, но глубоко чувствующего мужчины. Необязательно красавца, но человека твердого, надежного, который тебя никогда не предаст и ни на кого не променяет.

В среднюю часть трюмо Маша глядела неохотно. В правую вообще не заглядывала. С той стороны всю щеку и половину виска занимало огромное родимое пятно густого винного цвета, Машин крест и безысходная мука. Будто некая глумливая сила взяла и размазала по нежному девичьему лицу навозную лепешку.

День сегодня выдался славный. Теплый, солнечный и в то же время свежий. Со стороны бухты дул пахучий бриз, шевелил локоны. На правах старшей дочери и вообще *несчастной* Маша занимала самую лучшую комнату — в башенке, откуда открывался чудесный вид на крыши и на рейд. Обычно она сидела там, наверху, чувствуя себя узницей заколдованного замка. Но иногда, под настроение, перебиралась на первый этаж, в гостиную, и устраивалась с книжкой на подоконнике.

Вот и сегодня Маша сидела внизу, читала роман Виктора Гюго, повернувшись к улице правильной половиной головы (это у нее происходило само собой, авто-

матически). Книга была чувствительная — про человека, который смеялся иначе, чем все. Маша была увлечена романом, находила сходство со своей судьбой. Но это не мешало ей краем глаза наблюдать за прохожими.

Читающая у окна девушка в белом платье — зрелище приятное, романтическое. Большинство тех, кто проходил по улице, были мужчинами. В основном молодыми моряками. Ловить на себе их взгляды было славно. Один остановился и долго на нее смотрел. Высокий блондин. Мичман. Нет, поручик береговой артиллерии, углядела Маша на погоне две пушечки. Боковое зрение у нее было исключительной натренированности, а в знаках различия она разбиралась не хуже старого служжаки.

— Мадемуазель, — набравшись храбрости, позвал блондин. — Мадемуазель! Не скажете, как пройти на Екатерининскую?

Так она ему и поверила. Служит в Севастополе, а где Екатерининская, не знает.

— Мадемуазель! Я заблудился! Только вы можете меня спасти!

Голос у поручика был звучного тембра, с умеренной волнующей хрипотцой. И сделалось Маше грустно-прегрустно, хоть плачь.

«Торякъ — тѣбачныя усы,
Сѣйкаль отъ дѣлцы-красы.
Штормов онъ не боялся,
А тутъ перепугался»

Сцены вроде этой случались нередко. В хорошем расположении духа Маша делала вид, что не слышит. Просто вставала и уходила вглубь комнаты. Если же самоедствовала, хотела себя наказать — ну вот как нынче, — то поворачивала голову.

— Так вас спасти? — спросила она, обратившись к ухажеру анфас.

Он попятился. Споткнулся. Потом повернулся и побежал.

«Вот тебе, вот тебе», — сказала Маша то ли блондину, то ли себе. Широко оскалила зубы в злой улыбке. И захлопнула раму.

НА БРЕГАХ НЕВЫ

Они долго шли молча — вдоль площади, затем по набережной. Нужно было еще раз убедиться, что слезки нет. За Теофельсом сле-

довали двое охранников — по обоим тротуарам, отстав на двадцать—тридцать шагов. Монокля оберегали еще тщательней. Зепп насчитал по меньшей мере семерых пеших охранников, две пролетки, автомобиль, да еще по Неве параллельным курсом медленно двигался, урча мощным мотором, прогулочный катер, в котором, несмотря на паршивую погоду, пикничовала какая-то хмурая компания. Случись что, генерала-инспектора вмиг умчали бы хоть по суше, хоть по воде.

Лишь возле Троицкого моста генерал счел возможным начать разговор. Облокотились о парапет, закурили. По реке гулял шальной ветер, то там, то сям выписывая рябью замысловатые вензеля.

— В войне создалась патовая ситуация. Верден и Сомма стоили нам почти миллиона солдат. На востоке австрийцы потерпели поражение, от которого вряд ли оправятся. Противник тоже обескровлен, но время работает на него, а не на нас. Всё сильней сказывается нехватка ресурсов, прежде всего топлива. Путь, по которому нефть поступает на территорию Рейха, проходит через земли нашего турецкого союзника...

Ровным, лишенным выразительности голосом Монокль говорил вещи, которые Теофельсу и так

были известны. Турция с Болгарией ненадежны. Единственной гарантией поставок ближневосточной нефти является контроль над проливами, а флота на Черном море почти не осталось. Крейсер «Меджидие» погиб под Одессой, крейсер «Мессудие» потоплен английской субмариной в Дарданеллах, крейсер «Бреслау» недостаточно силен и недавно чуть не отправился на дно под залпами русского дредноута «Императрица Мария». Единственный еще не битый козырь — линейный крейсер «Гебен», который удалось перекинуть к туркам в самом начале войны. До недавнего времени в тех водах у него не было соперников. Но после того, как русские спустили на воду свой флагман «Императрица Мария», положение переменялось. «Гебен» уступает «Марии» в мощности огня и вынужден бегать, как заяц, пользуясь преимуществом в скорости. При хорошем ходе и искусном маневрировании можно уйти от одного дредноута и даже от двух. Но три линейных корабля загонят зайца в треугольник, из которого не будет спасения. В русском черноморском флоте теперь два однотипных гиганта — «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина Великая», а скоро будет три: со

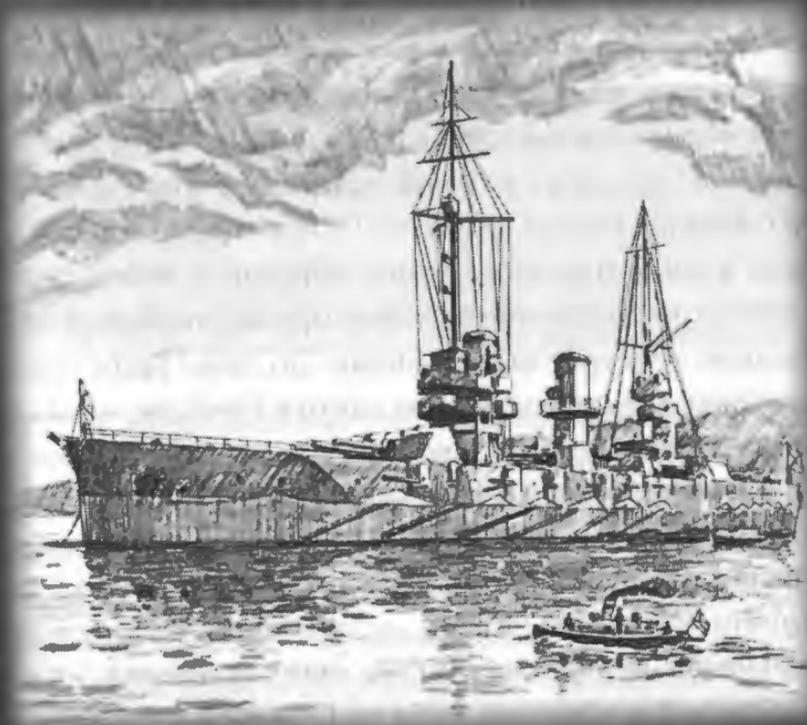
дня на день введут в эксплуатацию «Императора Александра Третьего». По сведениям агентурной разведки, адмирал Колчак готовится уничтожить порт Варна, потом загнать «Гебен» тремя дредноутами в капкан и после этого обрушить огонь своих трехсотпятимиллиметровых орудий на Константинополь. Можно не сомневаться, что Турция немедленно выйдет из войны. Тогда Рейх останется без топлива, а значит...

Генерал не договорил — и так ясно. Хорошо было Наполеону сто лет назад воевать на лошадях, а в двадцатом веке без топлива много не навоюешь. *Нисколько не навоюешь.*

Выждав вежливую паузу, Зепп позволил себе вторгнуться в мрачные думы начальника.

— Вы четырежды упомянули линкор «Императрица Мария»... — осторожно сказал он. — Полагаю, неслучайно. Правильно ли я понял, что это и есть чурбан, для которого вам понадобился колун?

— Да. Нужно уничтожить этот корабль. Или один из двух остальных линкоров. Но желательно все-таки «Марию». Она лучше оснащена и вооружена, у нее самый опытный экипаж. Недаром там держит свой флаг командующий Черноморским флотом.

«И не придет впадуikota
на бой стремиться риковой,
пока «Мария», флагмань флота,
стокть на вахть боевой»

Майор молчал. Задание получено, но каковы средства для исполнения? Уничтожить стальной гигант размером с пол-Петропавловской крепости — не комара прихлопнуть.

О том же, вероятно, думал и Монокль. Только для сравнения выбрал не крепость, а пришвартованный поодаль трехтрубный крейсер, должно быть, бывший нести сторожевую вахту в столице.

— Видите вон тот утюжок? Если не ошибаюсь, это крейсер первого ранга «Аврора». Так вот, фрау «Мария» раза в четыре дородней этой греческой богини. Отправить толстуху на дно будет не просто. Но у нас, вы знаете, есть кое-какой опыт по этой части. «Морская группа» уже переправлена на Черное море и начала работу. Она в полном вашем распоряжении. Телеграфируйте, когда станет ясно, кто еще вам понадобится. Обеспечим любую поддержку. Вся агентура будет работать на вас. Однако помните: времени очень мало. Отправляйтесь в Севастополь немедленно. Мы надеемся на вас, Теофельс...

«МОРСКАЯ ГРУППА»
Секретные сведения

Первоначально это спецподразделение (полное название — «Военно-морская группа технического обеспечения специальных акций») была создана как чрезвычайное средство на случай, если Британия все-таки вступит в грядущую войну на стороне России и Франции.

И сама идея, и ее реализация принадлежали Моноклю.

Уже три века Англия безраздельно господствовала на морях. По суммарной мощи орудий, по количеству линкоров, крейсеров и прочих надводных кораблей за таким противником германскому флоту было не угнаться. Благодаря форсированному выполнению «Плана Тирпица» к 1914 году Kaiserliche Marine³ модернизировался и многократно усилился,

³ Императорский военно-морской флот (нем.).

но все равно уступал британскому Grand Fleet⁴ почти вдвое.

Поэтому было принято решение действовать иными средствами. Во-первых, заменить войну *на море* войной *внутри моря*, то есть сделать ставку прежде всего на субмарины — их строить было быстрее и дешевле. Во-вторых (это уже непосредственно входило в полномочия разведки), предполагалось в самом начале конфронтации вывести из строя несколько ключевых кораблей противника при помощи диверсий.

«Морская группа» состояла главным образом из инженеров, перед которыми ставилась сугубо техническая задача: найти самую уязвимую точку в каждом из намеченных к уничтожению объектов и изготовить компактные мины, которые идеально соответствовали бы конкретным условиям операции. Операцию разрабатывали специалисты иного профиля — диверсионные ячейки, которые должны были обеспечить доступ на корабли и провести закладку взрывных устройств. Такого рода акция требовала хорошего знания местных условий и разветвлен-

⁴ Большой Флот (англ.).

ных контактов, поэтому ячеек было столько же, сколько целей. Но «Морская группа» существовала одна на всех.

Таков был стратегический замысел. Однако в жизни редко бывает, чтобы всё шло по плану. Из четырех намеченных ударов первого этапа диверсионной войны три по разным причинам сорвались, причем члены ячеек погибли или были «засвечены». Успех сопутствовал только одной акции. 26 ноября 1914 г. на рейде базы Ширнесс был взорван линкор «Булварк», погибший вместе со всем экипажем. Могучий корабль и 750 жизней в обмен на десяток агентов — вроде бы неплохой результат. Однако командование сочло операцию неперспективной. У Англии было слишком много боевых кораблей — гораздо больше, чем хорошо подготовленных кадров у немецкой разведки. Отдельными диверсиями проблему британского военно-морского превосходства было не решить.

Тогда, ввиду ожидаемого выступления Италии, было решено перефокусировать «Морскую группу» на Средиземноморский театр. Об этом просили австрийские союзники, которым предстояло взять на себя основную тяжесть войны с новым противником.

Итальянский флот не ровня британскому. Нейт-рализовать его можно было двумя-тремя хорошо рассчитанными операциями.

Год назад в Бриндизи был взорван флагманский корабль эскадры линкоров «Бенедетто Брин». В минувшем августе удалось утопить новейший дредноут «Леонардо да Винчи». Диверсионные ячейки и часть «Морской группы», правда, были впоследствии вычислены вражеской контрразведкой и погибли, зато итальянская морская угроза на Средиземноморье перестала существовать.

Все эти сведения, почерпнутые из папки, которую Йозеф фон Теофельс изучал в крымском поезде, выглядели вроде бы обнадеживающе: опыт подобных операций существует, есть наработки, имеются подготовленные кадры. Однако была тут и загвоздка. Она вскрылась, когда Зепп углубился в чтение раздела «Русское направление».

Досье, специально приготовленное для майора и содержавшее сугубо секретную информацию, было напечатано на очень тонкой бумаге, которая была похожа на папиросную — не только видом, но и одним весьма полезным качеством. Довольно

было слегка надорвать краешек, и начиналась химическая реакция, в несколько секунд превращавшая листок, как папиросу, в кучку пепла. Достав страничку, Зепп немедленно ее уничтожал. Каждые четверть часа верный Тимо топал ссыпать содержимое пепельницы в уборную (купе было первого класса, двухместное, с собственным туалетом).

Так о загвоздке.

Из папки следовало, что с русским флотом серьезной работы никогда не велось, если не считать обычной агентурной сети еще мирного времени в Кронштадте и Николаеве. Но там люди в основном занимались просто сбором информации, диверсионных ячеек ни на Балтике, ни тем более на Черном море не существовало. Военно-морские силы Российской империи не считались серьезной проблемой, поскольку узость проливов и на северном морском театре, и на южном позволяла без особых забот изолировать вражеские эскадры в их внутренних водах.

Однако в связи с вводом в строй триады мощных дредноутов и ослаблением турецкого союзника всё менялось. Черноморский флот русских превращался в фактор, способный изменить ход войны.

Закончив изучение последнего раздела (то был список агентов-диверсантов, которые могли пригодиться в деле), Зепп завздохал, забарабанил пальцами по столу. Он растревожился: вдруг не справится.

Волнение, впрочем, было приятным.

ПРОГУЛКА ПО ПУШКИНСКОЙ

Любимое время суток у Маши был вечер. Любимое время года — осень и зима. Потому что рано темнеет и можно гулять по улицам. Днем да еще в солнечный день, она почти никогда не выходила. Разве что в густой вуали или широкополой шляпе, затеняющей лицо.

Трудность состояла в том, что без сопровождающего по вечернему городу разгуливают только женщины определенного сорта. Поэтому пройтись по любимым улицам, Пушкинской или Екатерининской

ской, вдоль Графской пристани или по Мичманскому бульвару, Маше доводилось нечасто.

Во-первых, спутник мог быть только военным — они, в отличие от штатских, идут от дамы справа и тем самым обеспечивают прикрытие с правильной стороны.

Во-вторых, Маша не должна была испытывать стеснение перед кавалером за свое уродство.

Людей, которые соответствовали двум этим обязательным условиям, на свете существовало всего двое: папа и Мика Вознесенский.

Сегодня всё сложилось как нельзя лучше. Вечер выдался удачный, безлунный. Папа был на службе, но Мику отпустили на берег, и он сам предложил «произвести небольшой марше-марше», как это называлось во времена их детства. Была у них такая глупая песенка, невесть когда сочиненная маленькими жертвами уроков французского:

Жё по Пушкинской марше
И пердю перчатку,
Жё немножко пошерше,
И опять марше-марше.

С Микой Вознесенским, сыном папиного товарища, они вместе выросли. Вот уж кого Маша нисколько не стеснялась. Да и он ее ужасному пятну не придавал никакого значения, вообще его не замечал.

И вот шла Маша с красавцем-мичманом по Пушкинской (разумеется, правой стороной улицы, чтобы свет фонарей падал слева), и было ей очень-очень хорошо. После того как в начале войны крейсер «Гебен», втихомолку подкравшись, обстрелял город из орудий, в Севастополе соблюдались правила затемнения, но не слишком строго. Огни не горели только на набережных, да полагалось прочно зашторивать обращенные к морю окна. После того, как со ступеней сошли наши дредноуты, «Гебена» в городе бояться перестали.

Только недолго наслаждалась Маша прогулкой. Оказалось, что Мика вывел ее «марше» не просто так. Ему нужно было поделиться огромным событием: он влюбился, сделал предложение и получил согласие. Микину избранницу Маша знала — жеманная петроградская барышня, приехавшая в Крым на осенне-зимний период из-за слабых легких.

— ...Я и не надеялся, честно! Не собирался ничего такого, само выскочило, — горячо рассказывал Мика,

«Вдоль притворского бульвара
Шла гуляющая пара»

не забывая козырять встречным офицерам. — Взял и бухнул: «Боже, как я вас люблю!» А она знаешь что? Закрывает лицо руками и заплакала! Представляешь? Это лучше всяких слов! Господи, Марусенька, я не знаю, что будет, ведь война и всё такое, но я... Я буду то пьяный! Неужели мы поженимся? Неужели?

Тут он поглядел на нее и сбился.

Маше показалось, что у нее в груди раздавался хруст. Словно каблук раздавил что-то хрупкое, стеклянное. Вероятно, именно это имеют в виду, когда говорят о разбившемся сердце...

— У тебя слезы. Ты плачешь!

— Это я от счастья. За тебя, — сказала она и выдавила улыбку. — Мой Мика женится. Подумать только. Проводи меня домой. Что-то зябко...

Всю жизнь, с детства, она втайне, никому не открываясь, мечтала, что Мика однажды признается ей в любви. Ни о ком другом никогда не думала, да и не могла думать. Все остальные мужчины смотрели на Марию Козельцову с нескрываемым (да хоть бы и скрываемым, какая разница) отвращением.

Теперь только в монахини, думала Маша, перестав слушать счастливый лепет единственного друга. Монашкам телесная красота не нужна. Опять же

можно повязать черный плат так, что пятна будет почти не видно.

Но без веры идти в Христовы невесты нехорошо, а какая может быть вера в Того, кто с рождения залепил тебе половину лица, образа Божия, навозом?

ПРИНЮХИВАЕТСЯ

У лазаревских причалов море пахло неромантично: тухлой рыбой, гниющими водорослями, мазутом. Человек, сидевший в коляске с поднятым верхом, раздувая ноздри, втянул воздух, поморщился, прикрыл лицо надушенным платком. Скучавший на пирсе фельдфебель портовой охраны ухмыльнулся: ишь ты, поди ж ты, какие галантерейности. Пижон, что приехал в наемной пролетке, торчал тут уже давно. Верно, дожидался какого-нибудь знакомого моряка. Здесь, на Экипажной пристани, высажива-

лись матросы и мастеровые, что прибывали на берег с кораблей, стоявших на рейде Северной бухты. Время было вечернее, шлюпки так и сновали туда-сюда.

С «Марии», низкий и длинный силуэт которой серел за стрелкой Павловского мыса, везли ремонтных рабочих. У них как раз закончилась смена.

Служба у фельдфебеля была простая, но ответственная: считать да сверять.

Подкатил, к примеру, малый катер (его по старой традиции называли «полубаркасом»). Служивый поправил портупею, со значением глянул на своих солдат-лоботрясов. Те подтянулись: мы начеку, носом не клюем.

Для порядку фельдфебель сначала спросил у старшего по перевозке:

— Откуда? — Хотя на катере было ясно написано «Императрица Мария».

— Здорово, Гаврилыч. Заступил? — приветствовал его кондуктор. — Маляры, выходь!

Неловко, без привычки, на причал вскарабкались четверо чумазых, в заляпанных краской передниках.

Фельдфебель заглянул в учетную книгу. Всё точно. Бригада маляров, четыре человека, отправлена в

В часов двенадцать минут. Ткнул пальцем в каждого, махнул рукой: валите.

Вылезла следующая бригада.

— Это клепальщики. Было шестеро, один раньше пернулся.

С записями совпало.

— Дальше кто?

Дальше были монтажники и водолазы. Фельдфебель важно и неторопливо пересчитал их по головам, хоть те и ворчали. Все устали за день, всем хотелось домой.

— У меня тут прописано еще пять электриков: инженер, механик и три гальванера.

Кондуктор ответил:

— Чего-то они там в артогребе не доделали. Будет еще одна ходка. А больше никого из вольных нету.

Он тоже поднялся, размяться. Поручкались, благо казенное дело было закончено. Закурили сигарки.

Ядреный дым морского табачка, видно, оказался не по нутру нежному господину в коляске. Или, может, он дожидался кого-то из электриков, а услышав, что они задерживаются, решил больше времени не тратить.

Брезгливо чихнув, седок ткнул тросточкой в спину сутулого верзилу, дремавшего на козлах:

— Пошел!

На костлявой физиономии извозчика приоткрылись сонные глаза.

— Жевелись, лубезные! — гаркнул кучер, странно выговаривая слова. — Эгегей!

Укатили.

ПРИСЛУШИВАЕТСЯ

А уже совсем вечером, в одиннадцатом часу, тот же самый господин, только не с платком в руке — с зажженной сигарой, — опять кого-то терпеливо поджидал у крайней колонны Морского собрания. Как раз закончилась лекция для офицеров (профессор из Николаевской академии делал сообщение о Ютландском сражении), и на площадь выходила черномундирная, золотопогонная толпа. За спиной бронзового Нахимова образовалось скопление курильщиков.

«Торгованню модою
Пужно вдоволь гадати,
Сразу скажуть модники:
«Всё на світі пустяки»

Многие, не поместившись на тротуаре, стояли на мостовой.

Несмотря на сугубую неформальность стихийного сообщества, обычная для флотского мира иерархия соблюдалась и здесь: как-то само собою вышло, что мичманы и молодые лейтенанты оказались на тротуаре и близ него, а публика солидная, командиры и старшие офицеры кораблей, отделенные от прочих пустой полосой брусчатки, собрались у ограды памятника.

Тема сообщения, посвященного крупнейшей морской баталии современности, волновала слушателей. Они не спешили разойтись. Кому-то хотелось высказать свою точку зрения и поспорить, прочие внимательно слушали. При этом молодежь горячилась и шумела, люди зрелые переговаривались вполголоса, не перебивая друг друга.

Человек с сигарой, надвинув на глаза котелок, прохаживался между моряками, словно высматривая знакомых.

— ...А я тебе говорю, победили немцы! — слышалось из круга желторотых. — Они утопили вдвое больше кораблей!

— Какая, к черту, разница! Главное, что Шеер не смог прорвать английскую блокаду и гансы убралась восвояси!

Артиллеристы сравнивали эффективность огня с обеих сторон.

— М-да, господа, что ни говорите, а выучкой немцы превосходили британцев. Точность у них в полтора раза выше. При стрельбе со средней дистанции в 50—70 кабельтовых три с половиной процента попаданий — это, доложу я вам, ого-го. Знаете, каков был результат у нас на «Екатерине» во время последних тренировочных?

Говоривший умолк, недовольно глядя на штатского, пробиравшегося к памятнику. Сведения о стрельбах были конфиденциальные, не для чужих ушей.

Но артиллерийские тайны господина в котелке, кажется, не интересовали. Он, вероятно, был приезжий и просто слонялся по площади от нечего делать. Кому из севастопольцев придет в голову разглядывать ядра и лавровый венок, прикрепленные к тыльной части постамента? Рядом, правда, вели неторопливый разговор двое немолодых офицеров, но тема была скучная и несколько не секретная.

— Надоело вечное «авось», Иван Сергеевич, — хоть и почтительно, но довольно сердито бурчал старшему по званию капитан второго ранга. — Из-за русского нашего разгильдяйства чуть войну не профукали! Право слово, ну что у нас на «Марии» за порядки? В какой, осмелюсь спросить, инструкции сказано, чтоб на боевом корабле ремонт производили штатские? На то есть военно-инженерный экипаж!

Вынимая из мундштука докуренную папиросу, седебородый капитан первого ранга добродушно отвечал:

— Вы, Николай Семёныч, старший офицер. Вам по вашей бульдожьей должности положено инструкции защищать. А я командир, мне за корабль отвечать. На уставе да инструкциях дела не сделаешь... Инженерный экипаж, он один на всех, а на «Марии» перед походом сами знаете, сколько всего наладить нужно.

Старший офицер дернул себя за длинный черный ус:

— Иван Сергеевич, да ведь мы — флагман флота! Мы пример должны подавать! Коли уж у нас настоящего порядка нет...

«Морьяк всегда содречно
своем алушу раскрывал
первымъ встѣчнымъ-поперечнымъ,
но не сукопутной швадки»

Командир закашлялся и выразительно кивнул на любителя памятников. Разговор был пускай не секретный, но того разряда, который называют «выносить сор из избы», не для чужих ушей.

Седобородый взял черноусого под локоть, отвел в сторонку. Штатский же зевнул, сунул сигару в угол рта, прогулочным шагом обошел вокруг памятника, поглазел на белеющий во мраке портик Графской пристани, еще покурил возле театра «Ренессанс» и лениво вошел в высокие двери помпезного трехэтажного здания псевдоклассической архитектуры, отель Киста — это название местные остряки произносили с ударением на последнем слоге. Если бы кому-то пришло в голову заинтересоваться странноватым поведением человека в котелке, то всё тут же и объяснилось бы. Обычный вечерний моцион гостиничного постояльца. Где ему еще и гулять, если не рядом с местом проживания?

ТВОРЧЕСКИЕ МУКИ

Вечерний моцион обычно производят, чтоб крепче спать. Но постоялец спать и даже ложиться не собирался.

Вернувшись в номер, он сел к столу, высыпал из коробка спички и стал выкладывать из них буквы.

Сначала сложил «Д», что означало «дредноут». Это слово английского происхождения, обозначавшее линейные корабли сверхмощного класса, буквально переводилось как «ничего не страшщийся». У дредноутов вроде «Императрицы Марии», в море соперников не имелось — как у синего кита, который в двадцать пять раз тяжелее самого крупного сухопутного зверя, африканского слона.

Число «25» в голове ночного мыслителя вертелось с каббалистической многозначительностью.

Флагман черноморского флота в полном снаряжении имел водоизмещение двадцать пять тысяч

тонн. Его паротурбинные установки обладали силой табуна в двадцать пять тысяч лошадей. Толщина брони составляла двадцать пять сантиметров. Двадцать пять орудий могли стереть с лица земли целый город или потопить любой корабль, который осмелится бы приблизиться на двадцать пять километров. В своей берлоге, на стоянке Северной бухты, левиафана охраняли жерла двадцати пяти береговых батарей.

Вопрос: кто способен погубить неуязвимого в своей броне великана?

Ответ: тот, кто сумеет пробраться под его панцирь.

На столе появилась буква «Р», что означало «ремонт».

Сведения, подготовленные агентурой и проведенные собственными наблюдениями, подсказывали единственно возможный способ решения трудной задачи. Перед грядущим большим походом на обоих линкорах шел срочный ремонт. Хоть корабли были новые, но, как это всегда бывает, в конструкции, вооружении и оснащении выявились недочеты, которые следовало исправить. Работы велись в орудийных башнях, пороховых погребах, в системе подачи боеприпасов, в торпедных отсеках. Несо-

вершенной оказалась и противоаэропланная оборона — бомбардировочная авиация развивалась так быстро, что зенитных пушек оказалось недостаточно.

Военных ремонтников в Севастополе не хватало, поэтому на линкорах трудились штатские — мастера с государственных и частных предприятий. Их состав все время менялся, в зависимости от профиля и этапа работ. Учет велся по старинке — без персональной регистрации, на глазок, по головам.

Здесь в толстой коже кашалота явно было слабое место, но как в него вгрызться?

Теофельс бился над этой головоломкой вторую неделю. Принюхивался, присматривался, прислушивался. По сотому разу изучал собранную информацию, добывал новую. Утратил сон и аппетит. Ждал наития.

Специалисты из «Морской группы» дали экспертное заключение: взрыв нужно произвести в двух ключевых точках: на паровой магистрали и в крьюйт-камере одной из орудийных башен главного калибра. Готовы прелестные миниатюрные детонаторы в виде латунных трубочек — такую можно спрятать

«Пытливый взор проникнуть тщится
В гонимые тайны недр морских»

где угодно: хоть в головном уборе, хоть, пардон, в заднице. На этом работа художников взрывного искусства, собственно, закончилась. Дальнейшее зависело только от Зеппа.

Как диверсант проникнет в паротурбинный отсек и тем более в пороховой погреб, куда не то что посторонних, но и своих-то допускают только в особых случаях и, разумеется, под строгим контролем?

Времени вербовать кого-то из экипажа нет. Опять же рискованно — ошибешься в человеке, вся операция провалится.

Зепп с завистью думал о коллегах, готовивших предыдущие взрывы. Милое дело — работать не спеша, обстоятельно.

Подробностей акции с британским «Булварком» Зепп, конечно, не знал, но легко мог предположить, каков был хореографический рисунок этого танца. Англия — страна этикета, корпоративного духа. Если два джентльмена состоят в одном клубе, или учились в одной закрытой школе, или, God damn it, гоняли вместе по полям несчастную лисицу, разве могут у них быть секреты друг от друга?

Еще проще в Италии. Сходили пару раз в bordello, к одной и той же красотке, чтобы стать,

как у них это называется, *fratelli di letto*⁵. Попели хором «Санта Лючию» — *è cosa fatta*⁶. Приходи в гости на корабль хоть с чемоданом, оставайся ночевать...

Брюзгливые фантазии навевались завистью и бессонницей. В Британии и в Италии майор никогда не работал. Однако ход мысли был верный.

Всюду есть свои национальные особенности, своя экзотика. Их и следовало использовать.

Вот что такое Россия с точки зрения охраны секретных сведений?

С одной стороны, русские подвержены тотальной шпиономании, побуждающей их ревностно оберегать самые невинные сведения, которые нетрудно почерпнуть из открытых источников, даже из прессы. К любому незнакомому человеку, особенно в военный период, относятся с овчарочьей подозрительностью. Но если уж казенный человек тебя признал за своего, все шлагбаумы, или, выражаясь по-туземному, рогатки поднимаются, инструкции и запреты идут к черту.

⁵ «Постельные братья» (ит.).

⁶ И дело в шляпе (ит.).

Взять хоть эту гостиницу. К каждому приезжающему отношение сверждительное: извольте документы на прописку, да по какой надобности изволили прибыть, да нельзя ли получить телеграфное подтверждение от командирующей инстанции. Военный порт, неприступная крепость! Горничная баба Катя в первую же отлучку обшарила весь багаж, аж носовые платки перебрала (это Зепп установил по приставшему к батисту длинному полуседому волосу). То ли тетка в морской контрразведке подрабатывает, то ли просто энтузиастка — под предлогом патриотической бдительности удовлетворяет женское любопытство. И что же? Довольно было угостить пожилую фрау чаем, выслушать рассказ о не легкой женской доле, самому посетовать на горькую судьбину вдовца с шестью крошками на руках (имелись и фотокарточки крошек, а как же) — и сделалась Катюша верной союзницей. Стала называть «сынком», все секреты выложила — и про полового Мишку, который филер, и про обязательную «лепортацию» о каждом постояльце. А всё потому что Зепп стал для нее свой.

Своим в России можно всё, правила написаны для чужих. Поэтому и законы здесь не более чем ус-

ловность, удобная для сильных и досадная для слабых. Недаром сакральный лозунг русских — «жить по правде». Но правда-то у каждого своя. Это право то бишь закон, для всех общий, а общее — оно заведомо не свое.

Именно здесь, на стыке *общего* и *своего*, казенного и личного, угадывалась замочная скважина. Только Зепп никак не мог нащупать ее отмычкой.

Снова и снова вчитывался он в досье всех ключевых фигурантов: командиров, старших офицеров, артиллеристов, служивших на обоих линкорах.

Агентура потрудилась добросовестно, ничего не скажешь. Собрала исчерпывающую информацию — карьера и биография, характер и привычки, пристрастия и грешки, семейные и любовные связи.

Эх, если б можно было подключить женский фактор! Насколько проще и удобнее работать с существом противоположного пола! По личной статистике Теофельса, 80% удачных операций из его послужного списка были проведены с помощью нежных, влюбчивых, легкомысленных созданий, которые в пальцах умелого скульптора становятся податливей самой мягкой глины.

Разумеется, умной разведчице плести пряжу из мужчины тоже нетрудно. Если б руководителем агентурной сети Рейха был Зепп, он использовал бы женщин на всех ключевых направлениях — ведь обрабатывать-то приходится почти исключительно представителей сильного пола. Это они руководят министерствами, штабами, банками и заводами. Если б в придачу к «Морской группе» в Севастополь прибыл летучий отряд хорошо подготовленных цирцей-далил-юдифей...

Всё равно бы ни черта не вышло, оборвал свои мечтания майор. В данном случае женщину использовать не получится — ни в качестве активной помощницы, ни в качестве «куклы». Военный корабль — особая среда, куда прекрасному полу доступа нет.

И всё же мозг постоянно возвращался к этой теме.

На восьмой день размышлений, поисков и страданий Зепп наконец нащупал кое-что перспективное.

А всё потому, что не удовлетворился одними досье. Бумага — она и есть бумага. Какую-нибудь мелкую и вроде бы несущественную детальку может упустить. Даже если эта деталька, можно сказать, сама бросается в глаза.

ПРИСМАТРИВАЕТСЯ

А нем в укромном, тенистом уголке Исторического бульвара, куда редко забредают гуляющие, сидела на скамейке молодая особа в широкополой соломенной шляпе, читала книгу, повернув голову так, что с аллеи виднелся лишь милый и чистый профиль.

Отнюдь не напротив, а на отдалении штудировала иллюстрированную газету какой-то бездельник: клетчатые ноги, покачивающийся ботинок с гамашей.

Внимания читатели друг на друга не обращали — дистанция была приличная, шагов в двадцать.

И случился тут небольшой, абсолютно случайный казус.

Шла по бульвару компания из трех моряков: два мичмана и лейтенант. Должно быть, молодые люди только что отобедали — славно, не без винопития. Настроение у них было приподнятое, походка бодрая.

Заметили моряки одинокую барышню — зашептались. Человеку с газетой, однако, их переговоры были хорошо слышны, поскольку совет происходил поблизости от его скамейки.

— Кто идет на абордаж? — спросил пухлый мичман. Худой мичман ответил:

— По-честному.

Кинули жребий на пальцах. Выиграл лейтенант.

Двое остальных сделали вид, что рассматривают крумбу, победитель же танцующим шагом направился к незнакомке. Приятели поглядывали ему вслед, предвкусывая улыбаясь.

Заметила маневр лейтенанта и девушка. Головы она не повернула, но по застывшей позе было ясно, что читательница насторожилась.

Офицер, грациозно наклонившись, сорвал хрипунтему, остановился у скамьи.

— Знаю, всё знаю, — сказал он покаянно. — Знакомиться на улице пошло. Но кто знает, сколько жить осталось. Через неделю ухожу в поход... Вернусь ли? Бог весть...

Девушка уже не читала, скосила на молодого человека глаза. Тот подпустил в голос проникновенности:

— Хоть удостойте взглядом. Будет что вспомнить в смертный час.

На секунду она закрыла глаза. Прикусила губу.

Громко, с вызовом сказала:

— Что ж, вспоминайте!

И повернулась.

Огромное родимое пятно, занимавшее половину лица, было видно издалека. Лейтенант сделал шаг назад. Потом еще один.

Его приятели, в первый миг опешившие, зашлись восторженным хохотом.

— Боба-то наш... Дон Жуан... Ой, не могу... — покатывался худой мичман.

Пухлый мичман вторил ему:

— Иван-царевич и ца...ца...царевна-лягушка...

На глазах у барышни выступили слезы. Она беспомощно оглянулась, словно искала, не найдется ли где-нибудь защитник.

Но господин в клетчатых брюках из-за своей газеты не высунулся, а больше на аллее никого не было.

Девушка вскочила, готовая бежать прочь, однако тут со стороны трамвайной линии в сквер быстро вошел юноша, тоже в морском сюртуке.

«Учили насъ любой ушаконь,
что нтъ прогосдь для торяковъ,
эй, барабанщикъ, глотче бей!
впередь, ребята! Но робья!»

— Мика, Мика! — кинулась к нему плачущая девушка.

— Прости, Маша, вахтенный задержал... — начал оправдываться припозднившийся кавалер, но заметил ее слезы, услышал смех весельчаков и сразу догадался, что здесь произошло.

— Господа, это мерзко! — закричал он, ускори шаг. — Немедленно извинитесь!

У сконфуженного неудачным «абордажем» лейтенанта появился отличный способ восстановить свое реноме.

— Что за тон? — грозно рыкнул он. — Вы кто такой? Извольте представиться старшему по званию!

— Мичман Вознесенский, с «Императрицы Марии», — назвался рыцарь и тихо, чтобы барышня не слышала, прибавил. — Это дочь нашего командира! Настоятельно советую извиниться...

Лейтенант выругался, тоже вполголоса.

Оправил китель. Четким шагом подошел к всхлипывающей девушке, сдержнул фуражку.

— Мадемуазель, ради бога простите меня и моих товарищей за глупость и хамство. Нет слов, как стыдно...

Склонили головы и двое остальных.

Капитанская дочь грустно ответила:

— Ничего, господа. Я привыкла...

Посмотрела на единственного свидетеля неприятной сцены, однако тот уже куда-то делся. На скамье белела брошенная газета.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Следующим утром, проводив отца до пристани (семейная традиция, никуда не денешься), Маша Козельцова шла домой в обход центральных улиц, чтоб не наталкиваться на испуганные или, того хуже, жалеющие взгляды. Пересекла Большую Морскую, нырнула в узкий проход, который вел через дворы на Одесскую, а там рукой уже подать до дома.

В узкой щели между домами, спиной к Маше, стоял кто-то в военном френче без погон, неторопливо

и обстоятельно прикуривал папиросу. Обойти его, широкоплечего, было затруднительно.

Секунду-другую обождав, Маша нетерпеливо сказала:

— Сударь, позвольте пройти.

— М-м-м? — промычал курильщик, не повернувшись. Донеслось сосредоточенное попыхивание. Табак, видимо, отсырел.

— Разрешите пройти, — повторила она, уже с раздражением.

— Да-да, извините.

Невежа подвинулся, встав к стене лицом.

— Вас не учили, что поворачиваться к даме спиной неучтиво? — окончательно рассердилась Маша. Она всегда бывала не в духе, когда приходилось в ясный день ходить по городу.

Незнакомец глухо произнес:

— Хорошо, я обернусь...

И обернулся. На груди у него белел эмалью георгиевский крест и еще висел какой-то овальный значок с короной, но потрясенная Маша не вглядывалась. Лицо невежи слева было обезображено чудовищным ожогом: кожа воспаленно-розового оттенка вся сморщилась — жутко смотреть.

«Дети не жни. — зовут лезла. —
Коль ты такой сателчанья
И въ небо посмотрелъ морякъ —
И стигнулъ навсегда»

Глядя вниз, мужчина хмуро сказал:

— Извините, вы сами настояли...

— Это вы меня извините! — прошептала она, мучительно краснея. Уж ей ли было не знать, что он, бедняжка, сейчас испытывает!

По-прежнему не поднимая взора, георгиевский кавалер вздохнул:

— Не могу видеть, как от меня шарахаются женщины, особенно молодые. Не привык еще...

— Я вас понимаю, как никто другой. Вот, смотрите!

Поддавшись внезапному порыву, она приподняла вуаль.

Он наконец взглянул на нее. Но реакции, к которой Маша привыкла и которой ждала, не было. Незнакомец не отвел взгляда от пятна, а довольно равнодушно его рассмотрел. Пожал плечами.

— Где вам понять уroda. Вы красивая. Подумаешь, родимое пятно. Даже мило. Похоже на медвежонка.

— На медвежонка? — пролепетала Маша и схватилась за щеку.

— Ну да. Вы позволите?

Деликатно, самым кончиком пальца, обожженный дотронулся до ее лица.

— Вот голова, вот лапки... — И, испугавшись собственной дерзости, спрятал руку за спину. — Простите меня... Я что-то совсем одичал... Честь имею...

Неловко поклонился, хотел уйти, но Маша, слава Богу, опомнилась, не отпустила.

— Погодите! Вы кто?

Голос у нее прерывался. Из-за сердцебиения.

Повернувшись, удивительный человек словно наярком прикрыл ожог рукою с папиросой.

— Родион Романович Мышкин. Смешная фамилия. Имя отчество тоже. — Улыбнулся половиной лица. — Папаша, знаете, увлекался Достоевским...

Кружок у него на груди оказался знаком Технологического института.

— Вы инженер? — спросила Маша. Вуаль она все-таки опустила.

— Да, служу на судоремонтном. Недавно. Я всего месяц как выписался из госпиталя. Комиссован из армии. Это, — приложил он кулак к лицу, — я в «остине» горел...

Она не поняла:

— В чем?

— Ну, в «остине», в бронеавтомобиле. Знаете — такая железная коробка на гусеницах.

Про флот и корабли Маша знала почти всё, даже про последние новинки техники, но делами сухопутными интересовалась мало.

— На каких-таких гусеницах? — поразилась она. Спohватилась, что забыла представиться. — Ой, простите. Я Козельцова, Мария Ивановна.

Протянула руку. Мышкин осторожно, чуть-чуть сжал ее пальцы.

— Нет, правда. О бронированных авто, теперь припоминаю, я слышала. Но при чем тут гусеницы? Расскажите, пожалуйста! У вас есть время меня проводить?

Он предложил ей руку — правую, по-штатски. Получилось очень хорошо: оба видели друг друга именно в том ракурсе, в каком нужно. Любопытство на его ожог и на ее пятно предоставили прохожим. Она нарочно свернула на Одесской влево, чтоб удлинить дорогу до дома.

ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ

Козельцовы были старинным морским семейством, исконными севастопольцами. В стране, где история флота насчитывала всего двести лет, и в порту, который не так давно справил свое столетие, это означало, что Иван Сергеевич был моряком в четвертом поколении и севастопольцем в третьем. Его дед, сын кронштадтского штурмана, служил под началом адмирала Лазарева и умер от тифа во время великой осады; отец лишился глаза на Дунае во время Балканской войны; Машин младший братишка — дело решенное — по окончании гимназии должен был поступать в Корпус.

Дом на Очаковской улице по местным меркам тоже считался старым — постройки семидесятых годов, когда с восстановлением Черноморской эскадры разрушенный бомбардировками Севастополь вновь обрел смысл своего существования.

Командир «Марии» был человек славный, гостеприимный. Во время стоянки в порту офицеры обедали у него по-домашнему, посменно — за стол могло сесть до дюжины гостей.

Но нынче случай был особенный, интимный, поэтому пригласили только самых близких. Так пожелала Маша, во-первых, смущенная быстротой событий, а во-вторых, хотевшая сегодня видеть только своих, от кого не нужно прятать лица.

Собирались объявить о ее помолвке.

Накануне вечером они с матерью долго разговаривали. Конечно, не обошлось без слез.

— Я понимаю, все так внезапно, — шептала Маша, подозревая, что брат с сестренкой подслушивают за дверью. — Три дня как познакомились — и предложение... Наверное, нехорошо, что я сразу согласилась. Можно сказать, сама на шею повесилась... Мы ужасная пара, да? Я вот с этим, — она тронула щеку, — он тоже обезображен. Но ему-то стесняться нечего, он пострадал за отечество! — тут же кинулась она на защиту Родиона Романовича, хоть никто на него не нападал. — Ах, мама, у меня голова кругом...

Татьяна Борисовна, вытирая глаза, перекрестила дочку:

— Дай Господь, чтоб всё хорошо... Мне самой страшно. Манечка, мы же его совсем не знаем. Я видела его лишь один раз!

— А мне кажется, что он был всегда. Нет, я в нем нисколько не сомневаюсь. Он чудесный, чудесный! Я боюсь только одного... — Маша всхлипнула. — Мы выйдем из церкви, и над нами будут смеяться...

Но мать, оказывается, об этом уже подумала.

— Есть такая фата, я видела в журнале: очень плотная, закрывает лицо с обеих сторон. Сейчас даже модно. Называется «арабьен», вроде мусульманской чадры. Еще золотой или серебряной нитью прошивают...

— Золотое шитье — фи! Какая-то армянская свадьба!

— Не скажи. Если поддержать тему сверху веночком из позолоченного лавра, снизу — золотыми тифельками, выйдет и нарядно, и стильно...

Поспорили, потом снова поплакали, потом обсудили грядущий званый ужин. Несмотря на количество пролитых слез, обе были счастливы.

Сегодняшний день мать и дочь провели в чудесных хлопотах. Ездили по магазинам, выбирали достойное торжественного повода платье. Затем Тать-

яна Борисовна занялась приготовлениями, а к Машке вызвали парикмахера и — неслыханное сибаритство — маникюршу.

К половине десятого невеста была готова, стол тоже. Мать с дочерью оглядели гостиную. Скатерть, приборы, канделябры, цветы — всё было идеальное.

На свою беду сунулся с инспекцией и Иван Сергеевич.

— Эй, на юте! Палуба надраена, вымпел поднят! Ялик с гостями уже на траверсе!

Капитану немедленно досталось. За то, что суется не в свое дело. За то, что до сих пор в домашней куртке. За то, что не исполнил единственное порученное ему дело — не проследил, легли ли младшие! Десятилетние Ваня и Таня, близняшки, пять минут назад совали нос в гостиную и требовали пирожков! Они и сейчас хором закричали из-за двери: «Невеста из теста!»

Иван Сергеевич тоже утянул с блюда пирожок.

Спросил:

— Машенька, человек-то он хороший?

Мать с дочерью переглянулись.

— Поинтересовался, — сказала Татьяна Борисовна. — Надо же.

— Рад меня сплавить. Еще бы, кто меня такую пошьмет. Разве что инвалид...

Голос у Маши дрогнул. Они заплакали, кинулись друг другу в объятия. Нервы у обеих были взвинчены.

Капитан мысленно скомандовал себе: «Задний ход!» и покинул недружественные воды.

— Пойти, в самом деле, переодеться...

В дверь зазвонили.

— Боже, это он! — в панике воскликнула Маша. — Совсем забыла! Я же просила его прийти без четверти. Наташа, не ходи! Я открою!

Мать поправила ей выбившуюся из-под гребня прядку, но не забыла и сама поглядеться в зеркало.

МУЖСКИЕ РАЗГОВОРЫ

После окончания трапезы, когда все поздравления, благопожелания и тосты были прочтены, хозяин предложил гостям расстегнуть воротники и закурить. Приглашенных было всего двое: помощник Ивана Сергеевича кавторанг Городецкий и командир первой носовой башни мичман Вознесенский — на правах давнего друга невесты.

За минувшие полтора часа жених был ими тактично, но внимательно рассмотрен и одобрен. Обстоятельному, суховатому Николаю Семеновичу инженер понравился скромностью и «георгием» на груди. Мика же был ужасно рад, что Машенька выглядит такой счастливой, и полюбил ее избранника уже за одно это.

Морякам любопытно было услышать, как воюют на суше. Отставного прапорщика Мышкина попросили рассказать про новое оружие, бронемашину,

Родион Романович сначала смутился, отнекивался. Потом все-таки заговорил и оказался недурным рассказчиком. Он объяснил, что ему как опытному инженеру-механику доверили обкатку в боевых условиях «остина» новой серии, на смешанном колесно-гусеничном ходу.

— ...Пыхтим на своей керосинке через поле, вот так. — Он двигал по скатерти заварной чайник. — Оба пулемета стрекочут. Урону от нашей пальбы, может, и немного, потому что метко стрелять из глухой башни трудно, но глядеть из окопа на броневик, и думаю, страшно. Видели вы когда-нибудь «остина»? Нет? Представьте, что ваша «Мария» по земле идет. Пехота ведь снизу, из траншеи смотрит. Одна беда: ни черта не видно, дым. Откидываю люк, высматриваюсь. — Родион Романович снял с чайника крышечку. — Командиру машины это часто приходилось делать. И тут вдруг ж-ж-ж-ж — немецкие аэропланы. Пролетел над нами бомбовоз, тра-та-та-та из пулемета. Я, конечно, нырнул вниз. А люк захлопнуть не успел. Ну и всадил он нам туда точнехонько зажигательную бутылку... М-да.

Маша сопереживала. Поглядывала на слушателей — внимательны ли. Когда отец наклонился рас-

курить трубку, сдвинула брови. Не нравилось ей и то, что Татьяна Борисовна во время рассказа отвлекает мужа.

(А мать в это время шепнула Ивану Сергеевичу: «Видишь, как они сели? Он к ней целой половиной лица, и она к нему тоже. Сердце разрывается...»)

Капитан погладил жену по плечу.)

— Прямо в люк? — ахнул мичман. — Это все равно что снаряд жახнет в крЮйт-камеру, один шанс из тысячи. Не повезло вам.

Мышкин грустно усмехнулся половиной рта — вторая не слушалась.

— Мне-то как раз повезло. Успел выскочить, по земле покатался, пламя сбил. А остальные... — Махнул рукой. — Конструкционный недостаток «остия на» — нет защиты от аэропланов. Хоть бы один пуле метишко зенитный.

Старший офицер, все мысли которого в любое время дня и ночи сворачивали на корабль, вздохнул.

— Вот и меня воздух беспокоит. Говорят, немцы научились подвешивать к самолетам торпеды. Если правда — хлебнем мы горя.

— Не может быть, чтоб на дредноуте не было достаточной противозаэропланной обороны. — Мышкин

кин покачал головой. — У вас, если я правильно помню, восемь семидесятимиллиметровых зениток. Хотя, конечно, им не хватает подвижности. Хорошо бы счетверенные пулеметы поставить. Самая эффективная штука.

— Пробовали, — подхватил животрепещущую тему командир. — Вон, Мика у себя на башне и так их крепил, и этак — всё не ладится.

Инженер заволновался.

— Как это «не ладится»? Господа, я ведь о зенитных пулеметах не случайно заговорил. Именно ими я на заводе и занимаюсь! У меня есть разработка... Вот, я вам сейчас нарисую.

Он взял бумажную салфетку, достал карандаш. Старший офицер и мичман перегнулись через стол, командир подошел и стал заглядывать через плечо.

— Тут вроде велосипедного седла, только большего. Это для стрелка, — по ходу объяснял Родион Романович. — Тут вот так направляющие... Угол фиксации регулируется вот здесь... Здесь маленький рельс, эллипсоидный...

Маша смотрела с восхищением — не на чертеж, конечно, а на любимого. Это был полный успех! Он всем, решительно всем понравился!

Но Татьяна Борисовна считала, что вечер повернул не в ту сторону. Она завела граммофон, а когда никто из мужчин не оглянулся на звуки фокстрота, приблизилась к мужу и толкнула его в бок.

— Будет вам о скучном. Танец жениха и невесты! Спохватился и Мышкин.

— В самом деле. Это я виноват... Марья Ивановна, не угодно ли?

Пока танцевали, ей удалось дважды, украдкой, поцеловать его в щеку — ту, что не обожжена. Он же поцеловал ее один раз, зато прямо в родимое пятно. Маша окончательно поняла, что будет ей счастье. Незаслуженное и оттого в особенности драгоценное.

— Толково. Очень толково, — заметил командир, разглядывая рисунок.

Старший офицер крикнул:

— Эх, жалко. Пока закажем, пока изготовят, пока установят. До похода не успеть.

Не прерывая танца, инженер сказал:

— У меня в цехе есть один опытный образец. Хотите, поставлю на пробу? Если в боевых условиях не подведет, ваши мастера смогут сделать такие сами, хоть для каждой башни. Замеры, чертежи, у меня всё есть. Пулеметы — не проблема.

«Губой, ладью, братишка,
Поил по берегу,
Лакан, мордак, вилкино
Коть черезь «не могу»

18

Вознесенский быстро воскликнул:

— Чур на мою! Я первый!

— Как вы поставите? — Городецкий махнул рукой. — Посторонним на линкор без особого разрешения командира порта нельзя. Это целая процедура.

Козельцов покашлял.

— Николай Семёныч, ну вы прямо не человек, а ходячая инструкция.

— Не положено, Иван Сергеевич! Тем более перед походом.

— Николай Семёныч, для дела же! Сами говорите — торпеды.

В спор вмешался Мышкин:

— Порядок есть порядок. К тому же я не уверен, хороша ли моя конструкция для башни главного калибра. Сначала надо бы взглянуть, прикинуть.

— И взглянуть тоже не положено, — отрезал сухарь Городецкий. — Я как старший офицер линкора не могу пустить на борт постороннего.

Командир хитро посмотрел на своего помощника, потом на дочь.

— Дочь моя Мария, не хочешь ли ты навесить старика отца? Морской устав не возбраняет коман-

диру приглашать к себе членов семьи. В категорию «посторонних» они не попадают.

Маша улыбнулась:

— Охотно, папенька. Что-то я давненько не бывала у тебя на «Императрице». Но ведь я теперь невеста. Появляться в мужской компании без жениха мне неприлично.

Старший офицер развел руками — смирился.

ЭКСКУРСИЯ

Кажется, впервые в жизни Мария Ивановна не обращала внимания на взгляды — даже если замечала, что они скользят по ее родимому пятну. Ей это было не то чтобы все равно, но настроения не портило. А людей вокруг Маши было множество: офицеры, кондуктора, матросы.

День был пасмурный, октябрьский. Над бухтой дул осенний ветер, берега Куриной балки терялись в зябком тумане, но Маша не чувствовала холода, не обижалась на тучи. Даже мелкий дождик, брызгающий противной капелью на стальные башни линкора, барышню не расстроил.

Никакой экскурсии Маше и ее жениху, конечно, не устраивали. Родион Романович даже щепетильно отказался спуститься в каюту к будущему тестю. «Дредноут — объект секретный, — сказал он. — Что ж я, не понимаю? Ничего лишнего видеть не хочу. Покажите мне только носовую башню».

Зато там уж буквально замучил Мику техническими расспросами. Главную проблему для надбашенной зенитной установки, оказывается, составляла вибрация, возникающая от работы двигателей и, в особенности, во время орудийной стрельбы. Ведь очень вероятно, что вражеские аэропланы будут атаковать корабль во время дуэли с береговыми батареями или пушками крейсера «Гебен».

Маша немного послушала, как Мика объясняет про отдачу и какие-то гасители. Если мичман чего-то не знал, на помощь ему приходили Городецкий или старший артиллерист князь Уссуров.

Попыталась она было тоже поучаствовать в разговоре:

— Я знаю, что такое отдача. Меня папа учил стрелять из пистолета. У меня хорошо получается.

Но по тому, как рассеянно чмокнул ее в руку Родя, Маша поняла, что мешает, и больше не встревала.

По стальной лесенке полезли на огромный бронированный колпак. Там пришлось держать шляпку, чтоб не улетела.

— Места более чем достаточно, — говорил Родя, перекрикивая ветер. — И позиция отменная. Во-первых, обзор. Во-вторых, прикроет от налета рубку... Мне нужно два-три денька на подготовку, потом приеду со своими мастерами и оборудованием. За сутки, много за двое управимся. Начинайте сваривать пулеметы — стандартной четверней. «Виккерс-максимы» у вас в арсенале есть?

— Если нет — с берега выпишем, — пообещал артиллерист.

Городецкого позвал вахтенный — возникли какие-то осложнения с погрузкой угля. Ушел по какому-то делу и Уссуров.

— Хочу замерить уровень вибрации при зарядании, — сказал Мике инженер. — Покажешь?

— Еще вчера вечером они выпили брудершафт, что Машу ужасно порадовало. Муж и товарищ детства сразу стали хорошими друзьями — как это чудесно!

— Только быстро, пока старпом не вернулся.

Внутри орудийной башни Маша никогда не бывала.

Овальное помещение было все напичкано какими-то устрашающе громоздкими механизмами.

Показав на три гигантских замка 305-миллиметровых пушек, Мика горделиво объявил:

— Вот они, мои «три сестры». Так их и зову, почеховски: Ирина, Ольга и Маша. Похожа на тебя твоя тетка, Манечка?

— Похожа. А ты на батарейного командира Вершинина не очень. Иначе влюбился бы в меня, а не в свою столичную штучку, — легко пошутила Маша на эту тему, еще недавно такую болезненную. И поглядела на Родю — как он, оценил ее начитанность?

Но нет, Родион Романович, занимаясь делом, на пустяки не отвлекался.

— Сколько пудов весит снаряд?

— Тридцать.

— Черт, много! Боюсь, вся батарея ходуном ходит.

Вознесенский заступился за свою башню:

— Ничего подобного! Снаряд же не на руках выносят. Тут всё на электричестве. Рыков, включите подъемник!

Пышноусый кондуктор, старшина башни, повернул рычаг, потом какое-то колесо.

Внизу, в открытом люке, зафырчала гидравлика, с лязгом двинулась стальная лента.

— Там крюйт-камера? — спросил Родя. — А почему люка нет? Должен быть.

— Сняли. Мешает.

— Не опасно? А если искра?

Мичман снисходительно пожал плечами:

— Там до погреба, где хранятся заряды, несколько поворотов. Не долететь искре. Да и откуда ей взяться? Не говоря уж о том, что порох мы используем пироксилиновый, с химическим стабилизатором. Опять же — автоматическая противопожарная система. В двадцатом веке живем, Родион!

Из люка выехал здоровенный, как откормленный кабан, снарядище.

— Какой огромный! — ахнула Маша.

— Там таких по семьдесят штук на «сестренку». Одним попаданием броненосный крейсер можно потопить.

Мышкин поцокал языком, не сводя глаз с какого-то прибора, который он перед тем вынул из кармана.

— Не мое дело, конечно, но без люка все-таки странно. Есть ведь шпионы, диверсанты...

— Им туда не попасть. Днем тут всегда люди. Ночью перед дверью ставится усиленный караул. А главное, кто в эту дырку пролезет? Разве что ребенок? Что-то я не слыхал про детей-диверсантов... Как вибрация?

— В пределах допустимого. — Родион Романович спрятал прибор, что-то записал в блокнотик. — Ну-ка, а что цепной подаватель?

— Исполняйте, Рыков!

Кондуктор открыл замок первого орудия. Подаватель с лязгом вставил «кабана» в канал ствола.

— В пределах нормы. Прицельности зенитного огня не помешает, — констатировал Мышкин. — Значит, можно вести стрельбу из пулеметов все время за исключением самого момента залпа. Зря я, выходит, заставил тебя орудие заряжать.

— Ничего, «сестренкам» оно полезно. Это ведь не боевой снаряд — болванка. Мы механизм каждый день по несколько раз прокачиваем, чтоб в бою не

подвел. Первая прокачка в полшестого утра, еще до побудки. Рыков, болванку на место!

— Это я себя тут чувствую болванкой, — пожаловалась Маша. — Ничегошеньки в ваших разговорах не понимаю.

Родя нежно ей шепнул:

— Ты и есть болванка. Раз выходишь замуж за болвана.

Чтоб не смотреть, как влюбленные целуются, мишман отвернулся.

ЦВЕТОЧКИ

В тот же день на городском телеграфе сухопарый дядя в плаще-балахоне и соломенной шляпе фасона, обычно именуемого «воронье гнездо», отправлял телеграмму. Текст был короткий: «Срочно доставьте вьюн тчк ваш садовник».

Приемщик попался общительный, из любителей поговорить. А может быть, он совмещал должность со службой в некоем ином заведении, и ему предписывалось обращать внимание на все не вполне обычные телеграммы. Ничего странного в таком предположении не было. Город режимный, телеграфное сообщение на особом контроле.

Сначала служителя заинтересовала необычная фамилия адресата.

— Балагур? — переспросил он. — Прямо так и зовут?

— Та. Так зовут, — подтвердил отправитель. — Палагур — это имя французски.

— А-а. Надо же. — Телеграфист быстро произвел подсчет. — Срочным тарифом желаете? Рупий двадцать. Сами, значит, садовник будете?

— Та. Задовник.

Почтовый стрельнул глазами на лошадиную физиономию клиента, говорившего по-русски с акцентом.

— Из колонистов? Хороши у вас сады, заглядение. Я почему интересуюсь? Сам тоже цветы выращиваю. Какой же это, не сочтите за нескромность, вы вьюн выписываете? Ипомею? Южноамериканский?

Судя по ботанической осведомленности, служи

гель, вполне возможно, был и не из контрразведки, а просто так уж совпало — садовник действительно наткнулся на ботаника-любителя.

— Нет, китайски.

— Вьюн китайский? Никогда не слышал. Хорош? Аккуратно пересчитав сдачу, колонист ответил:

— Очень кароши. — Изобразил пальцем спирадеобразную загогулину. — Вот так делайт.

АГЕНТ БАЛАГУР РАБОТАЕТ
С ЗЕППОМ И ПРЕЖДЕ...

Э то был большой, толстый человек, но казалось, что его массивная туша наполнена не мышцами и жиром, а лимонадом. Лимонад бурлил, щекотал пузырьками, подбивал хохотать и валять дурака. В характере Балагура сочетались качества несовместимые. Восьмипудовая комплекция определяла обстоятельность поступков, но обду-

манными они были лишь на стадии исполнения, а по своей сути, по изначальному мотиву часто оказывались легковесней воздушного шарика. Пока Балагуря катился по белу свету сам собой, без конца вляпывался во всякие истории — и только удивлялся, как это его опять угораздило попасть в подобный переплет. Но внимание к деталям и увертливость мысли, а еще более того легкость характера выручали. Что ни случись, всё ему было смешно. Ничего на свете он не принимал всерьез. Даже когда убивал — хихикал. Люди так смешно умирают! Кто глаза выпучит, кто маму позовет, кто захрюкает, кто в штаны наложит. Ну не умора?

Прикончить кого-нибудь на его языке называлось «выпустить газ» — потому что душа представлялась Балагуру чем-то вроде воздуха в резиновом мяче.

Он потому и любил работать с Зеппом, что тот тоже был человек легкий, не соскучишься.

Познакомились они при обстоятельствах воистину незабываемых.

В прежней своей жизни существовал Балагуря как пташка Божья. Ну, или не Божья, а чертова — вопрос терминологии. В общем, порхал по жизни без заботы и труда. Когда заканчивались деньги,

придумывал, как добыть новые. «Выпустит газ» из подходящего субчика и порхает себе дальше. Никогда не попадался, потому что, как уже сказано, шальная беззаботность идей совмещалась в нем с математическим изяществом их реализации.

Но однажды удача подвела.

Дело было вскоре после начала войны. Ехал Балагур в поезде «Москва — Варшава», в первом классе. Искал подходящего кандидата, чтоб разжиться деньгами. Нашел.

Познакомился в вагоне-ресторане с одним многообещающим господином. Выпили, подружились. Балагур собутыльника анекдотами до икоты довел. Заодно приметил толстый бумажник, портсигар с алмазами, золотые «котлы».

Алиби обставил безупречно: сошел на станции, попрощался с проводником, дал рубль на чай. Потом обошел состав с другой стороны, влез на крышу. Часок потрясся наверху, пока в купе не погас свет. Спустился на ремне в окошко (оно из-за духоты было приоткрыто). Исполнил дело, стал тем же манером подниматься обратно. Несмотря на полноту, был он ловок, как толстый котище.

А ремень, зараза, возьми и лопни.

«Зовусь я шалунлишка, но знаю почему!
Провидный мальчишка не сумеет никому!»

Насмерть Балагур не расшибся, даже ничего себе не поломал — жир, что ли, смягчил падение. Однако подобрали его в совершенно недвусмысленном виде: с добычей в заплечном мешке и окровавленной бритвой в кармане (хорошая английская вещь, Балагур к ней привык).

Дальше — хуже. Убитый оказался директором военного завода, а преступник звался по паспорту немецким именем: Семен Карлович Клопфер. Такое у человека от природы наименование, ну что тут поделаешь? Родитель у Балагура был мемельский житель, лютеранского вероисповедания. В мирное время это не имело значения, но как началась война, вдруг оказалось, что быть немцем или даже просто зваться на германский лад в Расее-матушке не здорово.

Сволочь-полицмейстер вмиг сочинил шпионско-террористическую историю, и оказался Балагур в тюрьме не обычной, а военной, под угрозой веревочного галстука. Не то чтоб его это напугало. Он и в камере всё песни пел, да надзирателям рожи строил.

И вот посадили к нему одного задержанного по подозрению в шпионаже. Такого же, как Балагур, весельчака. Хохот у них стоял — дверь дрожала. Но

человек это был хоть по всем повадкам вроде и простой, а только куда как не прост. На такие вещи у Балагура глаз был верный.

Он возьми и спроси, напрямую: как-де ты, такой умный, да легавым попался?

Ответил ему сосед тоже без обиняков: «Я не попался. Я сюда нарочно сел. Нужно одну штуку провернуть. Поможешь — уйдем вместе. Мне помощник вроде тебя пригодится».

Выяснилось, что держат здесь в отдельной камере какого-то важного агента, из которого обязательно нужно газ выпустить, пока не наболтал лишнего.

Балагур, конечно, сразу согласился. С этим Зеппом (так назвался сокамерник) он был готов хоть в огонь, хоть в воду.

Дальше что? Воздух из агента вынули, ушли через подкоп (у Зеппа все заранее было подготовлено). И с тех пор вольная жизнь у Балагура закончилась. Но он не жалел. Платили щедро, а главное, скупать не приходилось.

ДЕРЕВНЯ-КИТАИ

Телеграмму от «садовника» Балагур ждал. Был извещен, что может произойти такое событие и нужно состоять в полной готовности. Никаких иных подробностей ему, однако, сообщено не было. Поэтому распоряжение доставить неизвестно куда невесть что заставило его почесать затылок. «Фу ты, ну ты», сказал он себе и телефонным звонком вызвал на экстренную связь резидента московской сети.

Встретились.

Оказалось, что доставить нужно не «что», а «кого». В славный город Севастополь. Нынче же, ночным поездом.

Инструкции по поводу того, где следует искать Вьюна, рассмешили толстяка. Нет, ей-богу, со стариной Зеппом не соскучишься.

Собрался Балагур быстро — только подпоясался. В смысле, надел под сорочку потайной пояс с на-

бором запасных документов и кое-какой амуниции: полезная проволочка с красивым названием «гарротта», гибкое лезвие, маленький плоский «браунинг». Мало ли, как жизнь сложится?

Взял пролетку, поехал в Деревню-Китай.

Было за Сухаревской толкучкой место с таким потешным названием. Ну, есть Китай-город, все знают, а тут — «деревня Китай».

Квартал этот образовался давно, еще лет тридцать или сорок назад, когда в Москве поселились первые китайцы. Из своей далекой империи, где не было заработков и не хватало еды, они разбрелись во все стороны света — на юг, на запад, на север, на восток. Север и восток принадлежали российской державе, поэтому половина всех китайцев, покинувших родные края, нашла приют на широком просторанстве от Тихого океана до Балтийского моря. Многие осели в Москве.

Давно миновали времена, когда городские жители пялились на узкоглазых людей с девичьими косами. Москвичи привыкли к китайцам. Народец был смиренный, работающий. Стирали белье чище и дешевле русских прачек, торговали вразнос, быстро и ловко строили. Опять же не дрались, не пили, не во-

ровали, к бабам не лезли. Кто накопит денег на свою китайскую невесту — уезжали восвояси. Забавы у азиатов были тихие и для обывателя необидные. Сидели китайцы после дневных трудов у себя в Деревне-Китай, играли в костяшки, пили чай, курили трубки с дурманым дымом.

В один из таких притонов и должен был отправиться Балагур.

Настроение у него было чудесное, еще лучше, чем всегда. К черту московскую морось. На юг, к морю! Балагур пошутковал с извозчиком, а когда из-за стука колес по брусчатке разговаривать стало трудно, запел шансонетку:

Зовусь я шалунишка, не знаю почему!

Проказливый мальчишка не нужен никому!

Перед тем, как сесть в коляску, Балагур, конечно, осмотрелся, но ничего подозрительного не заметил.

Это потому что «вели» его очень грамотно.

Едва пролетка удалилась, из подворотни выехал черный автомобиль с незажженными фарами, покати следом на осторожной дистанции. Кроме шофера в машине сидели еще трое, все в котелках.

Балагур был не виноват в том, что угодил под слезу. Это засветился резидент, передавший ему инструкции. Резидента московская военная контрразведка бережно разрабатывала уже не первую неделю. Но брать не спешили, хотели выявить все контакты.

На Сухаревской площади, где и в ночное время было полно публики, по преимуществу «нечистого» пассажир велел остановить.

Мягко спрыгнул на тротуар.

— Лови!

Кинул извозчику серебряный рубль. Ванька цапнул пятерней — не поймал. Полез под колеса, где зазвенело. Кряхтел, доставал монету. Сзади ткнула тростью в задницу.

— Где седок? — спросил плотномордый, бритый в пальто с поднятым воротником. Сзади стоял еще один такой же.

— А кто его знает.

Извозчик сердито отряхивал колени.

От угла донесся тихий свист. Там маячил третий близнец, показывал куда-то.

Сорвались эти двое, побежали.

Насвистывая, Балагур шел грязными дворами, гулкими подворотнями. Ловким футбольным ударом вlepил о стенку пустой бутылкой, захихикал на звон осколков.

Филеры перемещались по одному, согласно разработанному порядку: первый номер в пределах прямой видимости объекта, второй в десяти шагах, третий на подстраховке — параллельным курсом. Все переулки-закоулки города личному составу контрразведки полагалось знать в доскональности.

На неосвещенной улице стали попадаться редкие прохожие, почти сплошь китайцы. Они семенили по каким-то своим ночным китайским делам. Один покачивался и с подвыванием мурлыкал песню.

— Сень-бень-мяо! — попробовал передразнить азиата Балагур и хохотнул.

Он был уже близко от указанного места.

В глубине двора под единственной лампочкой едва виднелась облупленная вывеска с паукообразными письменами. Под ней — вход в полуподвал.

Двое оборванцев с зажмуренными глазами сидели на корточках. У одного свалилась матерчатая шапоч-

«Долывали мы, ребята,
до китайских береговъ,
уважаютъ азіаты
удаль русскіихъ моряковъ»

ка, поблескивала смазанная маслом коса. В Китае после революции мужчины остригли волосы коротко, но до Деревни-Китай это новшество еще не дошло.

Посмотрев, как толстяк вприпрыжку спускается по ступенькам, старший филер свистом подозвал остальных.

— Чего это тут у них? Трактир? — спросил самый молодой.

— Курильня. Шуляков, ты дуй за городовым. Он на перекрестке. Проверка документов — обычное дело, китаёзы привычные. Надо нам установить, кто этот пузан. Ты, Шуляков, с полицейским иди от двери вглубь. Ну, тебя учить не надо. А мы с Васей встанем в переулке. Там у них потайной выход. Если что, перехватим.

Агент, которого старший назвал по фамилии, убежал, а молодой почтительно спросил:

— Откуда вы, Прохор Семеныч, все знаете?

— Послужи, брат, с моё. Тридцать третий год Москву утожу, от «аз» до «ижицы» превзошел.

В ПРИТОНЕ

В темном и грязном подвале были такие дико-винные запахи, что круглолицый здоровяк сморщился и запыхтел. За коротконогими столиками или просто на тюфяках сидели молчаливые люди, отнюдь не только китайцы. Кто-то дремал, кто-то потягивал дым из странного вида трубок. Голубоватый туман клубился и подрагивал под низкими сводами.

Балагур поманил служку, сказал заветное слово. Гостя провели узким коридором в отдельную комнату, дверь которой была украшена искусно вырезанным изображением дракона.

По ту сторону хвостатого чудища открылось небольшое помещение без окон. Убранством оно сильно отличалось от обшарпанной общей залы. Пол был устлан шелковыми подушками, мебель посверкивала темно-красным лаком, на стенах висели ковры.

Посередине, скрестив ноги, сидела дебелая красавица кустодиевского типа и лениво гладила по волосам странного человечка, который лежал на спине, положив голову ей на колени. Судя по раскосым глазкам, безо всякого выражения глядевшим в потолок, это был китаец, но какой-то очень уж маленький, вроде двенадцатилетнего подростка. Одет, однако, он был совершенно по-взрослому — в хорошем костюме-тройке, штиблетах на пуговицах. И лицо с морщинками вдоль тонкогубого рта, с темными полукружьями под глазами никак не выглядело детским. На указательном пальце с предлинным ногтем лучился перстень с большим зеленым камнем.

— И вправду карлик! — вслух удивился Балагур. — Каких только чудес в нашей коллекции не сыщешь!

Узкие глаза лежащего взглянули на толстяка. В мутном взгляде было что-то такое, от чего у Балагура вдруг стало сухо во рту.

— Телеграмма от Садовника, — сказал он быстро и очень громко, поскольку не был уверен, услышит и поймет ли обкуренный.

Тот цыкнул краем рта. Женщина поняла. Подложила китайцу под голову подушку, сама вышла.

— В Севастополь едем. Прямо сейчас, — сказал Балагур, с любопытством разглядывая Вьюна.

Тот смотрел в потолок. Уголки рта слегка растянулись в мечтательной улыбке.

Взял Балагур с блюда китайскую конфету, откусил — не понравилось. Выплюнул.

— Ты меня понял, нет? Собирайся.

В зале вдруг стало шумно. Кто-то там визгливо кричал, донесся звон упавшего подноса.

Балагур, нахмурившись, обернулся. Китаец же, не переставая улыбаться, сунул в рот какую-то маленькую штучку. Взял со стола короткую прямую трубку. Продул.

— Идем-ка отсюда. Не время курить, — сказал Балагур. — Чего-то у них тут не то...

В этот миг дверь распахнулась. В комнату шагнул человек в штатском, с револьвером в руке.

— Полиция, — сказал он. — Остаться на местах! Проверка документов.

Документы у Балагура были в полном порядке.

— Это правильно, — улыбнулся он служивому. — В военное время нужно быть бдительным. Кругом шпиёны.

Вдруг в воздухе что-то тихонько свистнуло. Шпик схватился за шею, выдернул оттуда странную деревянную щепку. Уставился на нее с видом крайнего удивления, а потом закатил глаза под самый лоб и сел на пол.

Обернулся Балагур — а Вьюна нет. Лишь в углу комнаты покачивалась ковровая дверца, которой раньше не было заметно.

— Мама моя! — охнул Балагур. — Ну шустёр!

Легавый уже не сидел, а лежал. Нога в задравшейся штанине судорожно дернулась.

— Китайский цирк...

Согнув массивное тело в три погибели, Балагур кинулся догонять малютку.

В темном закоулке, куда выводил тайный ход из курильни, ждали двое филеров. Выскочившего из лаза недомерка они взяли под мышки, покрутили, повертели — и дали пинка. Он им был не нужен. Из темной дыры с сопением и топотом надвигалась добыча более крупного калибра.

— Куда спешим? — весело сказал пожилой филер, приставив ко лбу Балагура дуло. — Знать, есть чего скрывать, коль от полиции бегаем. Ну-ка, Василий, обшарь его.

Играй, играй, тальяночка,
Тлицовочка, пляшки
Развѣй-ка, шарлатаночка,
Печаль твоей души!

Маленький китаец, которого они отшвырнули, как кутенка, развернулся на каблуке и острым концом штиблета нанес два хрустких удара: первому агенту по затылку; второму, когда тот обернулся, по кадыку. Казалось, что несильно, но оба легли бездвижно.

— Способный мальчик, — нервно хихикнул Балагур, сверху вниз глядя на крошку. — Вундеркинд!

СО ВЬЮНОМ Я ХОЖУ

На том же самом причале, где неделю назад неизвестный наблюдал из экипажа, как высаживаются ремонтники, — только не вечером, а утром — тот же самый начальник караула дымил цыгаркой, хмуро глядя на затянутую скучным дождиком бухту. Катера на оба дредноута и на крейсера уже ушли, но одна бригада появилась поз-

же — то ли опоздала, то ли ей так назначили. Наряду было всего три человека: инженер в фуражке под клеенчатым чехлом и двое мастеровых в дождевиках — оба здоровенного роста, но один толстый, а другой худющий.

Пузатому не сиделось на месте.

— Дядя, — уже не в первый раз приставал он к фельдфебелю, — долго нам еще тут мокроту собирать? Когда за нами приедут?

— Почему я знаю, — буркнул служивый и отвернулся от надоеды.

Тот от скуки запел, пританцовывая и пошлепывая башмачищами по лужам: «Со вьюном я хожу, с зеленым я хожу...» Потом присоединился к своему товарищу. Инженер-то сидел культурно, на скамейке, а работяги пристроились на плоском деревянном ящике с инструментами или, может, с какими-нибудь деталями.

Наконец с «Марии» пришел полубаркас. На причал вспрыгнул мичман, пожал инженеру руку. Фельдфебель только теперь заметил, что у того ожог в пол-лица — жутко смотреть.

— Извини, Родион, — говорил мичман. — Старпом сызнава уперся, и ни в какую. Инструкцией тря-

сет. Пока за командиром ходили, пока препирались... Ничего, завтра задержки не будет. Иван Сергеевич письменный приказ написал... Твои мастера?

С рабочими офицер тоже обменялся рукопожатием. Простоту изображает, неодобрительно подумал начальник караула. Он таких, которые с нижними запанибрата, не уважал.

— Это Тимофей, это Проша, — сказал обожженный. — Не просто мастера, золотые руки. Ребята, это командир батареи мичман Вознесенский.

Жирный Проша бойко спросил:

— Вашбродь, как у вас на «Марии» с харчами? У меня в брюхе глист сидит, прожорливый — страсть.

— Получишь двойную порцию, на себя и на глиста, — подмигнул мичман. — А вечером — шкалик, лично от меня.

— Слыхал, Тимоха? Берись!

Рабочие подняли тяжелый ящик, понесли. Проша опять завел про выюн: «Я не знаю, куда выюн положить, я не знаю, куда выюн положить...»

«Разбежались», — мысленно усмехнулся фельдфебель. Стоять без дела под дождем ему надоело.

— А ну стой. Что в ящике? — строго поинтересовался он.

Инженер в ответ:

— Оборудование для установки зенитного пулемета.

— Открывайте. Должен досмотреть.

Толстяк окрысился:

— Ты чего, дядя? Не мог нос сунуть, пока мы дожидались?

И мичман тоже влез:

— Времени жалко. И так пол-утра пропало. Под мою ответственность.

Но фельдфебель был в своем праве.

— Против порядка не могу, ваше благородие. Открывай!

— Откройте, — велел инженер.

То-то.

Тощий молчун приоткрыл крышку. Наверху лежало большое кожаное седло, вроде велосипедного, потом какие-то железяки, под ними слой соломы.

— Фома неверующий, — попрекнул мичман. — Ты еще персты запусти.

— Я что ли правила придумал, ваше благородие? — Фельдфебель поежился — за шиворот воротника стекла холодная струйка. — Положе

но проверять — значит, положено. Ладно, заносите.

И, послюнив химический карандаш, аккуратно записал в тетрадь: «На «Имп. Марию» 3 чел. — устан. зен. пулемета».

МАСТЕРА ЗОЛОТЫЕ РУКИ

На первой носовой башне уже лежали четыре сваренных вместе пулемета, готовые к установке. Несколько офицеров наблюдали, как ловко управляются инженер Мышкин и его помощники. Ящик с деталями и инструментами им подали наверх лебедкой. Корпулентный балагур задорно покрикивал:

— Майна, майна! Эх, дубинушка, ухнем! Принимай, Тимоха!

— Родион, вам что-нибудь еще понадобится? — спросил с палубы Вознесенский.

— Чтоб не мешали. — Инженер был собран, деловит. — За работу, ребята. Прохор, хватит языком болтать!

Минут десять они повозились, готовя рабочее место. Наблюдатели разошлись по своим делам. Из рубки откуда верхняя площадка носовой башни просматривалась как на ладони, на мастеров тоже уже не глядели.

— «Я не знаю, куда вьюн положить, я не знаю, куда вьюн положить», — тоненько выводил Балагур Тимо, успевший выучить нехитрую мелодию, вторил ему мычанием.

— Можно, — тихо приказал Зепп.

Откинули крышку ящика. Вынули то, что лежало поверху, разгребли солому. Там, скрученный невообразимым образом, лежал миниатюрный человек. Его подняли, переложили на мокрую броню. В своем трико серо-стального цвета он почти слился с нею. Начал быстрыми, мелкими движениями растирать затекшие члены.

В течение дня на башню неоднократно поднимались офицеры линкора: командир, старший офицер, главный артиллерист. Мичман вообще наведывался чуть не каждые полчаса.

«Что там, в платяном сундуке?
Неужто дивный плащ?»

Всё это время Вьюн оставался на том же пяточке. Можно сказать, прямо под ногами у визитеров. И никто его не заметил. Балагур кинул на китайца сверху свой брезентовый дождевик — никому в голову бы не пришло, что под горбящимися складками кто-то прячется.

Зепп впервые работал с этим гномом. В перечне агентов, полученном от Монокля, имелось несколько фигурантов, которых он мысленно взял на заметку. Малютка-китаец был одним из них. Родился во Владивостоке, в семье циркача. Завербован еще в японскую войну. Потрясающий послушной список. К тому же Вьюн находился в Москве, где у Теофельса трудился агент Балагур.

Были, конечно, и опасения. Новый, непроверенный субъект в ответственном деле — всегда риск. Особенно если имеются вредные привычки. Но малыш не подвел. Он произвел на майора сильное впечатление. Бегать-прыгать, драться-кувыркаться умеют многие, однако вот так, не шелохнувшись, пролежать целый день — это талант уникальный. Теофельс уже решил, если Вьюн нынче ночью не подкачает и вернется живой, зачислить

его в список ценных кадров — свой «золотой резерв», куда, в частности, входил и агент-универсал Балагур.

Перед закатом пошабашили. Хоть погода к концу дня наладилась и даже выглянуло солнце, в октябре свет мерк быстро.

Зенитная установка уже стояла на станке, только сиденье еще не было привинчено. Инженер положил его в ящик, приподняв и снова опустив крышку.

— Ничего, если тут всё до завтра полежит? Утром вернемся — закончим.

— Угу. — Вознесенский рассматривал приваренные к броне рельсы. — Значит, наводчик жмет ногой на педаль и вся хреновина вот так ходит по кругу? Здорово!

— Я тебе завтра всё покажу. Если начальство позволит, запустим воздушный шар и популяем для проверки. Пристреляйтесь.

Балагур, вытирая грязные руки тряпкой, оскалился:

— Вы лучше меня надуйте и запустите. Чем я не шар? Для отечества мне ничего не жалко.

Мичман вынул из кармана шкалик, кинул зубом скалу.

— Я обещал. Лови!

Шутник оттянул ремень, поймал бутылочку штанами.

— Оп-ля!

Офицер достал еще шкалик, обернулся ко второму рабочему.

— Я и вам принес. Тимофей... как вас по ба-тюшке?

За весь день Вознесенский не слышал ни одного слова от этого угрюмого человека и потому проникся к нему почтением.

Дылда смотрел на мичмана, жевал губами.

— Иваныч он, — ответил за молчуна толстяк. — Тимоха в прошлый год спьяну язык себе откусил. А раньше трепло был — не заткнешь.

— Ты, Дмитрий, мне людей не спаивай, — укорил инженер. — А то знаю я их, чертей. Начнут водку лакать — не остановятся. Кто завтра будет работу заканчивать? Всё, пошли!

Через минуту на башне никого не осталось. Только ко торчали в небо стволы пулеметов, да золотилась в лучах тонущего солнца дощатая крышка ящика.

МИНОВАЛ ЧАС...

Через час на рейде было уже совсем темно. Шарящие по бухте лучи прожекторов лишь усугубляли черноту осеннего вечера. На палубе «Марии» было пусто, команда ужинала. Лишь у входа в оружейную башню торчал часовой с винтовкой.

— Стой, кто идет! — зычно крикнул он, увидев приближающуюся тень.

Кто идет, ему и так было ясно — кавторанг Городецкий, но попробуй-ка не явить положенную по уставу бдительность.

Офицер назвался — тоже как положено.

— Почему один?

— Так восьми еще нет, ваше высокоблагородие.

— Верно... — старший офицер посмотрел на часы. По инструкции двойной караул перед башнями выставлялся с восьми. — Что там наверху, бардак?

Он задрал голову, хотя в темноте ничего не было видно.

— Не могу знать.

— Поднимусь, проверю...

Ворча, Городецкий поднялся по лесенке. Достал электрический фонарик, посветил вокруг. Покачал головой. Вид незаконченной работы и в особенности ти деревянный ящик ранили его дисциплинированную душу.

— Черт знает что... До утра это оставаться здесь не может, — пробормотал он, уже решив, что немедленно распорядится убрать это безобразие отсюда — до утра.

Брезгливо, двумя пальцами, приподнял крышку.

— Солому бы на палубу не просыпали...

В это время на среднем из орудийных стволов, обхватив его руками и ногами, висела серая, невидимая во мраке фигурка. Ритмично двигаясь, она поползла к концу дула. Замерла, когда внизу, стуча каблуками, прошел старший офицер. Потом снова тронулась.

Добравшись до края, Вьюн изогнулся и странными спиралевидными движениями будто ввинтился в тридцатисантиметровое отверстие.

«На вахте ночной
Не видно ни зги,
Глаза часовой,
— Не дремлют вразги»

ГЛУБОКОЙ НОЧЬЮ...

Меры безопасности на «Марии» исполнялись в соответствии с установленным регламентом. Ночью в орудийные башни доступ никому не было. На палубе перед запертой дверью неотлучно находились двое вооруженных часовых. Лишь ранним утром, в половине шестого кондуктор с помощником входили внутрь, чтобы произвести контрольную проверку зарядно-подающей системы.

7 октября, в 5.25 к караулу подошел кондуктор Рыков в сопровождении дежурного комендора Батюка — тот зябко ежился со сна.

Старший караула окликать их не стал — свои люди. Просто поздоровались, и всё.

— Что, орлы, замерзли? — зевнул Рыков. — Ничего, скоро сменитесь.

Он открыл дверь специальным ключом. Вошли.

— Пять тридцать. — Кондуктор посмотрел на часы. — Врубай, что ли.

Перед проверкой механизма (так называемой «прокачкой») полагалось произвести осмотр внутридульных поверхностей.

Заурчал электромотор — замок левого орудия раскрылся. Кондуктор заглянул в черную дыру, осветил фонариком, повозил пальцем по маслянистой стали, понюхал.

— Ты чего там нюхаешь, Фомич? — хмыкнул Батюк. — Каждый раз гляжу, удивляюсь.

— Смазку менять пора. Ладно, давай второе.

— Есть второе!

Заглянул Рыков в открывшееся жерло центрального орудия — обмер. Из круглого отверстия смотрело маленькое желтое лицо с зажатой в зубах трубкой. Послышалось тихое чмокание. Кондуктор ахнул, схватился рукой за горло. Сделал несколько шагов назад, упал.

— Фомич? Чего ты? — Батюк наклонился над лежащим. — Сердце? Доктора надо?

За спиной у комендора, вращаясь вокруг собственной оси, бесшумно вывинчивался из дула Вьюн.

КБЫВАЕТ, СТРАШНЫМ ВИДЕНЫМ
СЛУШАЮТ ДУШУ ТВОЮ,
ТОГДА ПУСТЬ КРЕСТНОЕ ЗНАМЯ,
НЕ ДРОГНУВ, СОТВОРИТ ДУКАМ

Вот он мягко перекувырнулся по полу, поднялся. Обрушил на затылок матроса короткий рубящий удар. Не задерживаясь ни на секунду, скользнул туда, где темнел круглый люк, ведущий в яруйт-камеру. Отверстие для подачи снарядов было всего на пару сантиметров шире дульного, но и этой крошечной прибавки хватило для того, чтоб диверсант задвигался быстрее — уже не спиraleобразно, а вихляющими изгибами тела, по-меинному.

В пороховом погребе он воткнул в один из стандартных полузарядов (130 килограммов первоклассного артиллерийского пороха) латунный яруйт взрывателя и нажал пружину. Раздалось едва слышное тиканье.

Затем, сверившись по кальке со схемой, Вьюн нашел ту вентиляционную трубу, по которой можно было добраться до паровой магистрали.

Четверть часа спустя он соскользнул по якорной цепи в морскую воду и быстрыми саженками поплыл в сторону темного берега.

Кожа пловца была густо смазана специальным маслом, предохраняющим от холода.

«Покурить и уснуть, покурить и уснуть», мысленно повторял он в такт гребкам. Главная жизнь Вьюна происходила в опиумных снах. Прочее не имело особенного значения.

МАРИЯ ПОТЕРЯЛА ГОЛОВУ

Родион ее не соблазнял, не совращал, не воспользовался девичьей доверчивостью. Маша сама всё устроила. Она этого хотела.

Никакого предварительного плана у нее не было. Но вечером, после рабочего дня, когда они пили чай, его состоящее из двух половинок лицо вдруг показалось ей таким вдохновенным, а глаза горели так ярко... Внутри у Маши что-то затрепетало, заискрилось. «К чему ждать свадьбы? — шепнул прерывающийся голос. — Разве она что-то изменит в наших отношениях? Ведь мы любим друг друга...»

Это было так просто, так удивительно, что Мария сама удивилась, зачем было попусту потрачено столько времени? Жизнь коротка, в ней мало настоящей радости, а вокруг война, впереди — все говорят — революция. Что ж самих себя обкрадывать?

Всю инициативу она взяла на себя.

Провожая Мышкина, шепнула ему: «Вернись через час. Будь во дворе, у черного хода». Он удивленно поднял брови и, кажется, хотел что-то спросить. Но понял без слов. Взгляд, и без того сегодня какой-то особенный, засиял еще лучистей.

Через час они бесшумно поднялись наверх, в ее одинокую башню.

И случилось счастье, которого уродка Маша у судьбы ничем не заслужила.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Всяких женщин знавал на своем веку Йозеф фон Теофельс. Молодых и в возрасте, худых и толстых, красивых и безобразных. Молодые и красивые дарили приятность; пожилые и уродливые пригодились для дела. Кто кроме извращенца станет расходовать любовный пыл на какую-нибудь страхомордину? В любовном мартирологе Зеппа среди самых кошмарных образчиков женской непривлекательности фройляйн Козелцова могла бы по праву претендовать на призовое место.

И всё же никогда еще майор не ощущал подобного эротического подъема. На ложе страсти он проявил себя прямо-таки Казановой и дон Жуаном в одном лице, то есть в одном теле.

Мысль о том, что сейчас происходит на дредноуте, наполняла всё существо Теофельса электрич

ством. Даже удивительно, что он не светился наподобие лампочки. Когда изнемогшая от восторга девица, беспрестанно бормотавшая всякие нежные слова, попросила его не молчать и тоже сказать ей что-нибудь ласковое, Зепп назвал ее «моя маленькая роза».

— Я не похожа на розу, — засмеялась Мария тихим, счастливым смехом. — Роза пышная, а я тощая.

— «Маленькая роза» — это розетка. А я штепсель. Когда мы соединяемся, включается ток.

— Какой ты, оказывается, испорченный...

Она ударила его по плечу, хихикнула.

— Слушай, я наверно кричала? Вдруг мама слышала. Ее спальня прямо под нами.

— Ничего. Твоя мать — умная женщина. Она всё понимает.

Потом барышня, наконец, отвязалась — уснула. Майор же смотрел на часы. Вот сейчас должны начать «прокачку». Выюн уже наготове. Ждет, когда откроют замок орудия...

Любовные неистовства не дали Зеппу разрядки. От напряжения он скрипнул зубами.

Звук был едва слышным, но Маша проснулась.

— Не спишь? — Она погладила его по фальшивому ожогу. — Знаешь, я всегда любила ночь. Ночью мы с тобой самые красивые на свете.

— Утро уже, — ответил он. — Седьмой час.

Если до 6.30 не грянет взрыв, значит, акция со-
рвалась...

От этой мысли он вздрогнул. Вздрогнула и Маша.

— Ты тоже об этом подумал, да?

— О чем?

— Вдруг ребенок родится с пятном на лице? Для девочки это трагедия. Мне-то в жизни повезло, а ей?

Именно в этот миг (часы показывали 6.18) со стороны рейда донесся глухой, мощный рокот. Зепи па будто подкинуло с кровати.

Из окна башенки просматривался рейд Северной бухты. То есть ночью-то ничего кроме светящихся прожекторных нитей видно не было, но сейчас из черноты явственно проступил низкий контур линкора, окруженный подрагивающим алым ореолом.

— Это «Мария»! — закричала Маша, схватив Зепи па за локоть. — Там что-то произошло! Авария! А может, диверсия! Папа!!!

Иван Сергеевич этой ночью оставался на дредноуте

«Что, красавчик, не так?
Чем ты недовольная?
Улетаю, ведь моряк —
Знамо, птица вольная!»

Снизу донесся женский крик.

— Мама проснулась! Я к ней! Оставайся здесь, —
Накинув халат, Маша бросилась к двери. — Хотя те-
перь неважно... Пойдем вместе!

Обернувшись, она увидела, что жених, будто за-
вороженный, смотрит в окно.

Оставив дверь нараспашку, Маша выбежала в
коридор.

ВЗРЫВ

Дредноут был охвачен пламенем. С каж-
дой секундой оно разгоралось всё
жарче. Зепп вынул из кармана кителя
заранее приготовленный бинокль — плоский, но
мощный.

Это пока только рванула мина в кройт-камеру
соображал майор. До нефтяных цистерн огненная
волна еще не дошла.

Едва подумал — линкор будто подпрыгнул из воды, расколовшись чуть не во всю свою ширину. Вверх на сотни метров взметнулось багрово-черное пламя. Огромная боевая рубка, фок-мачта, носовая труба оторвались от корпуса и легко, словно картонные, отлетели в сторону. Носовая башня накренилась, похожая на шляпу, съехавшую набекрень. В окуляры Зепп видел, как в воду густо сыплются маленькие запятые, — это прыгали за борт матросы.

Взрывы следовали один за другим. Корабль начал быстро зарываться носом.

Дальше можно было не смотреть.

Теофельс быстро оделся. Поглядел на себя в зеркало, подсвеченное красноватыми сполохами.

Дело сделано, комедия окончена. Наконец-то можно стереть с лица надоевшую нашлепку. Вся кожа от нее иззуделась.

Он смочил платок специальным раствором, стал яростно стирать грим. Уф, какое облегчение.

Снова поглядел в зеркало, шутивно поклонился своему отражению.

— Простите, фройляйн Мария, — сказал Теофельс по-немецки. — Придется вам найти другого охотника до ваших прелестей. Лучше всего — слепого.

Экстатическое ликование, переполнявшее триумфатора, требовало праздника, шуток, веселья. Энергия так и пульсировала в теле.

Можно было, конечно, попросту тихо спуститься по лестнице и уйти через черный ход — семейство капитана Козельцова сейчас не до ночного сада на. Но мускулам хотелось действия, работы, поэтому Зепп влез на подоконник и романтично спустился по водосточной трубе.

КОШКЕ СМЕХ,
А МЫШКЕ СЛЕЗЫ

Мария Козельцова так и не спустилась на второй этаж, где отчаянно, безостановочно кричала мать.

Уже выйдя в коридор, девушка остановилась и снова обернулась — ей все-таки очень хотелось чтоб в эту ужасную минуту любимый был рядом.

Но Родя вёл себя странно.

«Поможете вы жерского полка,
у него покавная поволка,
у него повсюду шовить на шовите
и лица, пзрытое вьтракля»

Оглушительный грохот нового взрыва заставил Машу сжаться. Она так и не тронулась с места.

И видела, как жених одевается, как меняет внешность. Слышала смешки и бормотание по-немецки.

Уже после того, как человек, которого она называла «любимым», будто наваждение, растаял в окне, Маша еще долго стояла на месте без движения.

Потом ее начало трясти. Сначала дрожь была мелкая. Но через минуту девушку заколотило, как в приступе падучей.

Она вдруг поняла, что нужно сделать. Это было, как озарение.

Сбежала по лестнице вниз, в отцовский кабинет. Достала припрятанный от маленьких ключ, которым запирался ящик письменного стола. В руку легла холодная, надежная тяжесть пистолета.

Остатки разума попробовали вмешаться. «А как же мама? На нее обрушится всё сразу — и папа, и я... Брат с сестрой прибегут на выстрел, увидят...»

Но мука, сжигавшая Машу изнутри, была нестерпимой, она перевешивала и заглушала любые доводы рассудка. Когда человеку так больно, ничто на свете не имеет значения. Кроме одного — избавиться от боли.

Взяв «баярд» обеими руками, Мария приставила дуло к родимому пятну, верхним своим краем достигшему виска.

Бр-р-р, передернулся Зепп, который в эту секунду шел порхающей походкой к назначенному месту сбора. Майор вспомнил, как горе-любовница терлась о его плечо своей шершавой нашлепкой.

— Майн Готт, оцени, какую самоотверженность я проявляю во имя победы, — пожаловался он небесам. — За такую ночь любви, даже без дредноута, мне полагается Железный Крест первого класса!

Небеса отозвались фанфарным рёвом. Это на рейде загудели сирены. Корабли эскадры, будто осиротевшая без вожака стая, выли по гибнущей «Марии». С колокольни Владимирского собора ударил скорбный перезвон.

Слаще музыки Теофельс не слыхивал. Он запел в унисон с гудками: «Вечерний звонннн, бом-бом, вечерний звонннн! Как много думмм, бом-бом, наводит онннн!»

Конец седьмой фильма
ПРОДОЛЖЕНИЕ БУДЕТЪ

Второй раз в жизни я почувствовал себя свободным. Я был свободен от всех своих обязанностей, от всех своих забот, от всех своих тревог. Я был свободен от всего, что раньше мешало мне жить.

Иногда мне казалось, что я живу в каком-то ином мире. В этом мире не было ни боли, ни страдания, ни печали. Все было так просто и так ясно, как никогда раньше. Я чувствовал себя счастливым и свободным.

Вот так и прожил я эти дни. Каждый день был для меня новым открытием. Я узнавал себя заново, открывал в себе новые силы и новые таланты. Я чувствовал себя человеком, который наконец-то обрел свой путь. Я был свободен и счастлив.

Сейчас я вспоминаю эти дни с особой теплотой. Они были для меня самым прекрасным временем в моей жизни. Я благодарю судьбу за то, что она позволила мне пережить это. Я благодарю себя за то, что я смог справиться со всем этим.

ХРОНИКА

1988 ГОДА

1988 ГОДА

«Императрица Мария» на якорной стоянке

«Императрица Мария» входит в гавань

«Императрица Мария» в гавани

Встреча линкора

Готовятся к стрельбе главным калибром

Стрельба по кораблю-мишеню

**СНАРЯДЫ
ОТ 10 ДО
18 ДЮЙМОВ**

МОНТАЖ 12-ДЮЙМОВОГО ОРУДИЯ

Офицеры-приятели

Лейтенант

**Карау
заступить
готов!**

**Прапорщик флота
с супругой**

Чистка картошки

Мойка орудия

Часовой у трапа

Яблочко

Боцман

Просто кондуктор

Кондуктор-«шкура»

Севастополь. Б. Морская ул.
СЕВАСТОПОЛЬ. Grand Rue de la Mer.

Севастополь. Большая Морская ул.

Севастополь. Отвага Кнута

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ В СЕВАСТОПОЛЕ

**СТОЯНКА
У СЕВАСТОПОЛЬСКОГО
ПЯРСА**

Парад в Севастопольской гавани

Севастополь. Царская пристань

Sevastopol, Débarcadère Impérial

Севастополь. Царская пристань

«Гебен» в походе

«Гебен» в Босфоре

Обед в кубрике

Ощупавшись главным калибром

КАЮТ-КОМПАНИЯ

В КАЮТ-КОМПАНИИ С СУХОПУТНЫМИ ГОСТЯМИ

Алтан-паша и адмирал Сушон на борту «Гейдена»

«Бреслау»

Фильма восьмая

НИЧЕГО

СВЯТАГО

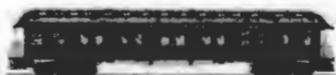
Адскій замысль германцевъ

ОПЕРАТОРЪ

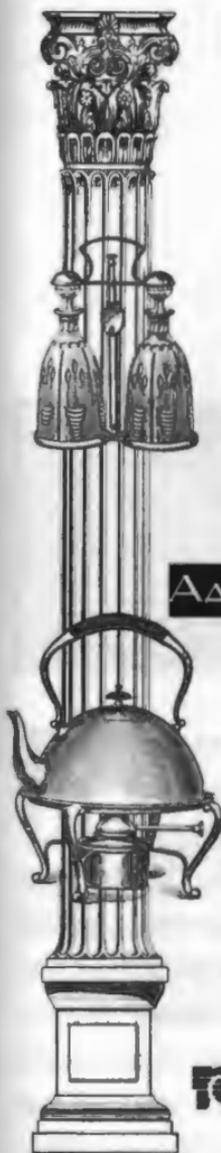
г-нъ И. САКУРОВЪ

Демонстрація
сопровождается
монархическими гѣснями
сочиненія тапѣра
г-на Б.АКУНИНА

ГО

СТ

ЦИРЛИХИ-МАНИРЛИХИ ЗАКОНЧИЛИСЬ

Петроградская окраина,
ноябрь 1916

В о дворе мертвого двухэтажного дома, где с начала войны никто не жил, блестели поднятыми кожухами две пролетки, крепкие лошади потряхивали ушами под нудной холодной моросью. Несколько мужчин стояли кружком, обступив военного в фуражке, укрытой от дождя клеенчатым чехлом. Всякий офицер знает, что этот гордый головной убор, один раз раскиснув, никогда уже не восстановит орлиной посадки, станет слегка обвисать, будто дряблое штатское кепи. Мокрый же френч поручику

Романову был нипочем. Ни сырости, ни холода Алексей не замечал. Перед серьезным делом ему всегда было жарко.

И сотрудников для операций, чреватых пиф-пафом, он подбирал по тому же принципу. Тех, кто перед лицом опасности начинает зябнуть, переводил на менее нервную работу: документы обрабатывать, заниматься расшифровкой, максимум — в наружное наблюдение.

Но сегодня люди были как на подбор, из числа не дрожащих, а потеющих. За исключением новенького, который весь трясся, но это, может быть, оттого что в первый раз. К новенькому еще нужно было приглядеться.

— Всем внимание, — очень тихо начал поручик.

К нему придвинулись плотней. Смотрели напряженно и сосредоточенно — как выразался подполковник Козловский, *сугубо*. Поручик Романов нарочно ввел себе в привычку с подчиненными праздничной болтовни не разводить, даже в спокойной обстановке. Люди должны знать, что начальство попусту языком не чешет, и ловить всякое сказанное слово.

— Что кому делать и чего не делать, я объясню каждому на личном инструктаже. Сейчас хочу при-

бавить только одно. Важность задачи вам известна. Добудем книжку — считайте, сражение выиграла. Провалим — месяц работы всего управления псу под хвост.

С начала осени Алексей служил в Петрограде, перевелся сюда вслед за князем Козловским. После впечатляющих успехов летней кампании подполковнику вышло повышение — он возглавил контрразведку столичного округа. В любой иной военной специальности попасть из фронтовой мясорубки в глубокий тыл почиталось бы за счастье, избавление от сонма опасностей. Но не в контрразведке. Во всяком случае не в питерской.

Это сухопутные армии сражаются на передовой, а битва контрразведки с самой опасной из вражеских разведок, стратегической, разворачивается прежде всего в столице и в Ставке верховного — там, где хранятся главные секреты, где принимаются главные решения. Лучших профессионалов, ударные ресурсы, львиную долю затрат немецкий Абтайлунг-3 «Б» бросал отнюдь не на прифронтовой шпионаж, а на поддержание и развитие сети агентов, действующей в Питере.

Чем глубже увязала Германия в нескончаемую борьбу с Востоком и Западом, чем больше крови теряли ее стальные дивизии, тем активней становилась работа немецких шпионов в Петрограде. Расчет у кайзеровских стратегов был правильный: бить туда, где у врага уязвимое место. А оно было известно и без разведдонесений. Империя пребывала в тяжелом кризисе, империя болела. И самым слабым ее органом, увы, являлась голова. Она и всегда-то была не семи пядей во лбу, а от длительной войны неглубоко ее извилины совсем перепутались, перестали как следует управлять гигантским телом государства.

Авторитет царской власти и правительства пал ниже некуда. Страна с болезненным удовольствием смаковала сплетни о царице и Старце, о тотальном засилии немецкой партии, о «Николашкином» пьянстве. И хоть всё было неправдой, люди охотно верили, потому что жизнь с каждым днем делалась всё тяжелей, а воевать становилось всё невозможней. Полстраны голодало, армия сидела без патронов и снарядов. И не оттого что продовольствия и снаряжения мало, а потому что транспортный коллапс. Умные люди предсказывали: вот застрянут где-нибудь в заторе поезда с зерном, останется столица на

денек-другой без хлеба, и тогда грянет. Не сегодня, так завтра. Не завтра, так послезавтра. Но грянет обязательно. И слава Богу.

Самое страшное тут вот что: про «слава Богу» не революционеры говорили, те-то все были давно переловлены или пережидали в Швейцарии. Самые обычные граждане твердили, что долго *это* продолжаться не может. Устала Россия, обессилела от кровотечения. И конца испытаниям было не видно.

Вот шпионы и пользовались сумбуром. В их агентурной сети помимо обычных, для разведки традиционных, имелся специальный отдел слухов, и отдел транспортных диверсий, и даже забастовочный отдел — мутить рабочих на оборонных заводах.

Но, как любил в последнее время повторять князь Козловский: «Правительственный кризис — не нашего ума дело, а вот что касается шпионажа — тут уж, Лешенька, мое хозяйство, с меня и спрос».

Контрразведка что ж? Свое дело исполняла исправно, спасибо учителям-немцам, третий год экзаменуют. Кто из сотрудников оказался к учебе неспособен, тот давно на том свете либо выпровожен с ответственной службы за непригодность. А кто остался, свой хлеб ел недаром.

Поручик Романов, например, весь последний месяц разрабатывал операцию под кодовым названием «Любимая книжка». Из-за обширности и разветвленности своей сети немцы были вынуждены использовать самую простую систему шифровки — так называемую «книжную». Это когда у агентов имеется одна и та же книга, а послание кодируется посредством трехчисленных групп: номер страницы, номер строки и номер буквы. Хотя способ этот и примитивен, но затруднителен для дешифровки, а кроме того обладает важным достоинством — освоить такую тайнопись может любой грамотный человек, даже если у него нет специальной подготовки.

Уязвимость «книжного шифра» тоже очевидна. Если у подозреваемых лиц при аресте или тайном обыске обнаруживают книгу, уже известную контрразведке, это становится верной уликой. Поэтому всякое печатное издание, найденное у предполагаемого шпиона, обязательно вносится в особый список, который циркулярно распространяется по всем отделениям.

Резидентура уменьшает степень риска, меняя уловленный текст не реже одного раза в месяц, и этой предосторожности до сих пор оказывалось доста-

точно. Стоило кому-то из коллег Алексея установить секретную книгу, а у немцев уже запущена следующая. Максимум, чего удавалось достичь, — задним числом расшифровать записки, перехваченные ранее. Но «книжный код» для сообщений особой важности не используется, имена и адреса им передавать запрещено, поэтому пользы от запоздалого чтения депеш получалось немного.

И всё же необходимость регулярного распространения среди агентов новой книги являлась ахиллесовой пятой немецкого орднунга. Романов сразу это сообразил и подготовил операцию, получившую одобрение начальства и необходимую организационную поддержку.

Цель: выявить новый код в самом начале его запуска. Задача-максимум: взять резидента всей петербургской сети. Это было бы ого-го, такого успеха за всю войну еще не бывало. Но даже если не получится выйти по цепочке на дирижера шпионского оркестра, раннее раскрытие кода сулило две, три, а при осторожной работе и четыре недели спокойного чтения всех перехваченных писем. Так что выполнение задачи-минимум тоже гарантировало контрразведке массу удовольствий.

Способ, предложенный поручиком, был очень прост. Как только удалось установить ныне действующий код (роман госпожи Чарской «Записки сиротки»), агенты, которые производили негласный обыск на квартире подозреваемого, нарочно наследили в книжке — оставили отпечаток жирного пальца. При этом самого шпиона не тронули. Он, естественно, запаниковал, сообщил по эстафете, что шифр «засвечен».

Теперь оставалось только ждать, когда несколькими выявленным, но специально оставленным на свободе агентам передадут новое литературное произведение. Один из этих изменников ростом статью и даже лицом был похож на очень толкового сотрудника из управления. На этом обстоятельстве Романов и выстроил план своей операции. Вольноопределяющегося Колбасникова подгримировали, приклеили нужной формы усы, на лоб надвинули шляпу — и отрядили на конспиративное рандеву.

— Стоите в назначенном месте. Трость держите под мышкой, белым набалдашником вперед. Можно немножко пройтись туда-сюда. К вам подходят, подают условленный знак, задают какой-то вопрос. Дело не в вопросе, дело в знаке. Вы должны ответить.

— «Душой, а еще более телом», — кивнул Колбасников. — Да помню я всё, Алексей Парисович. Интересно только, что за вопрос может быть с таким отзывом?

Романов не сомневался, что вольноопределяющийся всё помнит. Парень опытный, находчивый, развитый, из студентов-технологов. Но чересчур разартный. Поэтому повторить еще раз было не вредно.

— Потом что?

— Как только он передаст книжку, я подаю сигнал, вот так. — Колбасников качнул тростью. Фарфоровый набалдашник было отлично видно издалека даже в темноте — проверяли. — И берем ролубчика.

— Без вас! — Алексей погрозил ему пальцем. — Не вздумайте проявлять инициативу. Прощаетесь, поворачиваетесь, уходите. Заполучили книжку — всё, ваше задание исполнено. Братъ связного будет группа Сливы. Это ясно? Не слышу!

— Так точно, ясно, — вздохнул Колбасников. — Вечно самое интересное достается «волкодавам».

Сам он числился «таксой» и «волкодавам» завидовал, хотя хорошая «такса» ценится выше. Это Коз-

ловский с Романовым придумали классифицировать сотруddников контрразведки по собачьим породам. «Волкодавы» — те, кто хорош при задержании особо опасных шпионов. «Такса» — пес норный, незаменим для проникновения в хитроумные лисьи убежища. Еще были «легавые» — агенты с отменным нюхом. «Борзые» — для погонь. «Пинчеры» — это универсалы, которые могут всё понемногу и очень удобны для переброски с задания на задание, но ни в одной области настоящими асами не являются. Идеальный начальник в контршпионажном деле должен быть «бульмастифом»: чтоб невозмутим и флегматично, свесив брыли, лежал на ковре, пялил ся большими, как блюда, глазами в огонь камина, излучал уверенность и спокойствие, а чуть что — бесшумно вскакивал и брал зубищами за горло. Таким шефом был генерал Жуковский, но он ныне в опале, отправлен на фронт командовать пехотной дивизией. Такая потеря! Мало ли генералов, кому можно дать дивизию, а в контрразведке второго Жуковского взять неоткуда.

Подполковник Козловский собственные способности оценивал невысоко: «пинчер», причем не первого класса. Надо еще сказать, что каждая из поре

подразделялась на разряды, о чем самому агенту, естественно, не сообщалось — зачем подрезать человеку крылья? Поручик Романов, в отличие от князя, скромностью не отличался и свои таланты оценивал высоко: «такса» первого класса, «волкодав» второго, но приближающегося к первому, а еще «сеттер», причем первостатейный, и это качество ценил в себе выше всего. Сеттер — собака с очень быстрой реакцией, моментально ориентирующаяся в любой ситуации.

Ну а шпионов, в зависимости от ловкости и размера когтей, в петроградском управлении контрразведки калибровали по видам семейства кошачьих: от льва до драной кошки.

На финальный этап операции «Любимая книжка» поручик взял с собой семь человек. «Таксу» первого класса Колесникова, чтоб вывел на лису. «Волкодава» первого класса Сливу, от которого еще никто не уходил. В пару к унтер-офицеру Сливе — «пинчера» второго класса Кузина, потому что давно вместе служат, понимают друг дружку без слов. Обоих Алексей перетащил в столицу из контрразведки Юго-Западного фронта. Далее — «пинчер» Лапчен-

ко, невысокого третьего разряда, зато превосходно видящий в темноте. Обычно его использовали для статичной ночной слежки, а сегодня ему отводилась ключевая роль наблюдателя. Именно Лапченко должен был следить за белым набалдашником. Двое «борзых» были наряжены извозчиками — на случай погони поручик взял в транспортном отделе две пролетки из самых быстрых (автомобиль на этой глухой окраине мог привлечь ненужное внимание). А еще к группе был приписан беспородный щенок по фамилии Печкин, от которого требовалось только одно: глядеть в оба и не совасться. Князь Козловский, педагог, придумал нововведение — на всякое важное дело брать как минимум одного стажера, потому что с кадрами проблема и надо готовить смену.

— А если он книжку не передаст? — продолжал Алексей экзаменовывать «таксу».

— Действую по обстановке, — бодро ответил Колбасников и поежился под бешеным взглядом начальника. — Виноват... Если связной ничего не передает, я роняю трость на землю. Связного не трогаю. Извините, Алексей Парисович. Про «обстановку» само выскочило.

Он даже в лице изменился — перепугался, что поручик заменит его на кого-нибудь другого. Романова сотрудники уважали, но не любили, считали сухарем, от которого доброго слова и тем более послабления не жди. Из тех, кто знал Алешу совсем другим человеком, в управлении остались только Козловский да, пожалуй, еще Слива с Кузиным. Но и они уже вряд ли помнили, что когда-то он был светел, улыбчив, а в минуту отдыха часто напевал что-нибудь волшебномедовым баритоном. Изменился Алексей Романов. И внутренне еще больше, чем внешне.

— Ну, пошел потихоньку, — сказал вольноопределяющемуся поручик. Обращение на «ты» в минуту опасности — наибольшая сердечность, на какую он теперь был способен.

Колбасников оценил.

— Авек плезир.

Приподнял котелок, трость под мышку и танцующей походочкой через подворотню туда, откуда сочился тусклый свет газового фонаря.

Оставалась еще минута, а потом и остальным будет пора по местам. Алексей оглядел угрюмые постройки, сомкнувшиеся буквой П. Место хорошее, удобное. Фабричка по производству бумажных ма-

нишек, в военное время прогоревшая из-за отсутствия спроса — большинство копеечных щеголей отправились на фронт.

— Вы двое здесь. Сигналы помните?

— Так точно, ваше благородие, — хором ответили «борзые».

— Вы — за мной, — махнул поручик наблюдателям и стажеру. — Что дрожишь? Как тебя, забыл?

— Печкин он, — подсказал Лапченко, покровительственно положив парню руку на плечо: не робей. — Первый день воюет. Ничего, Алексей Парич, сын, приобыкнется.

На «волкодавов» Романов только глянул. Слива ничего повторять не нужно — только обидится, он самолюбив.

— Всё. Разошлись.

Слива с Кузиным перебежали через улицу — на той стороне был пустой сарай с неплохим обзором. Сам Алексей в сопровождении глазастого Лапченко и пойкивающего от волнения Печкина поднялся на второй этаж.

Высокое пыльное окно бывшего машинного цеха позволяло отлично видеть перекресток, где назначена встреча.

«Такса» уже прогуливалась под единственным фонарем. Убедительно прогуливалась, качественно. То изобразит подозрительность, начнет озираться. То, наоборот, явит беззаботность — вроде бы кавалер подружку поджидает. Именно так вел бы себя второразрядный шпион, явившийся на randevу с посланником резидента. Вполне вероятно, что связной пришел раньше назначенного часа и сейчас ведет наблюдение, так что Колбасников актерствовал не зря, молодец.

Припав к биноклю, Романов осмотрел окна и подворотни домов, выходящих на перекресток. Свет нигде не горел. Рабочие и мелкие ремесленники, населяющие этот убогий квартал, ложатся рано. На улице ни души, кроме одинокого бонвивана под фонарем.

До часу ночи оставалось еще семь минут.

— Проверь-ка, на месте Слива? — велел Алексей. Можно было говорить и нормальным голосом, но от напряжения получилось шепотом.

Лапченко поднял специальную лампу с защитными крылышками, два раза мигнул. В чердачном окне откликнулся крошечный огонек.

— Слива да чтоб не на месте? Все бы вам шутить, Алексей Парисыч. — Наблюдатель усмехнулся, ри-

суясь перед новичком задушевыми отношениями с начальством. И вдруг непочтительно схватил офицера за плечо. — Смотрите, обернулся!

Фигура с тросточкой действительно развернулась в сторону улочки, что вела к заливу.

«Ноль пятьдесят восемь», — посмотрел на часы, для рапорта, Алексей. На две минуты раньше. Не похоже на гансов. Обычно они опаздывают, из осторожности.

Из-за угла (теперь было видно и с наблюдательного пункта) разболтанной походочкой вышла девушка очевидной профессии — в коротком полупальто и горжетке. Романов вжался в бинокль. Лица было не видно — только что во рту папироса. На локте посверкивающий — не то бисерный, не то стеклярусный ридикюль.

— Принесло шалаву! Ишь, облизывается, — пробормотал Лапченко, тоже не отрываясь от бинокля. Окуляры у него были такие же, но разглядел зоркий агент больше, чем поручик. — Ну-ка, Колбасников, шугани ее, носастую. Вот зараза, привязалась! Все дело испортит!

Под фонарем

Миша Колбасников сразу определил, что в крошечной сумочке гулящей не поместится никакая бумажная продукция, кроме разве шпаргалки, — в свое время он был мастер изготавливать миниатюрные тетрадочки, в которые помещалась вся премудрость неорганической и органической химии. Ну и вообще, разве свяжется солидная разведка с вульгарной девкой, от которой за десять шагов несет дешевым одеколоном? Тут не в нравственности и не в брезгливости дело, а просто напьется, курва, или накокаинится и разболтает первому встречному все шпионские тайны.

— Иди, милая, иди. Я барышню жду, — сказал Миша и для наглядности помахал рукой: мимо топай, мимо.

Ночная птица остановилась. Из-под чудовищно начерненных ресниц на Колбасникова тарасились

ярко сияющие глаза. Длинный нос напоминал клюв. Кожа у непотребной женщины была то ли очень белая, то ли густо напудренная. Жирно намаженные губы раздвинулись, выпустили струйку дыма. Язык проворно слизнул прилипшую табачную крошку.

Будто приняв какое-то решение, проститутка приблизилась к Мише вплотную. Он поморщился. Мылась она, что ли, «Сладким ландышем» по двугривенному пузырек?

— А может, не придет твоя барышня? — хрипливо спросила наглая баба, шаря глазами по сторонам. Шлепнула Колбасникова по плечу. — Ты тут, котик, не замерз? Может, обогреться желаешь? ...Что язык проглотил?

Язык Миша проглотил оттого, что прикосновением к правому плечу в сочетании с вопросом, к которому подошел бы отзыв, было условным знаком. Значит, все-таки связной. То есть связная.

Чуть вздрогнув (это было нормально, шпион тоже бы вздрогнул), Колбасников ответил:

— Ж-желаю. Душой, а еще более телом.

И как бы в некоторой нервозности сдвинул на затылок шляпу.

Имелъ улыбка, тусклы очи,
Всѣмъ шуметь стать въ забвѣ,
Подъ равнодушнымъ фонаремъ
Свой прозрѣть бѣда царица ночи

Наблюдатели тоже вздрагнули!

Романов и Лапченко напряженно смотрели в свои бинокли и заметили, что непроизвольно прижимаются друг к другу, только когда у обоих одновременно дрогнули локти.

— Контакт! — процедил поручик.

Сдвинув котелок на затылок, «такса» подала сигнал, что контакт состоялся.

— Лапченко, следи только за набалдашником! Понял? Больше ни на что не отвлекайся!

— Слушаю, Алексей Парисыч... Печкин, не наваливайся! Мешаешь!

Где ж у нее книга? Наверное, под пальто.

Ряженая шпионка (ясно, что настоящую уличную немцы использовать не будут) что-то говорил Колбасникову. Он то кивал, то качал головой. Очень хотелось надеяться, что у хитрых гансов не предусмотрены какие-нибудь дополнительные,

контрольные вопросы. Если связная начнет уходить, не осуществив передачи, придется ее брать и обыскивать. Хотя, конечно, в этом случае операцию можно считать неудавшейся. Разве что получится с разлета, пока арестованная не опомнилась от страха, вытрясти следующее звено цепочки. Наводить страх Романов в последнее время научился недурно.

— Ишь, свезло вольноперу, — фыркнул Лапченко. — Страстная особа.

Женщина обняла одной рукой Колбасникова, прижала к себе, поцеловала.

Набалдашник трости, которую агент нарочно держал за спиной, на виду, наконец дрогнул. Очевидно, код был передан в момент поцелуя.

Но одновременно с движением трости прозвучал странный глухой звук. «Проститутка» отпрянула от «таксы» и быстро, быстро прошла прочь от фонаря.

Белая точка набалдашника качалась всё сильнее, что уже было не похоже на сигнал. В следующую секунду Колбасников повалился на спину, а женщина перешла на бег. В ночной тиши по булыжнику застучали окованные каблуки.

— Мать...

Поперхнувшись бранью, Романов бросился к лестнице. Лапченко и новенький грохотали за ним по ступеням.

На улицу вылетели разом с двух сторон: слева поручик с наблюдателем и стажером, справа Слива с Кузиным. Не тратя времени на разговоры (и так ясно — случилась беда), помчались на перекресток.

Алексей оказался подле Колбасникова первым. Тот хлопал ресницами, но глаза уже закатились под лоб. Пиджак слева на груди был прожжен выстрелом в упор.

— Что? — крикнул Слива. И, увидев, что у товарища прострелено сердце, только крякнул.

Возле поручика и умирающего он задержался самое большее на полсекунды и понесся дальше — огромными прыжками, будто натуральный волкодав, настигающий жертву.

«Контрольный вопрос, ясно. Эх, Миша. Не упустить тварь!» Три короткие мысли — анализ, эмоция, вывод — промелькнули в мозгу Романова, пока он поднимался с корточек.

Тоже побежал — сначала не очень быстро, потому что нужно было отстегнуть портупею и скинуть шинель. Зато потом легко обогнал всех кроме Сливы.

Врет, не уйдет!

Тварь, хладнокровно убившая Мишу Колбасникова, успела оторваться шагов на сто и, если б не слабый свет фонарей, уже затерялась бы во тьме. Но женщине, даже самой быстрой, от натасканных на погоню мужчин не убежать — конституция не способствует и юбка мешает. Несколько раз малокалиберный дамский пистолет сухо кашлянул из мрака красными брызгами, но неопасный с такого расстояния огонь преследователей не испугал и не задержал, только помог сократить расстояние.

Кричать Сливе, чтоб не стрелял, было незачем — сам знает. Сейчас Алексей боялся лишь одного: не нырнула бы, гадина, в какую-нибудь заранее приоткрытую щель, а оттуда в путаные дворы или соседние переулки. Но беглянка почему-то не сделала этого. Домчалась до угла, повернула. И тут стало яс-

но, на что она рассчитывала. Щелкнул кнут, всхрапнули кони, лязгнули колеса. За поворотом связную поджидал экипаж!

Еще не видя, кто там и что, поручик, свистнув в пальцы особым образом, — подал команду «борзый». Ко мне! Будет гонка!

Выскочив за угол, наткнулся на Сливу. Тот уже не бежал, а стоял на месте, потому что на своих двоих коляску все равно не догонишь. Целил с локтя. Однако не выстрелил.

— Кучер встояка. Коняшек заслонил.

Романов и сам видел, что пролеткой правит кто-то широкоплечий, размашисто взмахивающий кнутом. Раз Слива не стал стрелять, значит, рассчитывает взять и связную, и кучера.

И то сказать, дорога вдоль залива тянулась версты на три, и сворачивать с нее было некуда, а коней в контрразведке держали заводских аховых.

— Врет, не уйдет! — спокойно резюмировал унтер

А тут с гиканьем, с грохотом вылетела из-за угла первая коляска: облегченная конструкция, резиновые шины, у орловских рысаков ноздри выворочены, гривы взлет. «Борзой» первого класса Грайво

рона вожжей не придержал, знал, что начальник с «волкодавом» и на полном ходу впрыгнут, не промахнутся.

Остальные агенты, помня инструкцию, в переднюю коляску не сели, набились во вторую, отстававшую всего на два лошадиных корпуса.

И только ветер
засвистал в ушах

И только ветер засвистал в ушах у Алексея, вцепившегося в бортик.
— Сядь, вашбродь! Скорость гасишь! — рявкнул Грайворона.

В обычном состоянии он был сотрудник тихий, дисциплинированный, но во время погони впадал в раж, мог и кнутом ожечь. Романов не обиделся, сел. «Борзого» в таком деле следовало слушаться. Слива вообще на дне съежился — чтоб сопротивление воздуха уменьшить, а заодно и под пулю не угодить.

Едва стало ясно, что расстояние между беглецами и преследователями сокращается, как спереди, из серой мути начали бить уже не в один, а в два ствола. Причем у кучера оружие было серьезное. Судя по звуку, 96-ой «маузер». И пули напарник «гулящей» клал профессионально. Первая высекла искры из поручня, вторая вырвала у коренника клочок гривы.

— Лошадей завалит, гад! — крикнул Грайворон.

— Где у тебя карабин?

Но Слива уже совал поручику выдернутый из чехла «винчестер». По меткости у Романова в группе равных не было.

— Вбок возьми! — велел поручик.

Он собирался уложить пристяжную. Та очень кстати выгибала шею, к тому же была светлой масти — башка неплохо контрастировала с чернотой ночи.

«Маузер» успел пальнуть еще дважды. Вжикнул, хоть и близко, но мимо.

Хороший выстрел требует, во-первых, спокойствия. Нельзя думать о том, что враг может попасть раньше. Во-вторых, когда ведешь огонь с движущегося транспортного средства, стань его частью. В-третьих, если мишень тоже перемещается, возьми правильное опережение. Вот и вся наука.

Приклад на отдаче ткнулся в плечо, и Романов безошибочным чутьем понял, что выстрел удался, хотя пристяжная шпионской пролетки еще секунду или две по инерции перебирала ногами. Потом сразу кувыркнулась вниз простреленной головой. Коляску проволокло по грунту, перевернуло, кинуло с обочины.

— Не убились? — с тревогой выдохнул Слива, готовясь выпрыгнуть.

— Типун тебе на язык!

Что ж, заполнить код по-тихому не удалось. Значит, большого успеха не вышло. Но не все потеряно. Идеально было бы, если б оба вражеских агента оказались живы, но оглушены падением. Тогда можно взять сразу двоих — вдвое больше шансов, что кто-то из них разговорится. Глядишь, ниточка и потянется.

На захвате Слива, «волкодав» высшего разряда, стоил двух поручиков Романовых, поэтому Алексей вперед не совался.

Унтер огромным прыжком сиганул под откос, еще в полете нажав кнопку электрического фонаря. В цирке бы ему, ловкачу, выступать. И, главное, лучом безошибочно нащупал того, кого надо было осветить: кучера.

«Проститутка»-то лежала смирно, не двигалась, а вот бородач, так лихо нахлестывавший лошадей, чувств не лишился и даже пистолета из руки не выпустил:

— Бере...! — крикнул Алексей, да поздно.

Вспышка ударила прямо в грудь Сливе, когда тот едва коснулся ногами земли. Мгновение спустя выстрелил и Романов, целя в руку с «маузером». Вопль боли свидетельствовал, что пуля была потрачена не впустую. С разбегу налетел «пинчер» Кузин, опрокинул бородач, завернул ему за спину нераненую руку и доложил:

— Брыкается!

— Ломай! — коротко приказал Романов.

Кузин вывернул руку еще больше. Хрустнула кость. Шпион взвыл. Теперь о нем, обезрученно можно было не беспокоиться.

— Что эта? — спросил Алексей у Лапченко, сидевшего верхом на женщине и уже защелкнувшего наручники.

— Порядок, ваше благородие.

Только после этого Алексей позволил себе склониться над Сливой. Пощупал пульс на шее. Отбежался отчаянный «волкодав», отпрыгался. Рано или поздно должен был сложить забубенную головушку —

и судьбы не избежал. «Не худшая смерть», — прошептал Алексей сердито, чтоб не разнюниться. Сливу было ужасно жалко. И по-человечески, и как первосортного работника.

Поднимаясь, Романов увидел новенького. Тот последовал за всеми, но теперь не знал, что ему делать, и в панике смотрел на убитого.

— Не трясись, Печкин. Лучше помоги Лапченке мамзель обшарить. Тебе это будет интересно.

Воюя с душевной слабостью, поручик нарочно сказал это как можно грубее.

Проклятый день! Два лучших сотрудника! Но помнить их будем после. Сейчас нужно озаботиться, чтобы гибель Сливы и Колбасникова была не напрасной.

— Нашли? — спросил он у Лапченко.

— Никак нет, ваше благородие. В сумочке одни бабьи глупости. Сейчас тело догляжу. Подвинься, Печкин.

— Коляску осмотреть! — крикнул Алексей наверх, «борзым». — Что искать, знаете!

Женщина очнулась, зашипела на агентов, которые бесцеремонно ощупывали ее сверху донизу:

— Уберите лапы, хамы! Обыскивать женщину должна женщина!

Не обращая на нее внимания, Лапченко покачал головой: кода не было.

Через полминуты от перевернутой коляски доложил Грайворона:

— Нету!

Ладно, переходим к пальпированию.

Пуча глаза в имитации бешенства (сильно прикидываться не пришлось), Романов замахнулся на шпионку рукояткой револьвера:

— Где коды? Отвечай, мразь!

Та не сжалась, не отпрянула, а напротив, распрямив плечи и выставила вперед подбородок.

— Не смейте мне тыкать! Я не проститутка, я германская разведчица!

С характером дамочка.

— Гадюка! — всхлипнул Алексей. — Я тебя за Мишу Колбасникова...

Снова замахнулся, но не ударил — вроде как рука задрожала.

«Гулящая», видя такую чувствительность, осмелела еще больше:

— Вы офицер. Вы не ударите даму.

И тут, когда она слегка расслабилась, Романов ей вмазал — прямо по упрямому подбородку, ручко

«Щаю повсяк на забвѣн
и на щадитъ мы животъ!
Нашъ не остане безъ креста —
хоть на горахъ, хитъ на могиль»

«кольта», наотмашь. Женщина завизжала, забила слезы, выплевывая зубы и сгустки крови.

Пронзительно вскрикнул и отшатнулся Печкин.

— Ошибка номер один, — сказал поручик с ледяным спокойствием, будто только что не истерил. Навел дуло на бородача, который, насупясь, наблюдал, как допрашивают напарницу. — Теперь тебя спрашивают. Где коды? Не скажешь — бить не буду. Просто убью.

Ну, «кучер» был крепкий орешек, об такой зубы сломаешь. По кошачьей иерархии — тигрище первого разряда. Вероятно, непосредственный шеф размалеванной бабы.

— Так-таки убьете? — усмехнулся он. — Арестованного шпиона? От которого может быть ход к резиденту? Ой, не верю.

Что-то в этом роде Алексей и рассчитывал услышать. Приставил дуло бородачу ко лбу. Пару секунд подождал. Тот, молодец, не отодвинулся, не сморкнул. Даже подмигнул, нагло.

От выстрела сорок пятого калибра у шпиона снесло весь верх черепа. Стоявший сбоку Кузин вытер лицо, забрызганное мозгом и кровью, да только носом шмыгнул. Зато шпионка и новенький оба заорали, один пронзительней другого.

Некоторое время Романов стоял, глядя на мертвое тело, и прислушивался к себе. Не дрогнет ли внутри что-нибудь? Хоть бы что. Только секундомер работал: нужно было, чтобы баба из первого шока вышла, а в ступор впасть не успела, не то потом из нее черта с два что выжмешь.

Каких-нибудь полгода назад Алеша ни за что вот так, хладнокровно, в упор, не выстрелил бы в живого человека. Ведь его рожали, воспитывали, растили, и семья, возможно, есть, кто-то его, наверное, любит, кто-то ждет. Как это — взять и уничтожить целую вселенную? А запросто. Спустил курок, и одной вражеской вселенной стало меньше. Бородач знал, на что шел. Война — не забава.

Пора!

— Это была ошибка номер два. — Медленно повернувшись, Романов навел еще дымящееся дуло прямо в переносицу шпионке. — Где новая книжка? Ну, дура, смотри не сделай ошибки номер три.

Печкин, бедняга, зажмурился. Не хочет видеть, как еще один череп разлетится на куски.

— Это не книга! — прошепелявила «проститутка», скосив глаза в черную дырку. — Книг больше не бу-

дет! Прислали коробочку с реактивами. Для проявки тайных сообщений.

Значит, немцы наконец отказались от системы книжной шифровки? Интересно.

— Пускай коробочка. Где она?

— Отто выбросил. Когда падали. Туда куда-то. Я найду!

И с готовностью поползла на четвереньках в темноту, опираясь о землю локтями скованных рук.

«Кошка дворовая», определил породу шпионки Алексей. Не третьего разряда, а второго или даже первого — бедного Колбасникова застрелила ловко. А в общем, мелюзга. Прочной нитки от нее не потянется. Наверняка кроме покойного *Garbe Bleu*¹ никого не знает. Впрочем, пощупаем.

— Посветите ей, ребята.

— Есть, нашла! Видите, я сказала правду!

В маленькой стальной коробке блестели, пролеженные ватой, три пузырька: один побольше, с прозрачной жидкостью, и два маленьких, в одной что-то беловатое, в другой желтоватое.

¹ Синяя Борода (фр.).

— И как пользоваться этим набором юного химика? — спросил поручик.

— Я не знаю. Я должна была проверить человека, задав ему три контрольных вопроса. Если всё нормально — отвести к пролетке. Отто сам инструктировал агентов, тет-а-тет. Ну а если что-то не так...

Судорожный всхлип. Не договорила.

— В коляску ее, — велел Романов. — И этого с ней рядом. За компанию. А Сливу мы с Кузиным сами отнесем.

Только теперь Кузин позволил себе заплакать. Они со Сливой были не разлей вода.

Можно было подводить предварительные итоги.

Операция очень тяжелая, с невосполнимыми потерями. Но успешная. Раскрыта принципиально новая германская система тайнописи. Или почти раскрыта. Еще придется поумекать, как пользоваться этими бутылочками.

Лапченко сказал Печкину, который помогал тащить Бородача:

— Гляди, не сболтни по дурусти. Этот застрелен при задержании, ясно?

Новичок кивнул, боязливо оглянулся на поручика.

Надо было поговорить с парнем. Для первого серьезного дела он вел себя неплохо. Не мешался под ногами, не отставал. А что оторопел — это нормально, — Что, Печкин, жутко? — Алексей усмехнулся. — Привыкай. Ты первый день воюешь, а я третий год. Или мы их, или они нас, понял? Цирлихи-манлихи закончились.

НЕ ДО САНТИМЕНТОВ

В тысяче верст отсюда
в этот миг
говорили о том же...

В ту же самую минуту, но только в тысяче верст к западу от Петрограда и на другом языке были произнесены почти те же самые слова.

— Не до сантиментов. Победу нужно добыть как можно быстрее и любой ценой. Нация и рейх на пределе сил. Этот тезис вашей докладной записки, Теофельс, совершенно справедлив. Правы вы и в том, что Восточный фронт стал проблемой, которую решить одними военными средствами невозможно. Да, необходимы чрезвычайные меры...

Поскольку Монокль тут сделал паузу, Зепп счел возможным вставить:

— Благодарю, экселенц.

И покосился на молчаливого Уса, чтобы угадать дальнейшее. Старший из генералов не то чтоб не

умел притворяться — просто считал ниже своего достоинства прикидываться перед малозначительными подчиненными. По насупленным седым бровям старика, по брюзгливо выпяченной нижней губе майор понял: отказано. Но зачем тогда вся эта помпа? Выдернуть занятого человека в Ставку, пред светлы очи сразу обоих начальников имперской разведки только для того, чтобы завернуть его проект? Можно было ответить бумажно. Или вообще не отвечать. Рисковал, перебирался через линию фронта — это бы ладно, дело привычное, но ведь еще пуговицы драил, в мундир влезал, побрякуш на грудь повесил. И всё попусту. Сейчас, после паузы, наверняка последует «но».

— Но... То, что вы предлагаете...

Генерал Монокль развел руками, посмотрел на шефа, как бы не находя нужного слова.

Граф в терминологии не затруднился.

— Сумасшествие! — отрезал он. — Ваша идея безумна! Вы предлагаете нам последовать примеру японской разведки, которая в девятьсот пятом помогла развязать в России революцию и тем самым ускорила заключение мира. Мы, Теофельс, живем не в Японии, за морями-океанами. Россия — вот она,

рядом. Пустить в колодец к соседям, с которыми рассорился, бациллу чумы может только последний идиот.

Ус запыхтел от негодования, а Зепп мысленно повторил: «Благодарю, экселенц». За «идиота».

— Соседи, конечно, сдохнут, но зараза может просочиться к нам! Неужто вы этого не понимаете?

Фон Теофельс изобразил несколько удивленную задумчивость. «Какого все-таки черта вызвали, если я идиот? — думал он. — Старым пердунам нужно, чтоб я их поуговаривал. Хочется, да колется».

Лет десять назад, еще резвым обер-лейтенантом, Зепп по собственной инициативе подружился с легендарным японским полковником Акаси, когда тот после своих российских свершений служил военным атташе в Германии. Про этого человека говорили, что он один стоил десятка дивизий, сражавшихся на полях Маньчжурии. Распоряжаясь секретным фондом в один миллион иен (для воюющей империи — пустяк, для разведчика — баснословная сумма), Акаси, находясь в Европе, не только наводнил пражескую страну агентами, но и натравил на русского медведя целую свору собак: боевиков, агитаторов, польских, финских и кавказских сепаратистов.

Если б у царя Николая не загорелись штаны на заднице, черта с два запросил бы он у японцев перемирия. Токио был на последнем издыхании, хуже чем Германия в конце шестнадцатого года, а благодаря толково потраченному миллиону, вышел из тухлого дела победителем. Почему бы не воспользоваться приемом, который один раз уже отлично сработал?

Однако начальству излагать общеизвестные факты майор не стал. Предпочел взять быка за рога.

Вскочил со стула, вытянулся в струну. Когда говоришь высокому руководству дерзости, следует уравнивать резкость слов позой полной субординации.

— Я не понимаю другого, экселенц. Если мой план отвергнут, зачем было отрывать меня от работы? Каждое пересечение фронта — лишний риск и потеря времени.

Вот так чудо: генералы на неслыханную наглость не рассердились, а только переглянулись, и Зепп даже показалось, что суровый граф прячет под усами улыбку. Интересно!

— Мы диагностируем ситуацию таким же образом, что и вы. Однако избрали другой метод лечения, — с удивительной мягкостью произнес Мо-

нокль. — Столь же эффективный, как революция во вражеском тылу, но не представляющий для нас опасности.

Ус изрек:

— Не эпидемия чумы, а хирургическая операция. — Улыбнулся уже в открытую, довольный метафорой. Кивнул помощнику. — Продолжайте.

Но Монокль больше ничего говорить не стал, он любил эффектность. Открыл какую-то пузатую папку (Зепп углядел там кроме машинописных страниц какие-то схемы, карты, фотографии), извлек оттуда обыкновенную почтовую открытку с портретом самодержца всероссийского в полевой форме.

Поглядел Теофельс на картинку, подумал немного — и поразился так, что забыл про выправку.

— Правильно ли я понял? — Он с недоверием перевел взгляд на одного начальника, потом на другого.

Вот тебе и старые пердуны!

Монокль иронически улыбнулся. Ус кивнул.

— Вы хотите устранить монарха, августейшую особу? — проговорил Зепп вслух невообразимое. На секунду задумался. — Но... что это даст? Правитель из Николая неважный, главнокомандующий — тем более.

— Если Николай умрет, на престол взойдет двенадцатилетний мальчик, а регентшей станет царица Александра. Она ненавидит нашего кайзера, но это несущественно. Существенно то, что царица подвержена внешним влияниям. Мы с вами один раз этим уже воспользовались — когда нужно было избавиться от генерала Жуковского.

Зепп понимающе наклонил голову:

— Старец?

— Да. Как мы с вами знаем, этим человеком можно манипулировать. К тому же сей пророк — искренний и убежденный противник войны. Он считает, что она приведет империю Романовых к гибели.

— Понимаю, экселенц. Думаю, в случае необходимости я мог бы восстановить свои отношения со Старцем.

«А идея-то недурна! — пронеслось в голове у Теофельса. — Царица — особа мистического склада, верит в видения, откровения, наития и прочую полезную белиберду. И «странный человек» тоже не без придури. А видения мы организуем...»

Ход дальнейших мыслей прервало ворчание генерала Уса:

— Обойдемся без вас. Сегодня в окружении шарлатана наших людей более чем достаточно. Лучше скажите, как вам замысел?

— Он лучше моего, экселенц, — честно признал Зепп. — Проще в исполнении, дешевле, быстрее.

Честно говоря, майор был потрясен. Он не ждал от консервативного начальства такого кощунственного нарушения правил игры. Монархи не истребляют друг друга — во всяком случае, со времен средневековья. Видимо, дела у рейха еще хуже, чем кажется на отдалении.

— Если вспомнить, скольких правящих монархов за последние двадцать лет отправили на тот свет... — начал Монокль, но в это время на столе зазвонил один из телефонов, стоявший особняком и украшенный императорским вензелем.

Граф, несмотря на почтенный возраст, проворно встал, прежде чем снять трубку. Вскочил и его заместитель. Сделав восторженную физиономию, майор прижал ладони ко швам.

О чем граф беседовал с его величеством, осталось неизвестно. Ус больше слушал, уста разомкнул всего четырежды: три раза сказал «так точно, ваше величество» и один раз, в конце, «будет ис-

полнено ваше величество». При этом беседа длилась не меньше пяти минут, так что Теофельс даже соскучился и, не меняя благоговейной мины, принялся вспоминать, скольких же монархов укукошили за последнее двадцатилетие — и при каких обстоятельствах.

Память на обстоятельства политических убийств и прочих исторических инцидентов, интересных с профессиональной точки зрения, у майора была отменная, а живое воображение помогло воссоздать каждую из картинок с кинематографической наглядностью.

Мечеть Шах-Абдул-Азим.
1896

Шах Насер ад-Дин, правивший Персией целых полвека, кладет земные поклоны в храме, выстроенном в память об одном из потомков Пророка.

«Иавъкъ проклятью предаю
того, чьм подлаз десница
дерзнетъ злодѣиски покуситься
на августѣйшую сетью!»

Приближенные тоже творят молитву, но преклонили колени на почтительном расстоянии от монарха. Меж златотканых мундиров и парчовых халатов (видны лишь склоненные спины) медленно, зигзагами, движется простой черный кафтан-каба. Это какой-то богомолец, шепотом бормоча извинения и не поднимая головы, ползет на коленках вперед. Он старается не привлекать к себе внимания.

Это некий Мирза Реза Кермани, последователь Джамал ад-Дина Афгани, страстного проповедника панисламизма. Персидского шаха многие мусульмане считают деспотом и английской марионеткой.

Царской охране в мечети делать нечего. Кому из правоверных придет в голову осквернить священное место кровопролитием, а того паче цареубийством? На то у фанатика и расчет.

Протиснувшись в первый ряд, он взводит курок спрятанного под одеждой старого револьвера. Потом выяснится: оружие было в таком скверном состоянии, что, если бы выстрел был произведен с десяти метров, пуля не причинила бы вреда. Но Мирза Реза действует наверняка.

Дав шаху домолиться и подняться с колен, чер-
ный человек тоже вскакивает, с криком «Велик Ал-
лах!» подбегает к владыке и трижды стреляет в упор.

Через несколько месяцев, после пыток и суда,
убийца будет повешен, очень довольный своим дея-
нием и гарантированными райскими кущами.

Ломбардия, Монца.
1900

Славный июльский вечер. Маленький горо-
док, расположенный в окрестностях Мила-
на, ликует, радуясь визиту короля Умберто
Первого. Король почтил присутствием торжествен-
ную церемонию в местном спортивном клубе и те-
перь едет в открытом экипаже мимо городского пар-
ка. Публика машет шляпами и платочками, король
улыбается, кивает хорошеньким дамам. Монарх се-
доус, похож на добродушного дядюшку. У него и
прозвище «Умберто Добрый».

Но не все считают короля добрым. Два года назад его солдаты расстреляли картечью в Милане безоружных манифестантов, и анархисты жаждут возмездия.

Охрана на сей раз имеется — в конце концов, на итальянского монарха было уже два покушения, но дело поставлено с характерной для минувшего столетия патриархальной неэффективностью: какие-то дурацкие всадники в касках с плюмажами, и всё. Теплохранители не прикрывают коляску с флангов, хотя скорость движения вполне позволяет использовать эту элементарную меру предосторожности в людном месте.

Дальше всё очень примитивно. Из толпы выскакивает сосредоточенный брюнет с большими усами, сажает в августейшую особу четыре пули из американского револьвера. Он и сам американец, итальянского происхождения. Гаэтано Бреши, ткач из Питсбурга, активист анархистского движения. Долго копил деньги на билет в Европу, приехал покарать «палача». Потом на суде скажет: «Я стрелял не в человека по имени Умберто, а в принцип».

В Италии нет смертной казни, поэтому убийца получит пожизненное заключение, но от петли это

его не спасет. Очень скоро его найдут повешенным в камере — якобы покончил с собой.

М-да... Что там у нас дальше?

Комната ужаса. 1903

Июньский рассвет. Маленькое темное помещение без окон. Из-за стены доносятся одиночные выстрелы, грохот мебели, грубые голоса: «Где они? Они не могли далеко уйти! Постель еще теплая!»

Полуодетая королева Драга дрожит и молится о чудесном избавлении. Король Александр прижимает супругу к себе, потом в сотый раз наваливается всем телом на спасительную дверцу, но та не поддается. Не может быть, чтобы рано или поздно не подспела подмога! Ведь это центр Белграда, королевский дворец! Остались же в столице какие-нибудь части, верные престолу!

Ужас сменяется надеждой, надежда ужасом, и продолжается это довольно долго.

Драга не августейших кровей, всего лишь бывшая фрейлина матери-королевы, вдова простого инженера, к тому же она на пятнадцать лет старше мужа и не сможет дать стране наследника. В сущности, королевский брак — не только эгоистическая блажь капризного венценосца, но и трогательная история большой любви, не останавливающейся ни перед какими препятствиями. Всё зависит от того, как на это посмотреть. Но Сербия взирает на коронованную чету с негодованием. «Молодой идиот» и «старая развратница» крайне непопулярны. От Александра отвернулась собственная мать. Отец, в свое время добровольно передавший ему престол, тоже возмущен.

Любопытно, что, в отличие от двух предшествующих случаев режиссуры, здесь были предприняты довольно серьезные усилия по охране главы государства. Александру известно, что молодое офицерство недоволено и что в армии зреет заговор. Поэтому дверь в опочивальню прочна и чуть ли даже не бронирована (все-таки на дворе двадцатый век), телохранители надежны, в спальне имеется тайный ход в убежище, откуда можно уйти через запасную дверцу.

Но заговорщиков слишком много, и на выручку никто не придет, потому что это, строго говоря, не покушение, а самый настоящий военный переворот. В подобной ситуации обычных мер безопасности недостаточно.

Телохранители один за другим пали в перестрелке. Глава заговорщиков капитан Дмитриевич (тот самый, что потом возглавит сербскую тайную полицию и создаст организацию «Черная рука», которая убьет эрцгерцога) получил три пули, убиты некоторые его сообщники, но в конце концов сопротивление защитников сломлено.

Двери в опочивальню взорваны динамитом.

Не обошлось и без рокового стечения обстоятельств. Король с королевой ретировались в секретную комнату, но выйти с другой стороны не смогли — слуги, не осведомленные о тайне, заставили выход громоздкой мебелью.

В конце концов один из королевских приближенных выдал убежище. Чудесного избавления не будет.

Со славянской привычкой к чрезмерности королевскую чету продырявили выстрелами, изрубили саблями, чуть ли не выпотрошили, а потом еще выкинули изуродованные трупы в окно на ку-

чу навоза. Хорошо, должно быть, в Сербии королевский дворец, если там под окнами королевскими опочивальни сваливают навоз. Впрочем, возможно, эту деталь придумали журналисты, с них стается.

В этой жуткой славянской истории Зеппа порадовала участь цареубийц. Все, кто не погиб при штурме, остались живы и достигли высоких чинов. Полковник Дмитриевич до сих пор на службе, хоть австрийская разведка и доносит, что период его всемогущества закончился.

Следующая, кажется, Португалия?

Лиссабон. 1908

Королевское семейство: толстяк Карлуш Первый, его дородная супруга и сыновья-принцы возвращаются в столицу из загородной резиденции.

Сценография схожа с итальянской: открытый экипаж, густая толпа на площади Террейру-ду-Пасу. И охрана точно такая же — несколько павлинов с плюмажами на шляпах бессмысленно едут впереди кортежа, а королевские телохранители скромненько держатся сзади, где от них никакого проку.

Холодный февральский день. Все одеты тепло — и августейшая фамилия, и публика. Среди зевак двое революционеров, которые мечтают избавить страну от королевского дома Браганца и сделать Португалию республикой. Террористы тоже в длинных пальто, под которыми так легко спрятать любое оружие. Один из них — бывший унтер-офицер и отличный стрелок.

Во все времена, даже при идеальной охране, очень трудно уберечься от людей, хорошо владеющих оружием и готовых пожертвовать собственной жизнью. Карлуш даже не успел понять, что произошло. Первая же выпущенная пуля перебила ему шейные позвонки. Но убийцы, вытащив карабины из-под пальто, не прекратили огня, пока не опустошили магазины. После этого обоих уложили на месте, да что проку? Пал не только король, но и наследный принц,

вынужденный (позор охране!) отстреливаться из собственного револьвера. Какой-то Дикий Запад! Еще остается Греция.

Салоники. 1913

Заканчивается Первая балканская война. Король эллинов Георг гуляет по отбитым у турок Салоникам. Осмотрел знаменитую Белую башню, главную достопримечательность македонского города, свернул в узкие улочки.

Поразительная беспечность для монарха воюющей страны! Практически никакой охраны, лишь несколько человек свиты.

Впрочем, Георг прав, что не боится вражеских агентов. Удар ему нанесет не турок и не македонец, а собственный подданный, грек.

Долговязый монарх останавливается поболтать с владельцем уличного ресторанчика. Старый ко-

роль — иностранец, датчанин, ему нужно продемонстрировать близость к народу. Длинные тараканьи усищи шевелятся — его величество изволил сказать шутку.

Бедно одетый человек в шляпе с обвислыми полями преспокойно подходит сзади и с расстояния в несколько шагов посылает две пули. Одну — прямо в сердце.

Тут опять сходство с убийством Умберто Доброго. Как и короля итальянцев, Георга Греческого застрелил анархист, успевший пожить в США и вернувшийся на родину, чтобы расправиться с монархом. Похож и финал. По официальной версии, злодей во время допроса выбросился из окна и разбился насмерть. На самом деле, как в свое время сообщала резидентура, террориста выкинули уже мертвым, чтобы замаскировать следы пыток.

Вот вся новейшая история успешных царевубийств: пять прецедентов.

Но был и шестой

Телефонный разговор закончился. Все сели: генерал Ус первый, генерал Монокль второй, последним майор. Помолчали, как бы отдавая дань почтительности невидимому собеседнику. Потом заместитель продолжил, словно никакого перерыва не было:

— ... За последние двадцать лет правящих монархов отправляли на тот свет несколько раз, но для нас представляет интерес только один из этих инцидентов, поскольку он был организован иностранной разведкой.

Зепп слегка удивился: который же это? Ах да, про Драгутина Димитриевича писали в газетах, будто он платный агент русских. Но разве это была не часть пропагандистской кампании по подготовке войны?

Однако генерал имел в виду не сербскую историю

— Я про убийство корейской королевы Мин, осуществленное вашими любимыми японцами в 1895 году.

«Это нечестно, вы говорили про двадцать лет, а тут прошло больше!» — чуть не воскликнул Теофельс, по-детски раздосадованный тем, что зря напругал память. Генерал, конечно, не имел в виду календарной точности. Черт, что там было с корейской королевой?

Монокль напомнил сам:

— Королева Мин была за сближение с Россией и против японского засилия. Однажды в октябре, на рассвете, во дворец ворвались люди с самурайскими мечами — ох уж эта японская любовь к старине — и зарубили тех придворных дам, кто был похож на королеву. Членов правящего дома в Корее не фотографировали, поэтому убийцы располагали только описанием внешности. Женщин, имевших несчастье походить на королеву, оказалось трое. Обстоятельные исполнители выволокли наружу три трупа, предъявив их для опознания начальнику. Тот показал, которая из покойниц королева, после чего убийцы все с той же поразительной неспешностью сожгли тело, развеяли пепел и лишь после этого спокой-

но удалились. История чудесная, с восточным колоритом, но я рассказываю ее вам только затем, чтобы предупредить: в вашем случае ничего подобного не будет.

— Да уж, — улыбнулся Зепп. — Дворцовая полиция полковника Назимова вряд ли станет ждать, пока я выполню погребальный ритуал. И вообще, азиаты могут творить у себя всё, что угодно, но каковы будут последствия такой... акции, если устроить ее в Европе?

— Вот именно. — Генералы посмотрели один на другого, покачали головами. Монокль понизил голос — не для секретности (кто тут будет подслушивать?), а для вящей значительности. — Главная трудность не в технической стороне дела. Подумаешь! — убийство. Мы же не террористы-одиночки, у нас вариантов и возможностей сколько угодно. Но мир не должен знать, что русского императора ликвидировали мы. Иначе на нас ополчится весь свет.

Главный начальник жестом показал, что дальше будет говорить он:

— Мы сейчас оказываем вам, Теофельс, высочайшее доверие, зная вас как отличного специалиста и настоящего патриота Германии.

Вскинув подбородок и расправив плечи, Зепп принял позу, соответствующую званию настоящего патриота. Было ужасно любопытно, к чему клонит старик.

— Он... — Выразительный взгляд из-под кустистых бровей на телефон с вензелем. — Он об этом ничего не знает. И не узнает. Никогда. Все-таки речь идет о близком родственнике, тоже помазаннике Божьем. Фактически мы предлагаем вам стать участником заговора, созданного хоть и в интересах нашего обожаемого монарха, но без его ведома. Это означает, во-первых... Ну, теперь можете вы, генерал.

Сказав главное, Ус будто потерял интерес и к разговору, и к майору.

— Это, во-первых, означает, что, выполнив задание, вы не получите никакой награды, — изобразил сожаление Монокль. — Ни ордена, ни повышения в чине.

— Экселенц, я служу не ради наград.

— Знаю, знаю. Потому мы и остановились на вашей кандидатуре. Во-вторых, гибель царя должна выглядеть, как несчастный случай. В крайнем случае как теракт, устроенный туземными революционерами-тираноборцами. Поэтому группа, с которой вы

будете работать, довольно специфична. Состав тщательно продуман. Пожалуйте ко мне в кабинет, я покажу вам все досье. Не будем больше занимать время его превосходительства.

«Меня даже не спрашивают, согласен ли я, — подумал Зепп, поднимаясь и салютуя Усу. — Это, пожалуй, наивысший комплимент. Дороже любого ордена».

БОЛОНКА ПЕРВОГО КЛАССА

Той же ночью,
ближе к рассвету

Начальник контрразведочного управления Петроградского военного округа так привык напирать красные, слипающиеся от вечного недосыпания веки, что сделался похож на круглоглазого лемура, а голос от непрерывного курения с кофе-питием стал сиплый, будто испитой, хотя вино князь Козловский позабыл, когда и пил — не до того было.

Место, на котором подполковник трудился уже третий месяц, было видное. Видное, да не завидное. И вся карьера Лавра Константиновича была такая же: его вечно назначали на ответственные должности — то есть на такие, где чуть что требуют к ответу, но поощрений при этом не дождешься. Верный признак хорошего офицера, которого начальство ценит, но не любит, это скудное количество наград и быстрое продви-

жение по должностной лестнице, сильно опережающее производство в чин. Бывшие однополчане Козловского, кто на третий год войны был еще жив, все уже выскочили в полковники, а один в тридцать семь лет обзавелся лампасами. Время для военной карьеры было золотое, за убылью личного состава вакансии открывались с фантастической быстротой. Один, стало быть, уже получил бригаду, шестеро — полк. Эх, милое дело полком командовать. Живешь с офицерами и солдатами одной семьей, сам себе голова, каждый день решаешь простые и ясные задачи, неважно строевые или боевые. Трудно ли навести порядок в полковом хозяйстве? Пара тысяч дисциплинированных людей, десять или двадцать километров фронта...

— Не то Питер с прилегающими губерниями. Содом и Гоморра, Авгиева конюшня!

— Добро б дело было только в прямых вражеских разведчиках! Столица кишела дельцами, которые торговали чем придется, в том числе и секретной информацией, если она попадала к ним в руки. Воры, поставщики и казнокрады-чиновники становились легкой добычей шпионов-шантажистов. А еще от военной усталости расплодилось множество пацифистов, сторонников мира любой ценой, и поди разбер

кто из них желает остановить кровопролитие из страха за отчизну, а кто германский агент влияния. В городе 160 тысяч солдат запасных батальонов, у серой скотинки одна мечта — любой ценой задержаться в тылу и не попасть на фронт. Среди этой массы потенциальных бунтовщиков (между прочим, вооруженных) снуют агитаторы-большевики, которым хочется, чтобы империалистическая война переросла в мировую революцию, а для этого нужно, чтобы Россия потерпела поражение. И если борьба с революционной пропагандой — головная боль Охранного отделения, то подрывная деятельность в пользу врага — это уже забота контрразведки. Не будем забывать и про 400 тысяч питерских рабочих. По какому ведомству прикажете числить забастовку, устроенную на оборонном заводе во время исполнения сверхсрочного и архисекретного заказа? Что это — пролетарская солидарность или германские козни?

Вот какими головоломными докуками была занята голова Алешиного начальника. Срочный вызов в кабинет к Козловскому обычно означал, что какую-то из своих муторных проблем подполковник хочет свалить на плечи товарища, тоже, между прочим, много чем обремененные.

Поэтому поручик переступил порог насквозь прокуренной комнаты не без опаски и сразу, разгневая ладонью сизый дым, сварливо сказал:

— Лавр, ну какого беса? Ты же знаешь, я колдую над реактивами.

Глаза чуть не заслезились от крепкого солдатского самосада, которым в последнее время увлекался князь, но приспособились к ограниченной видимости, и Алексей обнаружил, что обращается к пустому стулу. Подполковник сидел не за письменным столом, а на диване, в удивительно расслабленной позе, нога на ногу, и пил чай с лимоном. Еще оказалось, что Козловский не один. Рядом с ним, тоже со стаканом, сидел ровно, будто палку проглотил, невысокий военный с вензелем на погонах — флигель-адъютант, полковник, весь с иголочки.

— Виноват. — Романов вытянулся. — Поручик Романов по вашему приказанию...

— Брось, Лёш, — перебил Козловский. — Это свой, можешь без официальных. — И полковнику, который внимательно смотрел на вошедшего, поглаживая небольшую бородку: — Вот он. Тот, кто тебе нужен. Прошел огонь, воду и серную кислоту. — Повернулся к Алексею. — Это мой старый то-

«Сплотился дыбом в плечу плечо,
Святой молнией кодабы!
И попляшемся горячо
Служить отечеству и трону!»

варищ по полку, Жорж, то есть Георгий, как тебя, Александрович?

— Ардалионович, — тихо сказал незнакомец, по-прежнему изучая поручика.

— Георгий Ардалионович Назимов. *Тот самый*

Уточнение, произнесенное особенным тоном, несомненно означало, что князя навестил тот самый полковник Назимов, который с недавних пор возглавляет дворцовую полицию и личную охрану государя императора.

— Сидим вот с Жоржем и, как две хворые бабы, на болячки жалуемся.

Представить себе Козловского жалующимся на здоровье было невозможно, и Алексей понял, что сетуют бывшие однополчане друг другу на тяготы службы. От Назимова, в некотором роде коллеги начальнику контрразведки можно было не таиться.

— Вы начальник дворцовой полиции? — всё же спросил Романов, отвечая на пожатие маленькой, но сильной ладони.

— Да, на мне лежит высокая ответственность — обеспечивать безопасность его величества. Это раньше мы были дворцовая полиция. — Сдержанная улыбка тронула малоподвижное лицо Назимова. —

Теперь государь живет в поезде, поэтому правильной сказать «поездная полиция».

— Садись, Алеша, не торчи. — Князь кивнул на кресло. — Чайку вон себе налей. А ты, Жорж, переходи сразу к делу. Романов на лету схватывает.

Про полковника Назимова даже в профессиональных кругах мало что знали. От своих предшественников он отличался незаметностью, вечно держался в тени, влиять ни на политику, ни на придворную жизнь не пытался.

Если судить по внешности и манере держаться, человек это был серьезный и на свое место попал не по протекции, но, согласно Алешиной табели о рангах, всё равно принадлежал к породе «болонок», пускай и первого класса. Что за работа у царских телохранителей? Глядеть в оба и вгрызаться в штанину каждому, кто приблизится к августейшей особе без разрешения. Еще, наверное, нужно уметь ходить на задних лапках и иметь хорошо расчесанную шерстку.

Ход своих мыслей перед «боложкой первого класса» поручик, конечно, не обнаруживал, а слушал очень вежливо, демонстрировал чрезвычайную внимательность. Импонировало, что такой большой на-

чальник разговаривает с мелкой сошкой, младшим офицером контрразведки, без фанаберий. Как с равным.

— Понимаете, — рассказывал Назимов доверительно и как бы даже смущенно, — в личной охране его величества служат специально отобранные люди, молодец к молодцу. По многу лет. Это, с одной стороны, хорошо, потому что опыт, доскональное знание обязанностей и всё такое. С другой стороны, это очень плохо. Рутинка и строго установленный распорядок притупляют бдительность и вообще — притупляют. А время-то сейчас какое. Война. И какая война! Не та, что прежде. Немец стал другой, наш внутренний враг тоже выверился, кругом ожесточение, все друг другу глотки рвут. А у меня, Алексей Парисович, все по старинке...

«Ишь ты, и отчество знает, — мысленно отметил Романов, сочувственно кивая. — Ох, не к добру это».

— ...Такая, знаете, тишь да гладь. И сколько я людей ни гоняю, как ни встряхиваю, нет мне покоя. Я ведь, честно признаться, и сам от боевой службы отвык. Был когда-то и в оперативно-агентурной секции, и на розыскной работе, но сейчас чувству-

что отстал. Тревожно мне. Если не дай бог что, а я чего-то не предусмотрел... Вот и решил попросить Лавра по старинному приятельству...

Он оглянулся на князя, и тот бодро продолжил, искоса поглядев на стенные часы — время у начальника управления было в вечном дефиците:

— ...Чтобы я прикомандировал к государевой охране боевого офицера. Нужно свежим глазом посмотреть, проверить слабые места. Знаешь, есть такой термин «ревизор из Петербурга». Это из Гоголя, — пояснил Козловский. Он прочитал на своем веку немного литературных произведений — только те, что проходили в корпусе, но зато помнил их все, как «Устав полевой службы». — Короче говоря, я сразу про тебя подумал. Что скажешь?

— Я бы предпочел остаться в контрразведке, — отрезал Романов.

Подполковник немедленно перешел от благодушия к язвительности:

— А я бы, Алешенька, предпочел с ружьишком да на рябчиков, недельки этак на две.

Он запнулся, проглотив еще какую-то колкость. Не захотел мылить сотруднику голову при постороннем.

— Ладно, Жорж, ты иди. Мы тут договоримся. Не поздней, чем послезавтра, Романов будет у тебя в Могилеве.

Назимов поднялся.

— Поручик, я ведь вас не в паркетные шаркунки зову. Приезжайте. Жду.

Пожал обоим руку, вышел.

— Ну что ты, Алексей, на меня волком смотришь?

— Приказ получен, господин подполковник. — Голос у Романова был ледяной. — Кому сдать дела? И, главное, реактивы.

Козловский встал. Припадая на хромую ногу, подошел, положил товарищу руку на плечо.

— Ладно тебе крыситься. Заберешь пузырьки с собой, покумекаешь на досуге. Заодно отдохнешь. Купе тебе выделяют отдельное. Ух, я бы там выпался. Под стук вагонных колес, да на боковую, а? Дыдыдыдых, дыдых-дыдых... Тихо, никакой тебе дерготня беготни. Кормят, наверное, рябчиками да всякими крем-брюле. Считай, отпуск получаешь краткосрочный. Я ведь тебя, дурака, не навсегда им отдаю, мне работники самому нужны. Поторчишь денька три-четыре, максимум неделю. Посмотришь, прикинешь. Дашь Жоржу пару рекомендаций — и назад. — Видя

что Романов при упоминании о краткосрочности командировки немного оттаял, князь оскалил в ухмылке прокуренные зубы. — Заодно в высшем обществе повращаешься, манер поднаберешься, а то совсем ты у меня солдафон стал, прямо Скалозуб (это из Грибоедова, драма «Горе от ума»). Опять же знакомства заведешь полезные. Камергеры там, фрейлины-гофмаршалы. Протекцию мне окажешь, при случае.

— Очень остроумно. Не хочу я быть «болонкой», даже временно!

— «Болонки», Лёша, из тебя теперь при всем желании не получится. Клычищи помешают. Читал я твой рапорт. Не удалось, значит, «кучера» живьем взять? Погиб в перестрелке? То-то у него весь лоб от пороха черный. Бывает.

«Надо же, не поленился в морг заглянуть, — удивился Романов. — А еще жалуется, что ни минуты свободного времени».

Напоследок Лавр сказал серьезно, не дурачась:

— Назимов зря не пришел бы, не такой человек. Раз просит — значит, действительно надо. Никого опытнее тебя у меня нет. Дело-то важное. Я б и сам съездил, но ты же знаешь, мне нужно быть в Бендерах, я генералу Брусилову обещал.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ЭТИОД

«Могилев-1»

Мировая война отличалась от всех предыдущих еще и тем, что командующие армиями пересели с белых коней в черные автомобили и переселились из походных шатров в салон-вагоны. И в первом, и особенно во втором случае заслуги технического прогресса были налицо. Его императорское величество самодержец всероссийский вот уже второй год жил во дворце на колесах, который перемещался то по оси Север-Юг, вдоль расположения войск, то по оси Запад-Восток, во время недолгих отлучек с театра боевых действий в тыл. Больше всего времени верховный главнокомандующий проводил в Ставке, то есть, собственно на станции «Могилев-1». Затрапезный еврейский городишко, дыра дырой, стал волевым центром державы.

благодаря своей равноудаленности от обоих морей, в которые упирались фланги тысячеверстного фронта, а также вследствие пересечения важных железнодорожных линий.

В условиях тотального напряжения всех сил страны железные дороги из удобного способа доставки пассажиров и грузов переродились в кровеносную систему войны. Половина проблем, губивших империю, возникала из-за того, что эта система болела тромбозом и была мало разветвлена. Те участки огромного тела, куда министерство путей сообщения не доставало своими стальными капиллярами, в войне почти не участвовали, от них было мало проку. Истинные размеры воюющей России измерялись не заявленными в энциклопедиях двадцатью миллионами квадратных верст, а протяженностью железных дорог с прилегающими к ним территориями, то есть пространством во много раз меньшим. Еще со времен Витте страна прокладывала рельсы невиданными в мире темпами, но этого все равно оказалось недостаточно. Немцы и австрийцы неоднократно уходили от верного поражения, в несколько дней перекидывая целые корпуса с Восточного фронта на Западный или с Западного на Восточный.

Россия же возможностью быстрой рокировки войск не обладала, а значит, численное преимущество, достигнутое мобилизацией шестнадцати миллионов мужчин, сводилось на нет. Особенно скверно обстояло дело на рокадных путях сообщения, идущих параллельно линии фронта. Все главные артерии тянулись от окраин в центр державы. Поэтому посещение государем любого участка боевых действий закупоривало всё движение составов на данном направлении.

Царь считал своим долгом быть ближе к солдатам и никого не обделять высочайшим вниманием, однако от церемониальных поездок с вручением орденов и криками «ура» было больше вреда, чем пользы. Командующие фронтами и армиями предпочли бы, чтобы его величество руководил войсками не очно, а посредством телеграфа. Между собой генералы говорили, что главе воюющего государства следует находиться не на железнодорожной станции, а в столице. Но в своих поступках Николай руководствовался не столько доводами земного разума, сколько голосом боговнушаемого сердца, оно же повелевало помазаннику не пребывать во дворце, среди постылой роскоши; а

делить лишения с христоробивым воинством. Царь жил то в скромном губернаторском доме, то — еще охотнее — прямо в поезде, в тесном помещении, состоявшем из двух соединенных купе, питался простой пищей, носил скромную полевую форму и, как все остальные фронтовики, тосковал по жене и детям.

Всё это поручику Романову было известно из газет, не устававших умиляться «августейшему страднику», «скромнейшему многотруженику», «великому старателю за Землю Русскую». Как и большинство соотечественников, Алексей официозным газетам не верил и полагал, что увидит в Могилеве прифронтное подобие Царского Села: свежестроенные хоромы, наскоро высаженные аллеи, блестящих гвардейцев. Но ничего этого не было.

Он увидел серые, неопрятные улицы, по которым тархтели грязные автомобили, носились рысью бесчисленные ординарцы, по тротуарам спешили замотанные офицеры всех родов войск. Хаотическое движение и шум возрастали по мере приближения к центру этого города-штаба. Полковник Назимов поджидал Романова у входа в вокзал. Попасть

внутри без сопровождающего или специального пропуска было невозможно.

— Всех из поезда почему-то высадили на «Сортрочной», пришлось добираться пешком, — объяснил Алексей, извиняясь за опоздание.

Начальник охраны успокоил его: таков общий порядок, продиктованный соображениями безопасности. На «Могилев-1» кроме царских поездов пропускают только салон-вагоны командующих фронтами, по вызову из Ставки.

— Кроме царских? Разве он не один?

— Их два, литерный «А» и литерный «Б». В первом — его величество, ближайший круг и штат обслуживания. Во втором — остальные чины свиты, смена конвойцев и мы, телохранители.

— Охрана и царь находятся в разных поездах? — недоверчиво переспросил поручик.

— Разумеется, при государе всегда состоит дежурный наряд, но основной контингент следует отдельно. — Назимов вздохнул. — Мне это тоже не нравится. Но такова воля государя.

Поручик принял это к сведению, никак не прокомментировав. Просто достал блокнотик, сделал первую запись. Намерения у Алексея были такие: в

минимальные сроки составить анализ, дать все необходимые рекомендации и скорее назад, в Питер. Наше дело — честно прокукарекать, а там хоть не рассветай, коли у вас тут меры безопасности определяет «воля государя».

Однако по мере приближения к месту изначальный скептицизм контрразведчика несколько смягчился. Там, куда не достигал взор самодержца, Назимов распорядился по-своему, и распорядился неплохо.

Царские поезда стояли в специально выстроенном ответвлении путей, параллельно, и были оцеплены тремя кольцами дозоров, на внешнем периметре находившихся в пределах прямой видимости друг от друга, на среднем — с двадцатиметровыми интервалами, на ближнем вообще стояла сплошная цепь. Документы проверялись трижды, причем попасть внутрь оцепления могли только лица из специального списка, который несколько раз в день обновлялся лично начальником дворцовой полиции. В первом кольце дежурили лейб-жандармы, во втором солдаты Сводного гвардейского полка, в третьем — казаки личного его величества конвоя.

«Давишь приказъ тебе въ Бендеры,
Ты въ другую сторону,
Отправлялись офицеры
На слященную войну»

У всех трех караульных начальников оказалась фотография поручика Романова, временно прикомандированного к «Особому железнодорожному отряду», как официально назывался объект.

Наконец оба офицера оказались в голове двух совершенно одинаковых составов, каждый из шести вагонов, внешне неотличимых один от другого: все выкрашены синим лаком с золотой полосой по линии подоконников, над каждым окошком сверкающий императорский герб, крыши пятнистые, светло-серые — очевидно, в целях маскировки на случай авианалета.

Здесь полковник Алексея удивил.

— Вот этот — «А», царский, — показал Георгий Ардалионович на левый поезд, вдруг задумался — поправился. — Нет, царский справа. Забыл, час назад я велел поменять их местами. Обычная предосторожность. Что удивляетесь? Поезда снаружи, как близнецы. В том и смысл. Сам, бывает, путаюсь. Вражеские агенты-наблюдатели никогда не должны быть уверены, что мимо них проехал именно царский состав. В пути порядок движения все время меняется. А внутри, конечно, всё устроено по-разному. В литерном «А» назначение вагонов следующее...

Оба мощных паровоза, вероятно следуя профи-
лактическому графику, одновременно выбросили
вверх столбы пара, и полковнику пришлось сделать
паузу.

В тихом месте

На дальних подступах к Могилеву, за ремонт-
ными мастерскими Петербургско-Одесской
железной дороги, за грузовыми складами и
паровозным депо, стояла двухэтажная постройка
скучного красного кирпича, с чугунным крыльцом, с
облупленными дверями, а на дверях вывеска, тоже
облупившаяся: «Могилевское техническое железнодорож-
ное училище». В мирное время здесь обучали
машинистов, механиков, старших обходчиков, а в
военную годину школа закрылась, и здание исполь-
зовалось время от времени, по разным краткосро-
чным железнодорожным надобностям.

К примеру, на эту неделю бывшее училище арендовали какие-то «Курсы просвещения паровозных бригад» под эгидой «Союза земств и городов» — честь по чести, с предоставлением соответствующего разрешения от министерства, внесением установленной платы через банк и неустановленной (так называемого «барашка в бумажке») лично господину начальнику участка, чтобы не докучал проверками. Он и не докучал, потому что «барашек» был упитанный.

Если бы все же какому-нибудь скучающему от безделья инспектору вздумалось поинтересоваться, соответствует ли использование арендуемого помещения заявленной цели, ничего подозрительного визитер бы не обнаружил.

В классе за партами сидели несколько мужчин обыкновенной мастеровой наружности, а на доске чертил мелом чиновник в потрепанном, но опрятном вицмундирчике — губернский секретарь Епиходов, и соответствующий документец имеется.

Единственное, что могло бы показаться странным постороннему человеку, это присутствие в классе, среди взрослых пролетариев, щуплого подростка-китайчонка, но на это у преподавателя был готов ответ: шустрый мальчуган, круглый сирота,

ужасно старательный — у кого поднимется рука отстранить такого от света науки?

На самом деле недомерок (агентурная кличка Вьюн) был тридцати лет от роду и равнодушен ко всем наукам кроме разве что фармакологической, но и то в очень узком ее ответвлении. Неизвестно, был ли малыш сиротой, но зато отлично умел делать сиротами других малюток.

В операции, разработанной фальшивым Епиходовым, китайцу отводилась первая роль.

Из старых кадров Зепп еще взял с собой смешливого толстяка Балагура, мастера на все руки. Ну и, конечно, старину Тимо, куда ж без него.

Все остальные были присланы начальством — оставалось надеяться, что с умом. Команда подобралась невероятной этнической пестроты, прямо всяк суший в ней (то есть в России-матушке) язык.

Майор к людям пока приглядывался, решал, где кого использовать. Кое-что уже начинало проявляться.

Для функции связного лучше всего подходит Ворон, потому что хладнокровен, скор умом и, главное, стопроцентный русак, что для передвижений в особой зоне и прифронтальной полосе немаловажно. Из

досье Зепп знал: анархист, враг тирании. Бедной тирании не позавидуешь. Лицо у Ворона каменное, никогда не улыбающееся, взгляд мертвый, фанатичный. Не приведи бог, если такой субъект задумает устроить покушение на кайзера. Но на данном отрезке времени цели сторон совпадали, а кто тут кого больше использует: германская разведка анархиста или он ее, в сущности, не столь важно.

— Не отличался особенной живостью и Финн (это и кличка, и национальная принадлежность). Белобрысый, белоглазый, чисто выбритый, бесстрастный. Судя по неподвижности взгляда, тоже раб Идеи. Идейные — они в деле очень полезны, только нужно уметь с ними обращаться. Особенно надежны в употреблении zeloty северного замеса. В их медлительных душах горит ровный пламень, который не ко времени не вспыхнет и внезапно не погаснет. Коли в этукаю каменную башку втемяшилось кредо, то уж навсегда. Примечательно, что Финна немецкие скауты выудили аж в Соединенных Штатах, где тот скрывался от Охранки целых двенадцать лет. (Тут кстати вспомнить двух других пассионарных репатриантов-американцев, которые прикончили итальянского и греческого монархов.)

Таким образом, в группе имеются гордый внук славян и финн. Тунгуса и друга степей калмыка правда, нет, зато есть еврей, поляк и украинец. Эutih Зепп до сих пор еще себе не растолковал.

Маккавей (наверняка сам выбрал себе героическую кличку) черноволос и крючконос, никаких сомнений относительно национальности. Должен быть, человеку с такой внешностью при гордом характере нелегко жить в юдофобском государстве. Согласно досье, Маккавей к легкой жизни никогда и не стремился. Бывший командир отряда еврейского самообороны, вооруженное сопротивление аресту, долгая жизнь по чужим документам. Человек с походкой и повадками ночного зверя: всё время насто- руже, чуть что — шерсть дыбом и когти наружу, а взгляд недоверчивый, постоянно перемещающийся в предчувствии опасности.

Совсем другая особь — Кмициц (это, кажется, какой-то рыцарь из произведений писателя Сенкевича). Ходячая иллюстрация на тему «Jeszcze Polska nie zginęła». Русских не выносит до такой степени, что все время молчит, потому что говорить на этом гнусном наречии не желает, а немецкого, как, впрочем, и других иностранных языков, не знает. Молоден

хорошенький блондинчик с девичьим румянцем. Но не слюнтяй. В четырнадцатом году застрелил помощника пристава. Кадр безусловно ценный. Такому лишь бы пасть за нашу и вашу свободу, что Зеппа отлично устраивало. Но на какой участок определить романтика свободы? Что-нибудь несложное и героическое.

Последний член команды — боевик из украинской националистической организации по кличке Чуб, которая вступала в противоречие с бритым наголо черепом. В разделе «полезные навыки» было написано, что меткий стрелок. По собственным наблюдениям про Чуба Теофельс мог сказать пока только одно: поразительно владеет собой. Невозможно представить, чтоб этот скуластый человек неопределенного возраста в какой-нибудь ситуации утратил присутствие духа.

В общем и целом букет подобран со вкусом. Специалисты из агентурно-кадрового отдела хорошо поработали. Главное, все пятеро прикомандированных — явные альтруисты. С таким контингентом разведчику приходится иметь дело нечасто. И прелесть не в том, что люди работают бескорыстно (на это-то плевать, казенных денег не жалко), а в том, что каждый готов положить ради великого дела голову. Это очень кстати.

«Электронные тостеры
тщетно читать нашь препоны.
подымайте, гансы, руки!
не помогут вамь науки»

Потому что положить головы этой пятерке, вероятно, придется. В таком деле гораздо приятнее работать не с марионетками, которые не знают, на что идут, а с настоящими беззаветными психопатами.

Неплохое у майора фон Теофельса было впечатление от состава группы, очень неплохое.

На доске мелом были нарисованы семь прямоугольничков. Первый, с дымящейся трубой, обозначал паровоз, остальные — вагоны.

Зепп тыкал указкой, объяснял, слушатели сосредоточенно внимали. Записывать было нельзя. Кмициц немного морщил гладкий лоб, звуки русского языка терзали его слух. Вьюн, кажется, дремал, но черт с ним. Китайца в любом случае придется инструктировать индивидуально. Бедный Тимо шевелил губами и, конечно, половины не понимал. Ничего, его дело — быть на подхвате.

— ...Это поезд литеры «А», с которым нам предстоит работать. Сразу за локомотивом вагон свиты. Второй отведен под царскую квартиру. Это наш непосредственный объект, им потом займемся подробно. Затем идет вагон-столовая. Потом царская кухня с буфетом...

Знакомство с объектом продолжалось...

- ...**В** пятом вагоне часть походной канцелярии его величества. Там же размещается дежурная смена личной охраны. — Алексей шел за полковником, внимательно глядя на окна с занавесками. Записал в блокнот «Бронир.? Эл. свет в ноч. время». — ...В последнем шестом вагоне — купе инженеров железнодорожного ведомства и гараж для царского автомобиля. Вопросы есть?

— Если позволите, я задам их позднее.

— Хорошо, поручик. Теперь милости прошу в наш с вами литерный «Б».

В поезде-дублере два вагона было отведено под казарму для чинов охраны, еще два под конюшню для лошадей конвоя, один — для машин сопровождения и только вагон за номером 2 был весь отведен под купе.

— Внешне каждый вагон нашего состава является точной копией соответствующего номера из литерного «Б». Второй, пассажирский, с которого мы начнем, абсолютный близнец царского. Только отсеки, конечно, устроены несколько иначе. Сейчас я вам всё покажу.

Через обшитый дубом тамбур офицеры вошли в нарядный коридор, устланный синей ковровой дорожкой. Двери купе (числом шесть) сверкали начищенными медными ручками. В дальнем конце, кажется, располагался небольшой салон, откуда доносились звуки пианино. Кто-то весьма недурно исполнял первый этюд Шопена — произведение сложное, не для дилетанта. Алексей чуть приподнял брови, но ничего не сказал. Подойдем ближе — посмотрим, кто это там музицирует.

— Стекла, как и в царском вагоне, пуленепробиваемые. — Назимов на ходу постучал костяшками по окну, и поручик вопрос про «Бронир.?» у себя в блокноте вычеркнул. — Тут моя берлога. — Полковник показал на купе с табличкой «№ 1». — Видите: вставлена карточка, такой у нас порядок.

На двери в специальной ячейке действительно белела карточка с типографской вязью «Флигель-адъютантъ полковникъ Назимовъ».

— Вы разместитесь во втором. Оно как раз предназначено для лиц, временно состоящих при ОЖО.

При чем-при чем? А, при Особом железнодорожном отряде, сообразил Романов. Не слишком благозвучная аббревиатура.

Купе, в котором ему предстояло разместиться, было обставлено со всем возможным комфортом. Кроме дивана и стола два шкафа до потолка, крошечный, зато собственный ватерклозет и даже телефонный аппарат.

— Это связь с вагонами охраны, на экстренный случай. Я потом познакомлю вас с людьми. У вас будет возможность побеседовать с каждым. Интересно знать ваше мнение.

Задерживаться не стали. Алексей только снял шинель и фуражку, повесил на крючок шашку, а чемоданчик, где среди прочего лежала коробочка с шпионскими реактивами, запер в один из шкафов.

Дверь следующего купе была нараспашку. Изнутри слышался стрекот пишущей машинки. «Начальник пресс-службы г. Сусалинь», — гласила карточка.

— Новая у нас должность. И человек новый. Там, — полковник показал пальцем на потолок, — принято ре-

шение считать связь между престолом и общественностью стратегической задачей первой важности.

«Спохватились, — подумал Алексей. — Не поздно ли?»

— А почему дверь открыта?

— У господина Сусалина всегда так. Образ жизни и принципиальная позиция, — слегка усмехнулся Назимов. — Он здесь единственный не из дворцового ведомства, а из журналистской братии. Сторонник открытости. Входить к нему можно запросто. Что мы сейчас и сделаем.

За столиком точно такого же купе, как Алешино, сидел энергичный господин в вязаной жилетке, с дымящейся трубкой в зубах. Роговые американские очки и свисающая на лоб длинная челка, а в особенности валявшийся на диване клетчатый пиджак с авторучками в нагрудном кармане демонстрировали, что человек это в высшей степени современный, от придворной жизни далекий.

— На минуточку, — сказал ему Назимов. — Хочу представить моего помощника, поручика Романова. Ваш новый сосед.

Не прекращая печатать, начальник пресс-службы что-то промышчал. Вдруг швырнул трубку на стол,

«Въ зеленой рощѣ словесной
поеть о Родинѣ своей»

выдрал из каретки лист, скомкал и вышвырнул в приспущенное окно.

— Хреновина какая-то! С утра всё через задницу!

— Господин Сусалин! — Полковник посуровел. — Сколько раз предупредить: выкидывать бумаги из окон, даже самые пустяковые, строжайше запрещено!

— Что? — Журналист рассеянно посмотрел на офицеров. Хихикнул. — Не «Государь выслушал доклад министра внутренних дел», а «Государь в Ставке: высоко сижу, далеко гляжу». Вот именно! То, что нужно! Цепляет глаз, вызывает теплую улыбку. — Поправил очки и только теперь огрызнулся. — Послушайте, не мешайте, а? У меня срочная статья, пойдет во все агентства. Ступайте, господа, ступайте!

Теперь Алексей его вспомнил: ну как же, тот самый Н.Сусалин, который придал репортажам о жизни царственной особы новую тональность. Вместо прежней всеподданнейшей сиропности слегка дерзновенная, чуть-чуть кощунственная неофициальность, этакая ироническая задушевинка. Кое-кто в интеллигентских кругах прозирает в этой игривости предвестье либеральных перемен. Ну-ну.

Шло знакомство и в училище

Задача, ради которой мы здесь собрались вам известна. Вижу, что люди вы серьезные, поэтому разглагольствовать про историческое значение акции не буду...

Зепп обвел взглядом аудиторию. Кажется, поляк и еврей были бы не прочь послушать про мировое значение — у обоих по лицам пробежал разочарование. Русский, финн и украинец кивнули. Балагур подмигнул. Вьюн сонно похлопал ресницами. Тимо одними губами попробовал произнести загадочное слово «разглагольствовать».

— Но, прежде чем перейти к деталям операции, я хочу знать вот что, — всё так же буднично деловито продолжил Зепп. — Вы согласились участвовать в очень рискованном деле. Возмо-

но, нам всем суждено погибнуть. Я-то немец, кадровый военный, со мной ясно. Но я должен знать, почему в этом деле участвует каждый из вас. Прошу говорить правду. Если чей-то ответ покажется мне неискренним, отправлю восвояси. Ясно?

Настороженное молчание, взгляды искоса по сторонам. Они ведь друг друга совсем не знают. Впервые видят.

— Итак, почему? — начал майор с украинца, потому что тот сидел на передней парте.

— Ради свободы Украины, — коротко, без пафоса сказал Чуб. Будто его спросили, сколько времени, а он ответил.

— Вы? — Зепп посмотрел на Маккавея — этот сидел на третьей парте, за Финном, но северный человек морщил лоб, а еврей сам поднял руку.

— Я представитель угнетенного народа. Мне есть за что посчитаться с Николашкой. За погромы, за черту оседлости, за унижение, за...

Он продолжил бы и дальше, но Теофельс жестом и кивком показал: спасибо, ясно.

— А вы? — Он смотрел на поляка.

— Za niepodległość Rzeczypospolitej Polskiej! Dla zrzucenia jarzma rosyjskiego!² — воскликнул, поднявшись, Кмициц. Порозовел, сел.

— Вы?

Теперь Финну было легко, после стольких подсказок.

— Я то же. — Подумав, он счел необходимым все-таки прибавить. — За свободу Суоми от российского ярма, вот.

Теофельс разглядывал Ворона.

— Но вы-то русский. Почему вы здесь?

— Да, я русский. И я сделаю это ради свободы России.

Ишь, глазами-то сверкнул. В связные его, никаких сомнений. Такой живым не дастся. А значит, и не выдаст.

Свой вопрос Зепп задал, конечно, не в расчете на правдивый ответ. Важно не что человек говорит, а как. Что ж до настоящей причины, побудившей вас ввязаться в это, прямо скажем, гиблое дело, то знаю я вас, тварей божьих. У каждого есть какой-то ис-

² За независимость Речи Посполитой! За избавление от российского ига! (польск.)

тинный резон, да ведь не скажете, а может, и сами его толком не сознаете.

«Ну а сам ты? — спросил себя Теофельс. — Не ради же Германии? Тогда почему?»

А потому что на свете существует только одна вещь, ради которой стоит жить и умереть: победа. Есть победа — умереть не жалко. Нет победы — не-зачем и жить. Ну а кайзер и Deutschland-über-alles³ — пустое.

Но про это тс-с-с. Passons⁴.

Генераль-майоръ Дубовскій

На карточке был указан только чин, без должности. Фамилия генерала, занимавшего четвертое купе, Алексею была незнакома. Гус-

³ Германия превыше всего (нем.).

⁴ Это мы пропустим (фр.).

той, звучный голос за дверью с выражением декламировал:

— ...При виде раненого героя слезы умиления выступили на прекрасных глазах государя. «В твоём лице, мой храбрый друг, я лобызаю всю Россию!» — возгласил помазанник Божий и запечатлел на челе солдатика августейший поцелуй.

— Это что? — шепотом спросил поручик. — То есть кто?

— Еще один... сочинитель. — Лицо полковника оставалось невозмутимым. — Генерал свиты его величества. Ведет летопись высочайших поездок. Но не для связей с общественностью, а для истории.

— И этим занимается генерал?

— В отставке.

Алексей не мог взять в толк.

— И что, для летописца необходимо держать купе в поезде сопровождения? Здесь же места наперечет!

Наконец полковник объяснил так, что стало понятно:

— Господин генерал — старинный приятель государя. Раньше он вообще располагался в литературе «А», но бывает... невоздержан, поэтому переводят

сюда. Однако очень часто, особенно при перегонах в вечернее время, находится при особе государя.

— Читает свою летопись?

— Нет. Играет с его величеством в домино, — поколебавшись, выдал государственную тайну Назимов. — Сейчас я вас представляю.

И постучал в дверь, за которой все рокотал промуштованный бас.

— Войдите! Кто там?

За накрытым белейшей скатертью столиком, где переливался гранями хрустальный графин и стояла закуски, сидел краснолицый генерал с седым бобринком и черными усами-стрелками. Его шея была повязана салфеткой. В одной руке обитатель четвертого купе держал исписанный каракулями лист, в другой, на манер дирижерской палочки, куриную ножку. Рядом в почтительной позе стоял лакей в лифчике с императорским орлом и держал наготове крохотный серебряный подносик с рюмкой.

Назимов представил поручика, снова аттестовав его своим новым помощником. Генерал велел звать его попросту, Апполинарий-Самсонычем, слуга же оказался камер-лакеем, приставленным обслуживать свитский вагон литерного поезда «Б».

«Ты пропой-ка ильма, старинишка,
Песню славную, гуслинскую,
Про родитную сторонушку,
Про цзя и службу царскую!»

— Вот, зачитываю Федору из последнего, — помахал Дубовский листком. — Про посещение государем полевого госпиталя. Присаживайтесь, неумимейший полковник: И вас, молодой воин, милости прошу. Налей им, Федор, коньячковского. Вы только послушайте, господа. — Взмахнув куриной ножкой, генерал прочитал. — «За ваше величество не то что ноги, самое жизни отдать не пожалел бы!» — вскричал калека, потрясенный до глубин души...

И прослезился, дрогнул голосом.

— Благодарю, ваше превосходительство, — поспешил воспользоваться паузой полковник. — Я только представить поручика. Надобно идти — служба.

Дубовский мигнул лакею Федору, чтоб закрыл дверь.

— Бросьте. Как говорят китайцы, «Служьба служьбой, а дружба дружьбой». Как угодно, а без рюмочки не выпущу. Приказ старшего по чину.

Гирш

Человека, которого майор фон Теофельс знал под кличкой Маккавей, на самом деле звали Гирш.

Всё происходящее ему очень не нравилось. Гиршу вообще редко что нравилось, потому что мир устроен по-идиотски, и радоваться в нем, по правде говоря, особенно нечему.

Немец (по физиономии видно, что типичный прусак и антисемит) задал принципиально важный вопрос и даже не дал на него по-человечески ответить. Скоро, может быть, на смерть идти, а никому нет дела до мотивов, толкающих тебя на самопожертвование.

Гирш собирался сказать своим товарищам по судьбе то, о чем давно думал.

Когда хочешь уничтожить вредный сорняк, истощающий почву, нет смысла тратить время и силы, обрывая листья и стебли, — только руки о колючки.

поранишь. Нужно братья за корень и выдергивать его из земли. Вот к какому выводу пришел тот, кто начинал с бессмысленной стрельбы по дикарям-погромщикам и постепенно дошел своим умом до окончательного логического вывода. Корень всех несчастий несчастной страны — царизм, то есть проблема персонифицирована в личности одного, притом вполне смертного человека.

Не хотите слушать — не будем метать бисер. Однако все же нужно показать немцу, что он разговаривает не с призывниками, а с добровольцами, которые имеют право не только отвечать, но и задавать вопросы.

Гирш снова поднял руку.

— Почему вы спросили о причинах только нас пятерых? А китайца? И вот этих двоих?

— Потому что их мотивы мне известны, — пренагло ответил немец, помусолив жидкую бородачку.

— Нам тоже хочется знать. Перед лицом смерти все равны.

Гирш был доволен, что такая важная вещь произнесена вслух. Должен же был кто-то высказаться за всех.

Немец чему-то улыбнулся.

— Раз хочется, спросите сами.

Китаец был совсем еще ребенок.

— Чем тебе царь не угодил? — спросил его Гирш,

Подросток не ответил. Поглядел пустыми щелочками, прикрыл веки. Может, он и по-русски-то не понимает. Ничего себе соратничек!

— Ну, а вы что скажете? — обратился Гирш к туповатому на вид жердяю и к улыбчивому толстяку, которые сидели бок о бок.

Дылда пожевал губами и просто повторил:

— Не угодил. Да.

А щекастый сделал комичную рожу:

— Без царя веселей.

— Послушайте, — начал закипать Гирш. — Мы все на вопрос герра Епиходова отвечали всерьез так извольте и вы...

— Хватит разговоров, Маккавей! — оборвал его немец. — Для первого знакомства довольно. Я знаю, что все вы волонтеры, но дисциплина есть дисциплина. Никаких препирательств. Любые споры и дискуссии только по моему разрешению. Кто не согласен — уходите прямо сейчас.

Он обращался вроде бы ко всем, но смотрел в глаза Гиршу. Взгляд у пруссака был холодный и острый.

«О пламя ушло, вертайся,
Оди напасті отъ тебѣ!
Живешь, Россія на люді,
И наша боль тебѣ завоюю!»

— Хватит так хватит, — сказал Гирш. — Против дисциплины возражений нет.

Так что последнее слово все-таки осталось за ним.

Начальник подошел к окну и с минуту постоял, о чем-то размышляя. Все неотрывно смотрели на его прямую спину.

Обернулся.

— Ну так. Распределяю обязанности. Ворон будет связным. Финн, Кмициц, Чуб и Маккавей — группа силовой поддержки. Балагур отвечает за техническую сторону дела. Вьюн — специалист по мануальной терапии.

Румяный полячок переспросил:

— Co jest «manualna terapija»?

Гирш тоже слышал этот термин впервые. То есть, «терапия»-то понятно, а «мануальная» означает «ручная», но в каком смысле?

— Объясню позже. Будет инструктаж — для каждого в отдельности и для всех вместе. — Он вдруг улыбнулся, и оказалось, что у прусского сухаря очень славная, компанейская улыбка. — Ну что, интернационал? Как поется в популярной песне «это есть наш последний и решительный бой, с интернационалом воспрянет род людской»

Купе № 5

Минутку, Георгий Ардалионович... Поручик жестом попросил Назимова немного подождать. Надпись на карточке была длинная и мелкая: *«Помощник начальника канцелярии Его Императорского Величества камергеръ Двора баронъ Э.Э. фонъ Штернбергъ».*

— Начальник канцелярии в литерном «А», а Штернберг здесь, он ведает придворной перепиской, — с ноткой нетерпения объяснил Назимов. — Птица-секретарь. Составляет депеши в министерство Двора. Ну что, стучу?

— Да? — послышалось с той стороны.

— Полковник Назимов. Можно войти?

— Да.

Это купе выглядело иначе: не жилое помещение, а маленькая контора. Приватная часть — койка —

была закрыта чопорной шторой, то есть выключена из сугубо делового интерьера. Между шкафами располагались полки, тесно заставленные папками. Идеальный порядок царил на столе и на соседствующей с ним этажерке: стопки бумаг, бланки телеграмм с императорским орлом, канцелярские принадлежности.

Под стать антуражу был и обитатель. Тонкий, прямой, в строгом темно-сером костюме и стальном пенсне, он показался Алексею похожим на канцелярскую скрепку.

Сухая рука (запястье стиснуто идеально белым манжетом) раздраженно жала на кнопку, встроенную в стену. В других купе Романов тоже видел такие кнопки — они предназначались для вызова прислуги.

— Как несносен этот вечный бардак! — Костлявое, нездорово серое лицо барона подергивалось. — Черт-те что! Свитский поезд, а лакея не дозовешься! Я что, сам должен депеши на телеграф носить? Между прочим, полковник, вся прислуга подчиняется вашему ведомству. Неужели нельзя наладить элементарный...

— Вы же знаете, барон, мы существуем в походных условиях. На весь вагон только два лакея. Сте-

«Сплотились подъ славотномъ царственнѣмъ
Народѣ великой страны,
Съ остзейскихъ береговъ и до Каспия
державъ все равно вѣрны!»

пан в это время помогает буфетчику. Федор занят у генерала. Мы вот с поручиком тоже будем обходиться одним денщиком на двоих. Да, позвольте представить: поручик Романов, барон Штернберг.

Барон хмыкнул.

— Дубовский коньяком лакомится, а я, знаете ли, работаю. Срочные сообщения задерживаются! Постарайтесь, полковник, навести порядок в поезде, иначе я буду жаловаться министру.

— Да жалуйтесь, ради бога, — рассердился и Назимов. — Сколько угодно! Мне не привыкать.

Алексей тем временем писал в блокнотике «Присл.» Нужно будет спросить, из какого контингента набирается поездная прислуга. Судя по Федору с его опереточными бакенбардами, гладкой рожой и немолодцеватой осанкой, он из штатных дворцовых лакеев. Но здесь каждый человек на счету. Правильнее использовать на всех возможных должностях не обычный придворный штат, а сотрудников охраны.

Збышек

... **А** когда станет известно, кто истребил тирана, она поймет, какого человека променяла на заурядного шаркуна, умеющего только танцевать вальсы с мазурками да острить за столом. Рядом с ней был новый Гриневицкий, мученик вольности, а она не разглядела за его молчаливой застенчивостью героя. Пусть рыдает. Потому что есть люди, которые только краснобайствуют о свободе, и есть другие — кто за нее идет на смерть.

Збышек немного отвлекся на всегдашние свои мысли и, кажется, пропустил важное.

— Несчастный случай? — был вынужден он повторить по-русски. — Dlaczego несчастный случай?!

Он же специально изучил динамитное дело! Царя Николая нужно взорвать, так же как Гриневицкий взорвал царя Александра!

Про взрыв тоже пришлось сказать по-русски, иначе немец бы не понял. Тот мотнул головой:

— Нет, взрыв исключается.

— Dlaczego?!

Если несчастный случай, то как же она узнает, что царя убил Збигнев Красовски?

Збышека поддержал Финн:

— Почему?

Немец сказал, как отрезал:

— По кочану. Исключается и всё. Требуется нормальное, убедительное крушение, безо всякого динамита. Это более трудная задача. За час до проезда литерных поездов по всему маршруту расставляют цепь железнодорожного жандармского полка, по солдату через каждые сто шагов. Проезжает дрезина с техниками-смотрителями, они проверяют состояние рельсов и стыков. Но, конечно, каждую гайку осматривать они не могут. На это весь расчет. Внимание! Балагур, покажи, что у нас есть.

Круглолицый человек, похожий на циркового клоуна, вышел к доске.

— Атансьон, мсье и медам! Оп-ля!

Произвел руками манипуляцию, и на пухлой ладони появился самый обыкновенный болт, какими соединяют рельсы.

— Выступает силач «Железные Пальцы»!

Шутник легко переломил болт пополам. Достал еще несколько таких же, высыпал на парту.

Збышек с любопытством взял один. Болт как болт, по виду совсем новый. Попробовал согнуть — в руке осталась шляпка.

— В специально рассчитанной точке пути, на крутом изгибе, мы заменим несколько крепежных болтов на свои, специального изготовления. — Немец нарисовал мелом дугу, в одном месте поставил на ней крестик. — Состав полетит под откос. Простенько и чистенько.

И всё? А как же единоборство с Молохом зла? Бой с охраной? Героическая гибель? Посмертная слава? Беатины слезы?

Збышек был потрясен, он не знал, что и сказать.

Хорошо, Маккавей, умный человек, сумел сформулировать все вопросы.

— Спросить можно? Дисциплина позволяет? — едко осведомился он. Дождавшись кивка, стал загигать пальцы. — Вы говорите «простенько». А если рельсы

«Неблагодарные пилочки,
страшится тибва россияны
оравь двуглавый грозень вь длань
я оданной славой осияны!»

выдержат? А если Николай при крушении уцелеет? В восемьдесят восьмом году на станции Борки царский поезд слетел под откос. Вагоны всмятку, множество жертв, а император остался целехонек. И потом, зачем вы нас призвали? Подумаешь — заменить болты на нескольких стыках. Для этого довольно двух-трех человек. Станный план. Неубедительный.

— Так! Zgadzam się z panem!⁵

— Вопросы резонные. И на каждый имеется ответ. Немец стер с доски, начал рисовать что-то другое.

Музыка звучала всё ближе

Звуки музыки, интриговавшие Романова, были уже совсем близко. До салона, где играл невидимый пианист, оставалась еще одна дверь — последнее, шестое купе.

⁵ Согласен с паном! (польск.)

На нем надпись: «Фрейлина Т.О. Одинцова».

— Татьяна Олеговна. Единственная дама на два поезда.

— Зачем нужно, чтобы здесь находилась фрейлина?

Действительно странно. Ведь Ставка верховного главнокомандования, а не дворец.

— Представляет особу государыни, — официально ответил полковник.

Но Алексей не отстал:

— В каком смысле? Извините, Георгий Ардалянович, но я должен понимать, кто здесь чем занимается.

Тогда Назимов понизил голос:

— Официально госпожа Одинцова здесь по линии Красного Креста, над которым шефствует ее величество. А на самом деле — присматривает.

Последнее слово он произнес почти шепотом.

— За кем?

От военной жизни Романов одичал и в делах мирных, семейственных стал туповат. Именно это выразил укоризненный взгляд полковника.

— За августейшим супругом. Татьяна Олеговна — око императрицы. Вообще-то ей, как и генералу

лу Дубовскому, было отведено место в литерном «А», но государь не любит, когда за ним присматривают. Впрочем, Одинцова — женщина славная. Хоть и с чужинкой. Я вам сейчас ее купе покажу.

Не постучав, полковник тихонько приоткрыл дверь.

— Ничего, ее там нет, — сказал он. — Она, слышите, в салоне музицирует. Взгляните-ка, это что-то особенное.

Купе действительно представляло собой нечто небывалое. Оно всё, сплошь, было обито стеганым одеялообразным материалом розового цвета: пол, мебель, поручни, даже оконная рама. Ничего подобного Алексей в жизни не видывал. Какой-то кукольный домик.

— Господи, что это?

— Обустроилась по своему вкусу. Сами видите, Алексей Парисович, какой у меня здесь паноптикум. По крайней мере, во всем остальном Татьяна Олеговна вполне нормальна. Чего не скажу про остальных, — вздохнул он, очевидно подумав про журналиста, генерала и камергера.

Прошли в салон. Это помпезное слово не очень соответствовало размерам помещения, которое в го-

родской квартире занимала бы гардеробная или очень скромного размера спальня. Зато обстановка была самая изысканная. Ковры, картины, чудесный инструмент красного дерева, бархатные кресла, козетка на золоченых ножках.

Женщина средних лет, одетая сестрой милосердия, перестала играть и с приветливой улыбкой поздоровалась. Романов давно не имел дела с благородными дамами, а с императорскими фрейлинами и вовсе никогда не сталкивался, поэтому изобретать галантность не стал, руку не поцеловал — пожал. И представился коротко, без улыбки.

Единственная из пассажиров, Одинцова поинтересовалась, откуда прибыл господин поручик и где служил прежде.

Настоящая светскость — это задавать чужому человеку вопросы с таким видом, будто тебе очень интересен и собеседник, и его ответ. Это Алексей знал из литературы. И все же дама была так мила, голос настолько приятен, а серые, в хороших морщинках глаза взирали на поручика столь заинтересованно, что пришлось сказать про службу в управлении. В конце концов, секрет тут не было.

— Так вы работаете в разведке? — переспросила непонятливая дама. — Я знаю, сейчас это считается очень важной сферой деятельности.

— Не в разведке, а в контрразведке.

— А есть разница?

Было в этой женщине что-то, побудившее Романова ответить на смешной вопрос серьезно и развернуто.

— Принципиальная. Агентурный разведчик, а по просту говоря, шпион — тот, кто умеет влезать в доверие к людям, эксплуатирует их дружбу или любовь. А потом доносит о выуженных секретах. На мой взгляд, нет профессии отвратительнее. В прошлом веке шпионам не подавало руки собственное начальство. И правильно делало.

Назимов заулыбался:

— Понимаю ненависть контрразведчика к шпионам, но согласитесь, что без них в современной войне не проживешь!

— Без прямой кишки тоже не проживешь, — буркнул грубиян Романов. — Но не целоваться же с ней.

Метафора была слишком сильная. Полковник, человек с живым воображением, даже поморщился,

но лучезарная улыбка Татьяны Олеговны ничуть не померкла. У настоящей леди воображение вышколено, а слух избирателен.

— Я ненавижу шпионов еще больше, чем изменников, — зло продолжал Романов и сам не понимал, чего он так разошелся. — Предателем человек может стать по слабости или от безвыходности. Шпионы выбирают свою профессию добровольно. Это мои враги. Я их вытаскиваю из нор и давлю, как крыс.

— Крысы — очень неприятные создания, — согласилась с ним фрейлина Одинцова.

Петри

Еврей слишком много говорит. А умный человек предпочитает слушать.

Немцы — серьезная, обстоятельная нация. Если берутся за дело, то продумывают все детали. Особенно в таком великом деле. Куда более вели-

ком, чем совершил ты, Эйген. Убить императора это не то, что застрелить в упор старика генерал-губернатора, у которого и охраны не было. Так что не очень-то заносись на том свете, дружище Эйген.

Друг-соперник Эйген Шауман вошел в бессмертие и стал обитателем национального пантеона героев после того, как убил в здании финского Сената царского сатрапа генерала Бобрикова, а потом застрелился сам. Петри плакал по товарищу много дней. Во-первых, потому что Эйген погиб. Во-вторых, потому что сравняться с ним после такого подвига уже никогда не удастся.

Так Петри думал долгие двенадцать лет, и жизнь была ему не мила. Но потом с ним встретились немецкие люди. Они предложили такое, что Петри будто родился заново. Эйген больше не снился ему по ночам, не глядел молча и снисходительно. И неважно, если все будут думать, что царя сгубил несчастный случай. Это между Петри и Эйгеном, на остальных плевать. Если есть загробный мир, Эйген будет знать. А если загробного мира нет, то будет знать сам Петри. Достаточно, чтобы спокойно жить дальше. Или спокойно умереть.

— Вот участок трассы Могилев—Бердичев, южнее Жлобина, на пути от Ставки в штаб Юго-Западного фронта. Предположительно объект отправится по этому маршруту послезавтра. — Немец вел указкой по меловой линии. Она делала тугую петлю. Вокруг этого места были нарисованы смешные маленькие деревца. Указка остановилась. — В Петрищевском лесу, вот здесь, железная дорога описывает загоулину в обход заболоченной низины. Обзор вот из этой точки не превышает ста пятидесяти метров в обе стороны. Идеальное место для акции. Именно тут мы и пустим литерный поезд под откос. По чистой случайности, в лесу, около места крушения, окажется несколько крестьян. Этот славный паренек, — немец кивнул на маленького китайца, — способен пролезть в любую щель. Руки у него волшебные, хватит одной секунды. Покажи-ка, Вьюн, как ты это делаешь.

Сонный азиат вяло поднял кисти рук. Пальцы были тонкие, удивительно длинные. Они вдруг сжались и совершили резкое, не вполне понятное движение.

— Летальная компрессия шейных позвонков — обычная травма при железнодорожных авариях, — прокомментировал немец. — Понятно?

Петри стал обдумывать сказанное, а еврей уже влез с новым вопросом:

— Это если царский поезд пойдет первым. Но что, если он окажется вторым?

Действительно. Ведь тогда с рельсов сойдет поезд свиты, а царь останется невредим. Не может быть, чтобы немцы не предусмотрели такой возможности.

Конечно, предусмотрели. Они же немцы, а не русские. У них «на авось» не рассчитывают.

— Вот именно на этот случай мне и понадобится ваш интернационал, — сказал командир. — Интервал между поездами составляет тридцать минут. За это время нужно, во-первых, снять сцепление в пределах прямой видимости. Это всего четверо жандармов. И вас четверо.

А-а, вот оно что. Петри медленно покивал. Толково придумано. Четверо жандармов — и нас как раз четверо. Часового снять нетрудно. Во время прошлой революции Петри это делал. Один раз, когда нападали на склад с оружием. И еще один раз, когда освобождали товарищей из тюрьмы. Главное — подкрасться сзади без шума и аккуратно нанести удар по голове. Пустяки.

— А что во-вторых? — спросил еврей. Он всё время забегает вперед паровоза — вот как это называется.

— У Балагура будет полчаса, чтобы вынуть одни болты и вставить другие.

Наедине с дамой

А потом Алексей неожиданно оказался с фрейлиной ее величества тет-а-тет. Произошло это так.

Из тамбура выглянул высокий, плечистый молодец в фуражке с золотым кантом, профессиональный приметливый взгляд скользнул по лицу незнакомого поручика, остановился на полковнике.

— Ваше высокоблагородие, первый.

— «Первый» — это срочный вызов к государю — пояснил Назимов. — Вынужден отлучиться.

Он быстро вышел, на ходу оправляя мундир.

«Очень мило, — раздраженно подумал Романов. — И что мне теперь? О погоде с этой фройляйн разговаривать?»

Он уже хотел, извинившись, пойти в свое купе — разложить вещи и поработать с реактивами, но не сделал этого.

Женщина смотрела на него с мягкой, словно бы выжидательной улыбкой. Вести себя по-хамски было стыдно.

О чем разговаривают с фрейлинами ее величества? Наверное, про музыку будет в самый раз.

— Превосходно играете Шопена. Легко, но мощно. Не по-дамски.

Чёрт. Последнего, видимо, говорить не следовало.

— Любите музыку? По лицу не скажешь.

Алексей произвольно покосился в зеркало, висевшее над пианино. Лицо как лицо. Немного хмурое.

— Это почему же?

— Трудно представить, что вы когда-нибудь смеетесь. И уж совсем невозможно вообразить вас танцующим. Или поющим.

Эти слова его задели — Романов и сам не понял, чем.

— Смеюсь я редко, это правда. Танцевал последний раз... не помню когда. А что до пения — спою, когда война закончится.

Одинцова печально молвила:

— Это в войне самое ужасное. Кто погиб — погиб, Царствие Небесное, но что она делает остальными? Добрые становятся жестокими, горячие холодными, живые лица — мертвыми. Вы знаете, Алексей Парисович, что у вас мертвое лицо? Совсем.

Он вспомнил, как читал где-то: настоящий аристократ говорит обидное, только если хочет обидеть. Что ж, фрейлине это удалось.

— Так ведь меня, сударыня, в детстве-отрочестве-юности не к войне готовили. Ни дома у маменьки с папенькой, ни в гимназии, ни в университете убивать людей не обучали. Что вы можете видеть из вашего розового купе? Что можете знать о настоящей войне? Как Андрей Болконский-то говорил, помните? «Война — самое гадкое дело в жизни». Убивать или быть убитым — вот что такое война. Я убивал, меня убивали. Хуже, чем убивали, — предавали. А еще я вот этой рукой своего товарища... Так было нужно...

Что на него нашло? Зачем он разоткровенничался с этой царскосельской куклой?

Алексей скривился.

— Не надо с жалостью глядеть! Меня жалеть нечего!

Проклятье, опять не то!

— Простите, должен идти. Служба.

Татьяна Олеговна грустно смотрела в сердитую спину удаляющегося по коридору поручика.

Тарас

А все ж интересно, что тут у кого на уме. По-настоящему, без обману. За что люди готовы жизнь положить.

Тарас неторопливо поглядывал на соратников, вычислял, прикидывал.

Ну, немец — он и есть немец. Начальство прикажет — сдохнет. Германия!

Толстяк — за грóши, эта порода ясная.

Китаёза? Ихняя душа — потемки и китайская грамота. А может, у них души вовсе нет, один пар.

Долговязый, который всё помалкивает, похож на малоумка, вон у него и взгляд оловянный.

Лях — наверняка из гонору, перед какой-нибудь паненкой покрасоваться.

Еврей — тоже понятно. Этим к любому делу прилипнуть надо, и чтоб беспрерывно оказаться в первых. Если капиталист — то самобогатейший, если музыкант — наизнаменитый, если ученый — чтоб всю науку с ног на голову, а коли революционер — так всемирный. Как это — царя убить, да без них? Еврейская гордыня не попустит. Потом окажется, что Миколашу один Маккавей порешил, а прочие у него на посылках бегали. Вон он как перед всеми ум свой выказует.

Чухна — этот, наверно, про смерть и не думает. Фантазии не хватает. Честная нация, работающая, но скучная.

У Ворона, москаля, глаз шальной. Все они емелки пугачевы-стенки разины, только б за топоры, да рубаху на груди, да красного петуха. Свой дом запалят, и нас заодно пожгут. Потому и надо от Москвы высоким плетнем огородиться.

«Завоюи, кыиыиинъ потомокъ
встарь покорккышиккся племени:
Навьи царствъ былыиы обломокъ
Текучей льтой внесени»

И всем им не дано знать, что такое настоящая любовь к родине. Один Тарас здесь вправду пришел положить живот за отчизну. Разодранную на части, поруганную, униженную до того, что даже имя у ней жалкое. Зовут ее либо *МалоРоссией*, либо *Украиной*. Над ее языком в городах потешаются, от ее обычаев носы воротят. Ничего, дайте срок. Будет наша страна не окраиной, а центром, будет Киев мировой столицей, а кацапский язык зазвучит порченой мовой.

Еврей всё умничал:

— А откуда мы узнаем, когда именно царь выйдет из Могилева? И главное, как понять, что за поезд пойдет первым — «А» или «Б»?

Немец ему спокойно, терпеливо:

— По предварительным данным выезд в штаб Юго-Западного фронта намечен на двадцатое. Ближе к делу будем знать точно. И время отправления и порядок следования.

Казалось бы, и так уж ясно, что у людей всё подготовлено, всё продумано. Но Маккавей не мог угадываться.

— Откуда?

На что Тарас был терпелив, но здесь не сдержался.

— Непонятно вам, что ли? У них в Ставке, чи прямо в поезде есть кто-то. Как всё выяснит, даст нам знать.

Тут-то еврей и заткнулся. Дошло до носатого, что поумней его есть. Аж лицом поскущел. И когда немец спросил, будут ли еще вопросы, больше уж не лез.

— Для верности завтра проведем репетицию, — сказал в заключение командир. — Всё для нее подготовлено.

ЗАБОТ ПОЛОН РОТ

Утреннее чаепитие

Давненько не пребывал Романов в такой неге. Мало того что отлично выспался на мягкой постели, так еще утром, завершив осмотр состава, позволил себе без спешки выпить чаю. Не один, в дамском обществе. Прав был Козловский: не командировка — отпуск.

Оба литерных на один день покинули Могилев. Его величеству было угодно совершить поездку в штаб ближайшего, Западного фронта: три часа до Минска, столько же обратно. Дорога шла по открытой, ровной местности. Зябкие, еще бесснежные поля, тихие деревни, вдали темная полоска леса — и так верста за верстой, без вариаций.

Война приучает ценить простые вещи: монотонность, покой, свежесваренный чай, необязате-

ный разговор под мерный перестук колес. На пару минут даже можно пофантазировать, будто это и есть нормальная жизнь.

— Еще печенья?

Одинцова подлила чаю из маленького серебряного самовара, сменила ломтик лимона. Положила в стакан ровно полторы ложки сахара — запомнила. Только что не перемешала за поручика, это уж было бы слишком по-матерински.

Татьяна Олеговна действовала на Алексея странно. Уж и не припомнить, когда ему с кем-то было так хорошо и... уютно — вот правильное слово, просто оно забылось от долгого неупотребления. Поручик даже объяснил себе, почему общество Одинцовой ему так приятно. С ней можно быть естественным. Дверь в коридор Алексей оставил открытой, чтобы не компрометировать даму, но вообще-то можно было обойтись и без этого. По годам она, вероятно, годится ему в матери (хотя у аристократок возраст определяется нелегко), поэтому никаких женских игр себе не позволяет, а вместе с тем не старуха и не уродина. И разговор с ней занятный: лепечет-лепечет дамскую чушь, а потом вдруг скажет такое, что поперхнешься.

ия слышала. Бомъ, что очень почтенны те дѣвки,
которыя отлучаютъ и жадаютъ царлицы.
— а есть еще дѣвицы — ихъ жадаютъ цари...
— Не надо, Бомъ, про это ты мнѣ не говори!
парадъ-памъ-памъ, парадъ-цель-памъ!

— Миндальное, — блаженно понюхал Романов печенье. — Сто лет не ел.

Фрейлина с глубокомысленным видом, будто изрекая доказанный наукой факт, изрекла:

— Если бы всех солдат кормили миндальным печеньем, войны бы не было.

Не дожевав, Алексей устался на нее. Она как ни в чем не бывало развила свою диковинную идею:

— Представьте сами. Кто ж захочет идти в атаку, наевшись миндального печенья?

Лишь теперь он заметил лукавый огонек в ее глазах и прыснул.

— Я думал, вы серьезно.

— Вы все-таки не разучились улыбаться, — удовлетворенно констатировала она. — Это и требовалось проверить. А печенье есть еще, сейчас до стану.

Она приподнялась, вагон чуть качнуло, и Одиноцова ударилась локтем о край стола, но не ушиблась, потому что стол вдоль всего ребра был обтянут пуфообразным розовым манжетом.

— Послушайте, Татьяна Олеговна, ведь вы не такая.

Алексей решил, что можно задать вопрос, не дававший ему покоя. Она умная, не обидится.

— Не какая «не такая»? — с легким испугом посмотрела на него фрейлина.

— Ну не такая. — Он обвел рукой кукольное купе. — Зачем эти розовые пуфики, подушечки?

Она снова села, подперла рукой подбородок и внимательно посмотрела на Романова, словно размышляя, заслуживает ли он доверия. Видимо, решила, что заслуживает.

— Строго между нами, обещаете? — (Он приложил ладонь к сердцу: клянусь.) — Я приготовил сюрприз. Доктора запретили маленькому цесаревичу ездить в поездах. Тряска, вибрация, качает. Недавно мальчик ударился плечом о поручень, случилось внутреннее кровотечение, а это для него смертельно опасно. Отец и сын редко видятся, оба тоскуют. Вот я и придумала. В таком купе ушибиться невозможно, я испытала на себе. У меня тоже очень тонкая кожа. Чуть что — и сразу синяк. Вот давеча ударилась локтем. — Она приподняла рукав. — Видите? Ничего нет.

Алексей обратил внимание на изящный рисунок запястья и белизну предплечья. Кто бы мог подумать, что у женщины почтенного возраста (сколько ей, кстати?) могут быть такие красивые руки.

Татьяна Олеговна опустила рукав, поручик опустил глаза.

Нет, правда. Сорок пять? Больше? А может, только сорок? Все равно, конечно, много.

Прежняя безмятежность пропала. Естественность тоже.

«Глупости какие, — одернул себя Романов. — Просто истосковался по нежному, милому, женскому. Не только по любовным объятьям, а вообще по мирной жизни. Хотя по объятьям, конечно, тоже...»

Не подозревая о неджентльменском направлении его мыслей, Одинцова доверительно рассказывала о своем плане:

— Когда будем в Царском, я покажу государыне свой терем-теремок. Если она одобрит, устроим в царском поезде точно такое же.

Она выглянула в окно, поезд замедлял ход перед станцией. От Назимова поручик знал, что остановки в пути вызваны необходимостью получения и отправки депеш.

— Я вынуждена вас на минутку оставить. Передам лакею отчет для ее величества.

Вернулась она даже быстрее, чем через минуту. Поручик спросил:

— Ничего, если я полубопытствую — что за отчет? Ведь всего полтора часа прошло с тех пор, как вы отправили предыдущую телеграмму.

— Попробуйте, это настоящий мармелад в шоколаде, тоже очень сильное антивоенное средство...

Кажется, Одинцова хотела выиграть время, опять решая, говорить правду или нет. И снова сделала выбор в пользу откровенности.

— О чем отчет? Об очень важных делах. О погоде, о распорядке дня, о том, видела ли я перед отправлением государя и как он выглядел. Что вы так смотрите? Все тут думают, будто я приставлена шпионить за его величеством — не заведет ли он интрижку вдаль от супруги. Ерунда это. Аликс... Ее величество, — поправилась фрейлина, и было видно, что оговорила она случайно, а не желала щегольнуть близостью к императрице. — ...Ее величество до такого никогда бы не опустилась. Она максималистка. Если любит, то всей душой. Если доверяет, то без оглядки. Ей необходимо знать, здоров ли ее Ники, не бледен ли, не забывает ли вовремя поесть, успевает ли поспать... О чем я и шлю депешки по несколько раз в день.

Романов язвительно осклабился.

— Это, конечно, весьма умилительно, но она лучше бы о России так заботилась, ваша Аликс. — И спохватился. — Простите, я не должен. Вы ведь фрейлина...

Но Одинцова только плеснула рукой: разве в этом дело?

— Императрица и Россию любит точно так же. Безоглядно. Не умом, а душой. Она уверена, что только так ее и можно любить. Как у Тютчева — только верить.

— Дрянь стихотворение! — снова взбрыкнул Романов. — Страна — не муж и не ребенок. Ее без ума любить нельзя. Особенно если ты императрица!

— Я знаю, — со сдержанной укоризной молвила Татьяна Олеговна, — среди офицерства велико раздражение против царя и особенно против царицы. Но ведь вы, Алексей Парисович, приставлены охранять августейшее семейство. К лицу ли вам подобные речи?

— Приставлен охранять — буду. Если надо, жизнь положу. Но думать себе не запретишь. Самодержавие, Татьяна Олеговна, есть исторический атавизм. Это ясно всякому мало-мальски здравому человеку.

Ему понравилось, как хорошо он это сказал. А фрейлина формулировку не оценила.

— Плохо всё это кончится, — уже без упрека, а просто с печалью сказала она. — Очень плохо...

В дверном проеме бесшумно возник полковник Назимов.

— Татьяна Олеговна, мое почтение. Чай пьете, поручик? Забот полон рот!

— Я ждал, пока вы освободитесь. Как обещал, первые соображения у меня готовы.

Поблагодарив за чай, Романов покинул розовый «терем-терем».

— Ну, докладывайте, что вы накопили? — нетерпеливо спросил полковник. — Серьезные просчеты есть?

— Это судить вам, Георгий Ардальонович. — Поручик раскрыл блокнот. — Между поездками необходимо установить постоянную связь на время движения. Сейчас радиостанции компактны, такую можно разместить в одном купе. В снег и дождь она, конечно, работать не будет, но всё лучше, чем общаться по станционному телеграфу. Далее... Нужно категорически запретить в вечернее время раздвигать шторы.

Всем, включая императора. Особенно императора. Вчера я проходил по перрону и видел, как он читает у настольной лампы. Кроме того, при включенном электричестве и раздвинутых шторах заметна разница в интерьере, и легко понять, который поезд «А», который «Б». Далее... В пути над обоими поездами, если ясная погода, должны лететь аэропланы. Мы ничем не защищены от нападения с воздуха, кроме двух жалких зенитных пулеметов. Далее... Насчет оцепления...

Он кивнул в окно, на редкую цепочку жандармов, вытянувшуюся вдоль железнодорожного полотна.

В безымянном лесу

Название лесного массива на карте обозначено не было. И очень хорошо, лишнее подтверждение, что забытый Богом угол, болота да паршивое разнолесье, ни для кого не представля-

ет интереса. От точки, выбранной для репетиции, до ближайшей деревеньки пятнадцать верст. Отросток железной дороги протянули через глухомань года три назад, собирались построить в тихом закутке секретный завод по производству нового оружия, минометов. С тех пор в архивах разведки и сохранились подробные сведения о местности.

Завершению строительства помешала война, но участок остался за армейским ведомством. На расчищенной под завод поляне устроили полигон, но им, согласно агентурным донесениям, пользуются очень редко. Дорогу, однако, поддерживают в более или менее приличном состоянии. И как раз посреди чащи, в объезд оврага, трасса тоже делает загогулину, очень похожую на место планируемой аварии. Верней, наоборот: сначала Теофельс определил по карте и описанию пункт для репетиции, а потом уж отыскал на пути от Ставки в штаб Юго-Западного фронта (это несколько сотен верст — было, из чего выбирать) схожую локацию. Без практической проверки технических расчетов и слаженности действий проводить операцию исторического значения было бы непрофессионально.

Полтора ста верст от Могилева проехали ночью на грузовике, приписанном к «Земгору», потом еще часа четыре шли лесными тропинками по компасу — в темноте, в рассветных сумерках.

Выдвинулись, куда следовало. Приготовились. Стали ждать.

Группа оргобеспечения зафрахтовала товарняк: паровоз и шесть вагонов, как в литерном. Якобы для доставки на полигон груза солдатских полушубков в преддверии зимней кампании. Хорошая штука — секретность. В управлении дороги знать не знают, что никакой воинской части на полигоне сейчас нет.

Машинисту обещана премия, если прибудет на место к определенному часу. Значит, поезд будет гнать на максимальной скорости — как царский.

За полчаса до расчетного времени Зепп собрал людей на краю леса для последнего инструктажа. Вся группа была здесь, кроме Ворона. Связной выполнял отдельное задание. Как раз об это время (была почти четверть десятого) Ворон должен был получить сообщение ключевой важности.

Седая после ночного заморозка трава понемногу оттаивала, темнела, сквозь черные ветви деревьев

проглядывало серое небо. Не день — рисунок углем по картону. Хорошо б еще в день операции дождик заморосил. Или, того лучше, затеялась выюга. Пора уже, ноябрь на второй половине. Однако надеяться на милости природы Зепп не привык. Всё должно сработать как часы, даже если будет сиять солнце.

Повторив каждому персональную задачу, Теофельс отвел в сторону китайца. Хоть майор и знал, что Вьон свою работу всегда выполняет четко, а все-таки у опиоманов не разберешь, здесь они или витают в облаках.

Малыш сегодня был совсем квёлый. Со вчерашнего утра без дозы. Во время броска через лес все время отставал, а один раз свернулся под елкой и уснул — пришлось возвращаться, расталкивая паршивца.

— Во второй вагон положили несколько манекенов, — в десятый раз втолковывал Зепп. — Манекены. Как в витрине магазина, понял?

Вьон, не глядя в глаза, кивнул.

— Ты должен определить нужный. Среди обломков. Может быть, в полной темноте.

Опять кивнул.

— Как будешь определять? Повтори.

Теперь Вьюн зевнул. Ответа майор не дождался.

— Бородка. Погоны с двумя просветами и вензелем. Помнишь?

Припухлые веки вовсе сомкнулись.

Зепп задумчиво почесал подбородок.

— Знаешь песенку: «Жили у бабуси два веселых гуся. Один белый, другой серый, два веселых гуся»? Ты какого гуся хочешь, белого или серого?

— Белого, — сказал китаец фальцетом.

— Исполнишь всё, как надо, будет тебе белый.

Услышав голос Вьюна, Теофельс успокоился. В агентах-наркоманах, если уметь с ними обращаться, есть свои плюсы. Не человек, а машина. Подливай вовремя топливо, и будет функционировать без сбоев.

Превосходную систему стимулирования порекомендовали специалисты из химического отдела. Два сорта опиума: сероватый, средненькой очистки, для будничного употребления, и белый, высочайшего сорта, для поощрения. В качестве наказания — вообще никакого не давать, но это мера крайняя, рискованная. Китаеза может сбежать. Или наброситься. Бр-р-р, не дай бог.

В литерном «Б»

— ... **Т**еперь извольте обратить внимание вот на что. Романов следил за секундной стрелкой по своему «Буре».

— Дистанция между солдатами оцепления сто шагов, так? Возьмем за точку отсчета столб.

Он показал на верстовой столб с отметкой 799. Назимов кивнул. Офицеры стояли в тамбуре. Дверь была открыта, поручик спустился на нижнюю ступеньку и высунулся, держась за поручень. Он собирался продемонстрировать Назимову, что при замедлении скорости движения — например, на изгибе трассы — от жандарма до жандарма вагон идет целых двенадцать секунд.

Железнодорожно-жандармский полк для охраны августейших маршрутов был недавно сформирован из двух гвардейских частей: полевого жан-

дармского эскадрона и Собственного его императорского величества железнодорожного полка, сильно усохшего из-за отправки на фронт бронепоезда «Хунхуз».

— Господа, с ума вы сошли! Холодно! Не август же! — слышался сзади недовольный голос.

Это был пресс-атташе, перешедший из соседнего вагона — вероятно, возвращался с завтрака.

— Извините, господин Сусалин, это только на ми... — сказал было полковник, но журналист уже исчез.

— Двенадцать секунд, — констатировал Романов. — Видите? А теперь извольте перейти на ту сторону.

Они закрыли дверь слева, пересекли тамбур, и Алексей тоже высунулся наружу.

— С этой стороны, Георгий Ардальонович, оцепления вообще нет.

— А зачем оно? По инструкции жандармы охраняют полотно дороги, вытянувшись цепью вдоль линии следования. Двухстороннее оцепление потребовало бы еще одного полка!

— Даже двенадцатисекундный интервал дает возможность хорошему снайперу, затаившемуся в

кустах, произвести прицельный выстрел. Что же говорить о той стороне поезда, где охранение вообще отсутствует? Между прочим, окна пассажирских купе все выходят вправо. То есть получается, что государь император, сидящий у окна, ничем, кроме закаленного стекла, не защищен. Сейчас существуют винтовки с особым патроном, который способен и бронеавтомобиль продырявить.

— Черт, правда! — воскликнул полковник.

— Предлагаю, во-первых, всегда ставить оцепление только справа по ходу движения, а не так, как заблагорассудится жандармам исходя из условий местности. Во-вторых, на участках, где поезду приходится сбрасывать скорость, интервалы сократить. Из соображений безопасности хорошо бы на таких участках ужать дистанцию хотя бы вдвое.

Георгий Ардальонович тоже высунулся. Приблизился следующий верстовой столб, 800-ый. Одно из купейных окон было приспущено, снаружи поло скалась занавеска.

— Сусалину жарко, — заметил полковник. — А сам только что на холод жаловался.

Из окна вылетел скомканный лист бумаги, пролетел мимо, покотился под насыпь.

— Опять он за свое! Предупреждал ведь!

— Вы слишком мягко, господин полковник. Позвольте я сам ему скажу, без дипломатий.

Навстречу сердитому поручику камер-лакей Федор катил столик с самоваром и стаканами.

— Господин Сусалин! — еще издали рывкнул Романов, видя, что дверь купе №3, как обычно, распахнута.

— Их там нету-с, — сказал слуга.

— Как это? Только что был!

Алексей заглянул — действительно, пусто. Только ветер трепал белую штору.

— Так точно, были-с. Вошли на секунду и тут же вышли-с.

— Вошел и вышел? На секунду?!

У Романова перехватило дыхание. Он развернулся, бросился назад в тамбур.

Полковник закрывал дверь вагона.

— Погодите!

Поручик бесцеремонно отодвинул старшего по званию, спустился на самую нижнюю ступеньку и стал примериваться к прыжку.

— Вы что?! — вскричал Назимов.

«Ибо проскользнуть здесь гадь торской,
Ни волиль лясной, ни злыю воры,
Лелеет вятязь островзарый
Чертоговъ царственныкъ покой»

— В Могилеве объясню! Сейчас некогда!

Набрал воздуха, справился с колыхнувшимся в груди страхом и скакнул на насыпь. Главное — удержаться на ногах первые два шага.

Получилось!

Алексей перекувырнулся — как в гимнастическом зале, на пробковых матах, покатился вниз. Пару секунд полежал, прислушиваясь к собственному телу. В нескольких местах оно болело и саднило, но не тревожным образом. Пустяки — ушибы. Переломов нет.

Поручик встал, отряхнулся, поднялся к рельсам.

Краткосрочный визит пресс-атташе Сусалина в собственное купе, только чтоб скомкать и выкинуть бумажку, да еще возле верстового столба с хорошо запоминающимся номером, выглядел чертовски интересно. Алексей действовал даже не логически, а повинуюсь охотничьему инстинкту, развившемуся за два года контрразведывательной службы.

Мимо пронесся последний вагон. Жандармы оцепления один за другим поворачивались и глядели ему вслед — во время движения поезда, согласно инструкции, они стояли к дороге спиной.

— Командира ко мне, живо! — крикнул Романов ближайшему солдату, а сам зашагал в обратном направлении, к столбу.

— Командира! Командира! — пронеслось по цепи. Навстречу, придерживая шашку, бежал офицер в мерлушковой шапке.

Но прежде чем он оказался рядом, Алексей уже нашел искомое. Белый ком бумаги был виден издалека.

Подобрал, развернул. Еще интересней: листок был совершенно чист. Зачем, спрашивается, его выбрасывать?

Жандармский офицер, тяжело дыша, остановился и с изумлением смотрел, как невесть откуда взявшийся поручик обнюхивает пустую бумагу, лижет языком, бережно прячет под китель.

— Я помощник полковника Назимова.

Романов протянул удостоверение, внимательно озираясь. Место голое, спрятаться совершенно негде. Тогда что же? Курьер явится за листком позже?

— Вы теперь что? — спросил он подпоручика.

— Как положено. Дрезина всех подбирает, подтягиваемся к станции, и до следующего перегона.

— Очень хорошо. Делайте всё, как обычно. Без суеты, без нервозности, по сторонам особенно не пяльтесь.

— А вы?

— Я тут останусь. Только вот что... — Алексей неодобрительно посмотрел на хмурое небо. — Одолжите шинель, а? В Могилеве верну. Видите, я практически в неглиже. Черт знает, сколько мне здесь торчать.

— Конечно. И шапку возьмите.

Жандарм уже раздевался.

— Только зачем всё это?

— Да вот решил устроить пикник на природе.

Смирнов

Смирнов мчал в легкой велодрезине, откинув назад капюшон брезентового дождевика. Холодная морось и встречный ветер его только освежали.

Хорошо Смирнову бывало редко, только когда один — в смысле, совсем один. Чтоб, куда ни кинь взгляд, вообще ни души. Но живешь ведь среди людей, они повсюду. Последний раз он ощущал такую свободу в прошлом году, когда глыл на лодке через Байкал.

Здесь, конечно, не Байкал, но тоже неплохо: пустая земля, надвое рассеченная двойным швом рельсов, жестяное небо. Ясную погоду Смирнов не выносил, маялся. Потому что в *тот день* сияло предельски ласковое весеннее солнышко, а они с Полиной так давно не виделись. От этого разнежился, потеряли бдительность. И прошляпили слежку. Когда заколотили в дверь, было уже поздно. Поля сказа-

ла: «У меня документы в порядке. Ты уходи через чердак, я их задержу». Откуда ему было знать, что нет у нее никаких документов, что она его просто спасает от висельного приговора?

Он был уже на крыше, когда внизу затарахтели выстрелы. Конечно, кинулся назад. Но через секунду дом дрогнул от взрыва. Поля подорвала себя вместе с псами из Охранки. Смирнов долго потом не мог забыть, как сверкала на солнце крыша, и с тех пор более или менее нормально себя чувствовал, только если небо затянуто тучами.

Много месяцев он не мог себе простить, что не погиб вместе с Полиной. Но теперь понял, зачем остался жив. Чтобы исполнить **Большое Дело**.

И стало Смирнову хорошо, спокойно, как только может быть хорошо и спокойно человеку, который думал, что жизнь устроена криво, и вдруг обнаружил: нет, есть во всем и логика, и справедливость. Последние дни Смирнов чувствовал себя помолодевшим. То есть, не помолодевшим, конечно, он и так был молод, а вернувшись из старости в свой настоящий возраст. По полям, по долам, навстречу ноябрьскому ветру Смирнов гнал, будто на крыльях летел. «Как есть Ворон», поду-

мал он и даже улыбнулся, вкось, потому что губы отвыкли.

Задание было простое, ясное, легко выполнимое. Секрет всякой правильной организации: разложить сложное дело на элементарные звенья, каждое из которых не представляет особенной сложности. В этом немцы, конечно, гении. Все гайки и винтики у них на своем месте.

На полустанке к Смирнову подошли точно в назначенное время. Два слова только и было сказано: «Ворон?» «Я». Железнодорожную форму выдали правильного размера. Дрезина идеально смазана, почти не дребезжит. На случай патруля — документ: обходчик проверяет состояние верстовых столбов. Стопроцентное объяснение для остановки. Даже номер столба такой, что не нужно память напрягать.

К условленному месту Смирнов-Ворон должен был прибыть не раньше одиннадцати, чтоб оттуда успели убраться жандармы оцепления, но не позже двенадцати, когда сзади нагонит военный эшелон.

Что ж, русские, когда нужно, тоже могут быть пунктуальны. Смирнов подъехал к столбу 800 ровно посередине обозначенного интервала, в 11.30.

Огляделся как можно внимательней. Никого, только чернокрылые тезки кружили над унылой пашней.

Скомканный листок валялся в пяти шагах от столба — очередное проявление немецкой аккуратности. Вот и всё задание.

Смирнов положил бумажку в карман, поднялся назад, к дрезине.

Вдруг сзади голос:

— Мусор собираем? Похвальная любовь к чистоте. Руки!

Обернулся — человек в жандармской шинели. Револьвер «кольт» наставил.

Попался, гад

Не так долго пришлось ждать, два часа с хвостиком. Алексей даже замерзнуть не успел. А шапку надевать не стал — оказалась мала.

Спрятаться было негде, но Романов притащил с поля соломы, накидал небольшой стожок. Получилось идеальное гнездо: полная маскировка, прекрасный обзор, плюс тепло и мягко. Даже шинель подпоручику не испачкал.

Когда вылезал из укрытия, солома, конечно, зашуршала, но связник хрустел гравием по насыпи и ни черта не слышал. Взял его Алексей, как по учебнику: сзади, на дистанции близкой, но безопасно. Что особенно приятно, бежать курьеру было совершенно некуда. Попался, гад.

Связной обжег Романова волчьим взглядом, потом быстро глянул по сторонам.

— Да, я тут один, — не стал врать поручик. — Но шалить не советую. Именно потому что один, церемонничать не буду. Дернешься — выстрелю. Ногу продырявлю.

— Чего мне дергаться? Нечего мне дергаться.

Не германец, русский. Предателей Романов ненавидел еще больше, чем шпионов. Даже захотелось, чтоб мерзавец дернулся. Стрелять мы не будем, а вот рукояткой пару раз по роже съездить было бы приятно. Но это, впрочем, еще успеется.

«Чу! — молвил рыцарь супостату. —
Пришел твой чась нести расплату!»

— Я велел поднять руки! Из карманов! Медленно! Палец напрягся на спусковом крючке. Если у курьера в кармане оружие, придется стрелять — в руку. Поди только угадай, правша или левша этот чугунномордый.

Руки Чугунная Морда вынул вежливо, без поспешания. Теперь можно сделать два шага вперед. Накинется — не беда. Если без оружия, милости просим.

— Разжать кулаки. Показать ладони. Потом повернуться спиной...

Удивил поручика Чугунная Морда. Взял врасплох. Тоже шагнул вперед и сделал резкое крючкообразное движение правой рукой, будто хотел ударить в лицо. Алексей к такому обороту события был готов и подался назад, чтобы уйти от хука, но кулак шпиона разжался, и в глаза Романову полетела мелкая табачная крошка, да еще, кажется, вперемешку с перцем или какой-то другой едкой дрянью. Попался поручик на элементарный бандитский трюк.

Сразу ослеп, и пришлось стрелять, хоть не собирался. Выпалил Алексей, конечно, вверх, чтобы упаси Боже, не уложить связного. Всякий нор-

мальный человек от вспышки в упор шарахнулся бы, и это дало бы поручику секунду, чтоб протереть глаза. Но противник попался нетривиальный. С него сбило кепку и опалило волосы, но он даже не присел, а бросился на офицера. Схватился за дуло револьвера, вцепился пятерней в горло, сшиб наземь.

Вообще-то это он зря. Войдя в прямую сцепку, лишил себя основного преимущества. Когда враг вот он, пытит и брызжет слюной в лицо, можно обойтись и без зрения.

Оружие Романов выпустил, на что оно? Это позволило освободить руку. Рука сжалась в кулак. Кулак вслепую, со второй попытки, угодил гаду куда требовалось — в висок.

Хватка на горле ослабла. Связой всхрипнул, качнулся. Приподнявшись, Алексей вмазал ему еще и лбом в нос — от такого удара человек на пару секунд слепнет, так что в этом они сравнялись.

Бой двух слепцов со стороны, вероятно, выглядел диковато: половина ударов молотила воздух.

Вот они расцепились. Поручик вскочил на ноги и наконец протер костяшкой пальца слезящийся глаз.

Вовремя! Противник тоже успел подняться, тянул что-то из-под мышки.

По фронтовой привычке у Романова в кармане брюк всегда был резервный ствол — плоский «браунинг». Доставать это оружие Алексей умел очень проворно — как американский ковбой в кинокартине «Ограбление века».

Сухой, короткий выстрел. С рычанием связаной схватился за простреленный локоть. Выпавший «наган» звонко ударился о рельсу.

Но враг нынче достался Романову воистину неутомимый — и тут не сдался. Припустил вниз по насыпи огромными прыжками — не утонишься.

А поручик и не стал за ним гоняться. Поднял с земли свой длинноствольный «кольт», взял упор, прищурил единственный зрячий глаз. Попасть нужно было ниже колена, а то на бедре можно пробить артерию, и тогда со святыми упокой.

Выстрелил.

До низа насыпи курьер уже не добежал, а докатился кубарем. Спрятав оружие, Алексей протер и второй глаз, слезы промокнул платком и не спеши двинулся подбирать добычу.

Крепкий все-таки парень. С продырявленным локтем, с простреленной лодыжкой не корчился от боли, не выл, а делал целой рукой какие-то быстрые движения.

— Э, э! — закричал поручик, убыстряя шаг. — Ты что это?

Связной запихнул в рот бумажный ком, задвигал челюстями. Ай, молодец! Трудно, поди, глотать такую бяку не запивая.

Подхватив раненого за шиворот, поручик волоком втащил его на шпалы.

— Приятного аппетита, — говорил он, пыхтя от усилия. — Зря пищевод утруждал. Это был листок из моего блокнота.

Связной заизвивался. Рыча от ярости, ударил лбом о рельсу. Еще, еще. Брызнула кровь. Насилу Романов оттащил психа. Вот ведь какой отчаянный, прямо самурай!

Это лейтенант Шталь из морской контрразведки рассказывал. Во время обороны Порт-Артура подбили они японский торпедный катер. Спустили шлюпку, чтобы подобрать команду с тонущего суденышка. А японцы выстроились на палубе. Все, кроме одного, опустили на колени. Наши подумали:

пощады просят. Как бы не так, пощады. Который остался на ногах, капитан, достал саблю и всем поочередно очень ловко поотрубал головы, а потом обмотал клинок тряпкой и взрезал себе живот.

В принципе, правильно. Если уж воевать, то только так и не иначе.

Уложил поручик новоявленного самурая в дрезину. Перетянул жгутом раненые конечности, перевязал разбитую башку. Гад был без сознания, но глаз с него Романов все-таки не спускал. Еще выкинется на ходу.

Чертов ветер дул навстречу, как ножом резал.

Как раз в это время...

В ту минуту, когда поручик Романов с локтя целил по ногам убегающему Ворону, в полтора ста верстах к югу, в безымянном лесу, майор фон Теофельс волновался, как волнуется режиссер

на прогоне перед премьерой: вроде все свои и можно еще что-то поправить, а все-таки концепцию спектакля, декорации и распределение ролей изменять поздно. Провалится постановка или нет, становится понятно на генеральной репетиции.

Труппа, то бишь группа с Вьюном в заглавной роли гуттаперчевого мальчика, была наготове.

— Ровно одиннадцать тридцать две, — говорил Зепп. — Чтоб у всех часы были не минута в минуту, а секунда в секунду. Сверили? Марш на исходные!

Четверо боевиков — Финн, Чуб, Маккавей и Кмициц — бросились двое вправо, двое влево. Майор не сводил глаз с секундной стрелки.

Первым достиг позиции резвый польский *shłories*, залег и стал невидим. Чубу нужно было отбежать на сто метров дальше.

Выдвижение на позиции заняло сорок секунд. Хороший результат. И замаскировались все отменно. Слили с почвой, зарылись в палую листву. Даже в бинокль не видно.

Теоретически не исключено, что кто-то из жандармов отойдет в лес помочиться, хотя инструкция строго-настрого запрещает отлучаться. По сообще-

ниям наблюдателей (о, чудесная немецкая дотошность!), солдаты если и справляют нужду, то бесшумным образом, не покидая боевой пост.

Сам Зепп с остальными отошли подальше в лес и встали за стволами деревьев.

— Ну, предположим, что мы дождались, пока расставят оцепление. Вон оно уже стоит, — сказал он Балагуру, кивнув в сторону насыпи.

С сухого дерева, на которое вскарабкался майор, просматривалась вся четырехсотметровая дуга и четыре воткнутые в землю палки, на каждой сверху жандармская шапка: обозначение дозорных.

Теофельс сам проверял: при таком изгибе пути часовому не видно даже своего ближайшего соседа. А и незачем жандармам пялиться друг на дружку, их дело бдить за окрестностями.

Поскольку последовательность движения литерных неизвестна, для репетиции Зепп выбрал более трудный вариант: первым идет «Б», вторым — «А». В этом случае на всё про всё будет полчаса.

Членам группы было сказано, что условное время прохода поезда «Б» одиннадцать сорок пять, потому что состав с полушубками должен оказаться здесь примерно в четверть первого.

Стрелка карабкалась вверх по циферблату, отсчитывая последние секунды.

Есть! Будем считать, что литерный «Б» с грохотом пронесся мимо.

У боевиков не более четверти минуты, чтобы сделать свое дело, воспользовавшись шумом уходящего состава и тем, что солдаты (известно от наблюдателей) после прохода поезда обязательно поворачиваются посмотреть ему вслед. Понятное человеческое любопытство. Служивые тоже ведь не знают, царь это был или не царь?

Вот пока слух и зрение часовых сконцентрированы на уносящемся вдаль составе, и нужно их снять.

Все четверо кинулись вперед с пятисекундным интервалом, только Финн чуть-чуть, не критично припозднился. Каждый достиг своего шеста с приемлемой быстротой. Огнестрельное оружие, естественно, исключалось. Всяк сам выбрал, чем уложит подопечного: Маккавей — гирей, Финн — молотком, украинец нашел заостренный камень по руке, романтический Кмициц насадил на дубинку железный подшипник и получилось что-то вроде булавы. Со своим тупым оружием каждый управляется отлично, это проверено.

Двенадцати шестнадцать еще не было, когда место шестов занял зепповский «интернационал». Согласно уговору, все надели жандармские шапки.

— Марш! — махнул майор Балагуру и Тимо.

Внизу остался один китаец, утонув носом в поднятом воротнике. Зепп стал насвистывать песенки про гусей — Вьюн сразу встрепенулся.

Что потом, после крушения? Найдут среди вагонного месива трупы часовых с проломленными головами, размышлял Теофельс. Подозрительно, конечно. Но очень вероятно, что на покойниках будут и другие повреждения — от слетевшего с рельсов состава полетит всякая дрянь. А кроме того, как известно из опыта, российские следователи в подобных случаях предпочитают закрывать глаза на неудобные детали. У них ведь расследованием трагической гибели помазанника будут заниматься те же органы, которые его не уберегли. Какой им резон выносить сор из избы? Гораздо выгоднее свалить всё на железнодорожное начальство, плохо следившее за состоянием полотна.

«Интернационал» будет в полном жандармском обмундировании, чтобы не вызвать подозрения у паровозной бригады литерного — в нее входит впе-

редсмотрящий из дворцовой полиции. Ему, конечно, покажется странным, что несколько человек из оцепления вдруг побегут прочь от приближающегося поезда, но будет уже поздно. С этим вроде бы тоже нормально.

Размышляя и прикидывая, Зепп продолжал следить за циферблатом.

До насыпи «ремонтники» добежали за двадцать пять секунд. С первым болтом провозились целых полторы минуты — много. Со вторым — минуту с маленьким хвостиком, это лучше. Потом пошло совсем хорошо. Управились за без малого девять минут.

Установлено, что непосредственно перед проходом поезда никто из жандармского начальства цепь дозорных уже не проверяет. А всё внимание охраны сконцентрировано на периферии, не на железнодорожном полотне.

Гудок паровоза донесся из чащи на семь минут раньше расчетного времени — машинист не жалел угля в ожидании премиальных. А ничего страшного, всё уже было готово.

Бедолаги, мимоходом пожалел Зепп поездную бригаду. Не видать им обещанных пятидесяти руб-

лей. Еще три невинные жертвы войны среди миллионов прочих. Хоть с пользой для дела.

«Ремонтники» подбежали к дереву. Толстяк вспотел и задышался, а железному Тимо хоть бы что.

— Всё лючем виде, — блеснул он новозазубренной фразой. — Что ми делать дальше?

— Ничего. Находиться в стратегическом резерве главного командования.

Теофельс припал к биноклю, выглядывая поезд. Вот меж деревьев задвигалось что-то низкое, длинное, темное — и мгновение спустя на конце дуги, со стороны Кмицица, выкатился паровоз, таща за собой вереницу товарных вагонов.

«Интернационалисты», пригнувшись, побежали от насыпи к зарослям, попадали.

— А ну как не скovyрнется? — раздался снизу голос Балагура. — Ставлю сто рублей против десяти. Рискнешь?

— Сто руплей за что? — переспросил тугодумный Тимо. — «Ковирнется» это что?

— Думай живей, оглобля! Если поезд не свалится, получишь в утешение сотню. А свалится — ты мне десятку...

— Это надо тумать...

Но думать времени не осталось.

Зепп стиснул зубы. Верен расчет технического отдела или нет?

Паровоз пролетел критическое место, первый вагон тоже, но со вторым что-то случилось. Он подпрыгнул, будто взбрыкнувшая лошадь. За ним вздыбился третий, состав качнуло, кинуло вбок...

Есть!

Коричневые прямоугольники один за другим посыпались под откос, утянув за собой и черную тушу паровоза. По лесу прокатился тошнотворный скрежет и лязг. Вверх взметнулось облако белого пара.

— Давай, Вьюн, давай! — азартно крикнул Зепп.

Но китайца внизу уже не было. Он петлял между деревьями, легкий, как комарик.

— Эх, жалко поспорить не успел, — говорил Балагур, пока майор спускался со своего насеста. — Товарный слетел, литерный тем более не удержится. У него вагоны потяжельше деревянных.

— За мной, бездельники!

Спрыгнул Зепп на землю, помчался вперед. Сзади грохотала тяжелая кавалерия. Тимо, как велено, держал в руках железный лом.

Вьюна они, конечно, не догнали, но видели, как маленькая фигурка взлетает по насыпи. Китаец сбросил куртку, остался в черном, плотно обтягивающем трико.

Согласно законам физики, товарняк сверзся по ту сторону путей, на внешнем обводе дуги, поэтому, когда Вьун спускался, Зепп на несколько секунд потерял его из виду.

— Второй, второй! — бормотал майор, карабкаясь по щебенке.

Поднявшись, увидел, что Вьун не перепутал — метался возле второго вагона, лежавшего на боку. На земле валялись тюки с полушубками, обломки щепки. Но как проникнуть внутрь, китаец не знал — двери хоть и треснули, но остались на месте.

На такой случай имелся Тимо со своим ломом. Он воткнул железяку между досок, выворотил одну, другую. Точно так же он поступит с пуленепробиваемыми стеклами царского вагона, если они не вылетят от удара.

Балагур остался наверху с «маузером» наготове. Его функция — смотреть, не вылезет ли из руин какой-нибудь чудом уцелевший телохранитель.

Пока подбегут ближние жандармы, пройдет не-

сколько минут. Это с учетом потрясения, первоначального испуга, а главное, плохой видимости. Там, как и сейчас, в воздух поднимется огромная туча пыли, драгоценной союзницы. К тому же солдаты сначала будут суетиться у концов разбитого поезда — возле паровоза и последнего вагона.

Сколько времени понадобится Выюну на сеанс «мануальной терапии», вот в чем вопрос.

Чжэнь

В сне тело у Чжэня было невесомое, легче пушинки, и ненастоящее — занозил руку щепкой из доски, и даже не покривился. Приснившаяся боль — не боль.

Жить во сне было скучно, хотелось поскорее проснуться. Но, чтоб проснуться, нужно вдохнуть аромат белого порошка, а он в сновидениях так просто не добывается. Сначала выполни всё, что наморочено виде-

ниями, нашептано бессмысленными призраками, а без этого пробуждения не жди — многократно проверено. Вместо возвращения из мнимости в действительность можно погрузиться в адский кошмар.

С давних пор Чжэня преследовал навязчивый, нескончаемый сон. Будто он вовсе не статный и гордый витязь, а убогий недомерок, прозябающий в закоулках тошнотворного мира белолицых демонов. Но стоило тому, привидевшемуся во сне Чжэню вкусить белого порошка, и наваждение исчезало. Он снова оказывался в зеленом, благоуханном Троецарствии, где преодолевал тысячу препятствий и совершал неслыханные подвиги, чтобы заполучить ключ к красному прекрасному терему, а там его ждала заточенная принцесса, утирая слезы длинным рукавом. О, если б не тратить время на дурацкие сны, если б всё время скакать вперед на могучем коне! Однако жестокому року зачем-то нужно, чтобы каждую ночь Чжэнь обращался в пронырливого карлика и погружался в сон, где всё ненастоящее: люди, жизнь, смерть.

Что за нелепое видение! Будто бы он скользит по мягким и пыльным тюкам в огромном темном ящике, разыскивает куклу, которой нужно открутить голову. Ну не бред? А вместе с тем известно, что, пока не исполн

нишь абсурдное задание, сонные чары не развеются.

Чжэнь вслепую, не чувствуя напряжения, ворочал нетяжелые мешки. Нашупал что-то, напоминающее по форме человеческую фигуру. Манекен. Нет, не тот.

Полез искать дальше.

Какой тягостный сон. Лучше уж бежать, проваливаясь в песок, чем распахивать эти тюки.

Еще одна кукла. Теперь та самая: борода из мочалки, гимнастерка, на погоне вензель. Одной рукой Чжэнь взял целлулоидную голову за подбородок, другой под затылком, рванул.

Ну всё, скоро можно будет проснуться.

Как у Шекспира

На исходе второй минуты из проломленной дыры в стене вагона вылетела, покатилась под ноги Зеппу оторванная голова манекена с мочальной бороденкой.

«Настанет день, и обратится от прожъ
царь средь царей и попый во царяку»

Теофельс поднял трофей жестом Гамлета.

— Бедный Рюрик!

Хотя Романовы, кажется, не из Рюриковичей. Неважно.

Отбросил болванку через плечо. Заорал:

— Всё, всё! Уходим! Занавес!

Репетиция прошла безупречно. А на поклоны в этом спектакле не выходят. Аплодисменты нам ни к чему.

ТРЕВОЖНЫЙ ВЕЧЕР

В красном свете

Как стемнело, Алексей не видел. Шторы в купе были опущены, да еще пришпилены к штофным обоям, чтоб снаружи не проникал свет. Красный фонарь поручик одолжил в императорской фотослужбе.

Сдав арестованного на попечение медиков Могилевского тюремного лазарета, поручик битый час колдовал над перехваченным листком и коробочке со шпионскими реактивами.

В большом пузырьке, скорее всего, был разбител. В двух остальных — «замок», то есть состав, которым маскируется запись, и «ключ» — вещество, которым она проявляется. В агентурной разведке это делается так: человек написал сообщение мягким карандашом или специальной кис-

точкой, чтоб не продавливать бумагу, потом смешал «замок» с разбавителем, смочил ватку и протер ею текст. Тот становится невидимым. Точно так же поступает получатель: разбавляет несколько капель «ключа», протирает листок — и буквы снова видны.

Но без лаборатории определить, где здесь «ключ», а где «замок», было невозможно. С разбавителем-то Романов разобрался. По всей видимости, обычная дистиллированная вода. Пополнить ее запас шпион может в любой аптеке.

Поставив на стол две чашки, Алексей капнул по чуть-чуть из маленьких пузырьков, разбавил и начал экспериментировать.

Написал на листке слово «эврика» обычными канцелярскими чернилами. Протер одним составом — не исчезло. Протер другим — опять ничего. Значит, писать нужно не чернилами?

Попробовал карандашами нескольких цветов. Химическим. Белилами. Молоком. Просто водой. Даже чаем. Всё мимо.

Тогда вооружился красным фонарем и пошел по второму кругу. Но и фотографическое освещение не помогало.

Зачесал Романов в затылке, зашептал нехорошие слова. Большой надежды на разговорчивость чугунного самурая у него не было. А записку Сусалин требовалось прочесть как можно скорее. Иначе брать ловкача будет не с чем.

Положил перед собой тщательно разглаженный листок. Только теперь обратил внимание, что бумага-то обыкновенная, какую продают в любой лавке писчих товаров. А в канцелярии его величества, в том числе и пресс-службе, используют листы особенные, с водяными знаками в виде двуглавого орла. Именно такую Романов взял у полковника для своих экспериментов. Может, загвоздка в этом? Реактивы рассчитаны на бумагу простецкую, без дополнительной пропитки и обработки?

Он оторвал уголок от добытой с боем депешки, покалякал по нему простым карандашом, смазал жидкостью из левой чашки — ура! Каракули медленно побледнели, скрылись. Есть «замок»! Ну, теперь и с «ключом» ясно.

Пообильней смочил ватку раствором из правой чашки, тщательно протер записку и стал ждать.

В тишине раздалось: тук-тук-тук.

— Алексей Парисович, вы здесь? — Назимов. — Что это у вас тут за квартал красных фонарей?

Было видно, что полковник возбужден. Потому и пошутил, что вообще-то ему было несвойственно.

— Не имеет значения. Сейчас...

Поручик выключил фонарь, раздвинул шторы. Снаружи, оказывается, уже совсем стемнело.

— Позвонили из тюрьмы. Врач привел арестованного в чувство. Едем!

Фуражку и шинель — с вешалки, поверх кобуру, шашку. Дверь запереть. Дубликат ключа у прислуги изъят, никто кроме поручика Романова сюда не войдет.

— Сусалин что? — спросил Алексей на перроне, поглядев на окно начальника пресс-службы.

— Сидит у себя. То тихо, то молотит по машинке. Мои люди ведут наблюдение и снаружи, и из коридора.

— Не заметит?

— Обижаете.

Оба шли очень быстро, не терпелось приступить к допросу. Перешли бы и на бег, да флигель-адъютантские погоны предписывали Георгию Ардадьоновичу сохранять солидность.

В тюремном лазарете

Из-за близости к Ставке бывшая гарнизонная тюрьма давно уже не использовалась в качестве гауптвахты или для содержания дезертиров и прочей мелкой шушеры — только для арестантов государственного значения: военных, заподозренных в шпионаже, измене или проступках, повлекших тяжкие последствия. Охраняли здание крепко, режим блюли строго, и лазарет тоже был серьезный. Не сбежишь. Захваченного курьера поместили в особую камеру, под очный и неусыпный присмотр

Своего приятеля с 800-ой версты Романов нашел в комнате с крошечным зарешеченным окном. Поскольку субъект обнаружил склонность к самоубийству, были приняты меры предосторожности. Здоровую руку ему приковали к кровати спинкой, здоровую ногу пристегнули ремнем. Правая рука закована в гипс, левая нога на противовесе, голова об-

мотана бинтами. Шевелить пленник мог разве что губами, но именно это от него и требовалось.

— Здравствуйте. Как он? — спросил Назимов у врача, что сидел, склонившись над раненым.

У стены вытянулся охранник. Над столом с лампой приподнялся седоватый чиновничек в синих очках — стенографист.

Доктор был свой, из ведомства дворцовой полиции. Из-под халата виднелись форменные брюки с кантом.

— В шесть тридцать ввел ослабленную дозу адреномола, чтобы привести в чувство. Были спазмы, немного побредил. Он и сейчас в возбужденном состоянии, но сознание полностью восстановлено. Вы не глядите, что глаза жмурит. Можете задавать вопросы. Однако не затягивайте. Скоро опять уплывет. Большая кровопотеря, сотрясение мозга...

Стул врач освободил. Отошел к стене, чтоб не мешать. Назимов кивнул стенографисту: приготовиться. Сел к кровати, поручик встал у начальника за спиной.

Глаза арестованного открылись, скользнули по лицу полковника и остановились на Романове, сузившись от ненависти.

«Возьми стоны — ишь сладостный звук!
Подальше тебя, ворч, в тунат!»

— Отойдите, Алексей Парисович. Нервируете, — попросил Назимов.

Поручик сделал несколько шагов в сторону, чтоб оказаться вне поля зрения курьера.

— В чем цель задания? — спросил тогда Назимов.

Чиновник быстро зашуршал карандашом, раскидал по листу диковинные закорючки.

«Не ответит, — подумал Алексей. — Этот будет молчать».

Ошибся он лишь отчасти. Связной облизнул языком почерневшие губы, его глаза горели лихорадочным блеском.

— Ни на какие вопросы. Отвечать. Не буду.

Речь была глухой, отрывистой.

— Договорились, — легко согласился полковник. — Но на отвлеченные-то темы мы поговорить можем?

— Валяйте.

Доктор шепнул Алексею:

— Ему очень хочется поговорить. Действие адреномола. Распирает от гипердинамии, а двигать конечностями он не может.

— Вы, вероятно, немец? — мирно поинтересовался полковник.

— Русский.

Назимов сделал вид, что изумлен.

— Как же так? Русский — и вредите России? За что ж вы ее так ненавидите?

— Неправда. — Рот лежащего всё время дергался, но слова срывались скупо, будто их большая часть прожевывалась и проглатывалась. — Я патриот России.

— Интере-есно, — опять поразился Назимов.

Врач произнес в самое ухо:

— Поживей бы надо. Скоро у него сознание отключится.

— Господин полковник знает, что делает. Не мешайте! — шикнул Алексей, и доктор обиженно умолил.

Раненый цедил по капле:

— Что вам. Интересно? Патриот — это человек. Который хочет. Чтобы Родине было лучше. Так?

— Безусловно.

— России будет лучше. Если она проиграет. Эту войну.

— Ах вот как? Можно узнать, почему?

— Можно. Избавимся. От самодержавия. Станем частью Европы. Живи я сто лет назад. В восемьсот двенадцатом. Наполеону бы помогал. Победи тогда французы. У нас крепостное право. На полвека рань-

ше бы отменили. И жили бы сейчас. Не хуже европейцев. — Глаза раненого начинали уходить под лоб. Голос сделался едва слышен, связь между кусками фраз стала нарушаться. — Суконная... Посконная... Дикость и невежество... А эти сытые, жирные, чистенькие... Сволочи... Поленька... Голова... Голова...

И дальше залепетал что-то вовсе бессвязное.

— Я предупреждал, что поживее нужно, — с достоинством заметил доктор. — Вот, забредил. Жирные какие-то полезли. Поленька. Только зря время потратили, господин полковник.

— Не зря, — сказал Назимов, поднимаясь. Вид у него был озабоченный и задумчивый. — Каково, Алексей Парисович? Что скажете?

— Не похож на шпиона. Скорее анархист, большевик или эсдек-интернационалист, но последнее вряд ли, — предположил Романов, которому на петроградской службе пришлось изучить взгляды и методику всех политических группировок, противостоящих войне.

Результативность первого допроса была неплохая. Кое-что вроде бы начинало проясняться.

— Будет бредить — записывать каждое слово, — велел он стенографисту.

— У меня смена, — проблеял тот, хлопая под очками ресницами. — Отдохнуть нужно, покушать. Через шесть часов снова заступаю. Но я всё передам сменщику.

— Ничего, Филюшкин проконтролирует, он сотрудник опытный. — Полковник кивнул на охранника. — Пойдемте-ка, Алексей Парисович, обменяем мнениями.

В коридоре, когда рядом никого не было, Назимов сказал:

— Похоже, что немцы-то ни при чем. Это наши желябовы к его величеству подбираются. С одной стороны, иметь дело с дилетантами, конечно, проще. Но от фанатиков можно ожидать всякого. Вы что молчите?

— Не готов к выводам, — ответил поручик.

Скверные новости

Скверные новости, господа интернационалисты. Подтверждение насчет завтрашнего числа не получено...

Зепп помедлил, прежде чем сообщить известие еще более паршивое. Обвел взглядом группу.

Расположились они в маленьком доме на окраине Могилева, подальше от патрулей, постов и агентов военной контрразведки, охраняющих Ставку: пятнадцать управлений, комитеты с канцеляриями, всевозможные штабы и ведомства — артиллерийское, морское, инженерное, транспортное, интендантское, казачье, военно-воздушное и прочая, и прочая.

А здесь, на отшибе, благодать. Свежий воздух, коровки пасутся, петухи кричат. Пасторальная идиллия.

— Значит, акция отменяется? — спросил Маккавей.

Спросил хорошо, без облегчения в голосе, а на оборот, разочарованно. И остальные «интернационалисты» тоже были явно расстроены. Это майор поразовало. От такой команды можно не утаивать правды.

Тут были все кроме Ворона и Балагура. Китаец, как обычно, дремал. Тимо зашивал рукав куртки — фон Теофельс зацепился, когда слезал с дерева.

— Пока не знаю. Мы в любом случае будем наготове. Но нужно готовиться к худшему... Ворон не вернулся с задания.

— Арестован? Предал? — быстро спросил еврей. Остальные ничего не сказали. Просто замерли.

— Нет, не предал.

Маккавей прищурил колючие глаза:

— Откуда вы можете это знать?

— От верблюда, — огрызнулся Зепп.

Он пребывал в сильном раздражении. Всё его бесило: и чертов умник со своими вопросами, и невозмутимость Чуба, и зарумянившиеся щечки ясно-вельможного Кмицица, и Финн, засмеявшийся «верблюду», — никогда этой остроумной шутки не слышал, болван.

Нервы у майора были живые, не железные. Давно уже он так самоубийственно не рисковал. Когда связанной не вернулся к назначенному сроку, по всем правилам нужно было немедленно сменить квартиру. Зепп этого не сделал и теперь не мог быть уверен, что тихую улицу не окружили кордоны русской контрразведки.

Но уходить Теофельс не стал, потому что, если Ворон взят и развязал язык, операция всё равно провалена, а коли она провалена, зачем жить дальше? Плестись с поджатым хвостом к начальству, жаловаться на роковое стечение обстоятельств? Это не для Йозефа фон Теофельса. Лучше уж загреметь под фанфары.

Под полом, в погребе, лежат триста килограммов динамита, остались в наследство от прежних обитателей конспиративной квартиры. В прошлом году, когда русская Ставка обосновалась в Могилеве, была у начальства дурацкая идея устроить серию взрывов, чтобы дезорганизовать управление противника в критический момент наступления. Эффект получился бы прямо противоположный. В русских окопах шутят: «Наши штабы — секретное оружие кайзера». Без ежечасных могилевских телефонограмм и телеграмм, корректирующих и отменяющих друг друга, командующие армиями и корпусами воевали

бы толковей, не на кого было бы перекаладывать ответственность. И вообще, чего ради взрывать русское штабное начальство? Кому нужно, чтоб вместо старых тыловых генералов пришли фронтовые волки, всякие Брусиловы с Корниловыми?

Слава богу, замысел подорвать могилевское бумажное царство был похерен, но взрывчатка — вот она. Если она вся шарахнет, не останется ни концов, ни следов, ни могилки. Улетит майор фон Теофельс и облакам, прихватив с собой и соратников, и агентов контрразведки, и пару соседних улиц в придачу.

— Ворон нас не выдал. Иначе мы бы тут сейчас не сидели, — сказал Зепп не столько для членов группы, сколько для собственного успокоения. — Скоро вернется Балагур, он всё выяснит. А вы, друзья, вот что... Отправляйтесь на резервную квартиру в Жлобин. Адрес вы знаете. Ждите меня. Не появлюсь до рассвета — уходите.

Это решение Теофельс принял только что. Зачем зря губить людей, которые пригодятся в будущем? Может, загробная жизнь существует, и Зепп из облаков, куда его забросит взрывная волна, еще полюбуется, как более удачливый офицер с теми же кадрами завершит начатое дело.

В вагоне

И по дороге из тюрьмы, и в автомобиле, говорили о начальнике императорской пресс-службы. Одна история, если он завербован германцами. Шантажом или подкупом к измене склоняли официальных лиц и более высокого ранга, дело обычное. Но связь с боевой революционной организацией — это уже совсем другое. Здесь денежный интерес исключается, и шантажом борцы с царизмом тоже не пробаваются. Пойти на сотрудничество с террористами может только человек, руководствующийся идеей, притом человек незаурядный.

Вот об этом и толковали: может ли Сусалин оказаться виртуозно законспирированным членом революционной группы. Назимов считал, что может. Тот, кто перекрасился из звезд независимой журналистики в пропагандисты престола, безус-

ловно обладает даром мимикрии. А если так, вполне возможно, что маскировка Сусалина многослойна.

— Известно ли вам дело Клеточникова, чиновника тайной полиции? Нет? Событие, правда, давнее и на публику не выносившееся, но еще более невероятное, чем пресс-атташе, работающий на революцию. Во времена разгула террора — еще того, народолюбивого, — служил в секретной экспедиции Третьего отделения тихий и скромный очкарик. Исполнительный, непьющий, сметливый. Начальство на него надеяться не могло. Неплохую карьеру сделал, был на курсе всех тайн. И вдруг, совершенно случайно, выяснилось, что он агент террористов и помогал им охотиться на Царя-Освободителя. Идеальный господин. После, в каземате, уморил себя голодовкой.

— Что-то непохож Сусалин на человека, который может уморить себя голодовкой, — усомнился Алексей. — Производит впечатление обычного газетного писаки, из идей — только собственная польза. Если завтра произойдет революция, будет разоблачать царизм.

— Типун вам на язык — «революция». — Полковник даже перекрестился, будто при поминании дьявола. —

А если Сусалин так ловко умеет притворяться, тем он опасней. Почему вы возражаете против его ареста?

Они уже поднялись с перрона в тамбур, но внутрь пока не входили.

— Необходимо выявить связи. Что если он не один? Может быть, Сусалин в контакте еще с кем-то в ОЖО или в Ставке. Вдруг здесь целый куст? Как же можно обрывать одну ветку?

Мимо просеменил камер-лакей с подносом, и полковник перешел на горячий шепот:

— Если Сусалин революционер — то фанатик. Они своей жизни не жалеют. А коли он на государя с ножом накинется?

Романов хладнокровно дернул плечом:

— Маловероятно. Если до сих пор не кинулся, значит, у них расчет на что-то другое.

— Маловероятно!? — взрычал Назимов. — Какое может быть «маловероятно», если речь идет об опасности для государя?!

Лакей неплотно закрыл за собой дверь в коридор, и поручик приложил палец к губам:

— Тссс! Услышит.

Сусалин был у себя — машинка стучала, как бешеная.

— Пройдем мимо. Посмотрим.

С рассеянным видом офицеры проследовали по коридору. Романов скосил глаза. Сусалин в порыве вдохновения рванул каретку, выдернул готовый лист и впился в него глазами. Поцеловал бумагу, отложил.

Убедительно актерствует, ничего не скажешь.

В коридоре возился электромонтер — проверял потолочные провода.

«Ну что?» — взглядом спросил у него полковник. «Электромонтер» пошевелил растопыренными пальцами и помотал головой. Это означало: «Объект все время печатал, из купе не отлучался».

— Сядем у меня, — сказал помощнику Назимов. — Продолжим разговор. Ясности нет...

— Слушаюсь. Только шинель повешу.

Алексей открыл ключом свое купе — да и застыл.

— Но, кажется, сейчас ясность будет!

Полковник удивленно обернулся:

— Что?

Поручика в коридоре не было.

Романов согнулся над столом и впился глазами в листок, на котором отчетливо проступили

буквы. Георгий Ардальонович заглянул ему через плечо.

«20-9 подтверждаю. Литеры телеграфом».

— Что такое «20-9»? Не понимаю! — еле слышно выдохнул Алексей, словно боялся, что надпись опять исчезнет.

— Завтра двадцатое. Мы отправляемся в штаб Юго-Западного фронта. В девять утра. — Назимов был потрясен. — Это секретная информация. Я даже вам еще не говорил.

— А «Литеры телеграфом»? Это про порядок следования литерных? Почему телеграфом, а не сразу?

Назимов вытер со лба испарину.

— Порядок следования литерных определяется непосредственно перед отъездом. Господи, они хотят это сделать завтра... Срочно доложить государю!

Наконец вернулся Балагур

Такой мрачной физиономии у Балагура майор никогда еще не видел и догадался, что толстяк принес поганые вести. Хороший «интернационал» уже отбыл, в доме остался один Тимо.

— Стреляй, мой маленький зуав, — обреченно сказал Зепп. — Стрекочи, сорока. Что на хвосте принесла?

Совсем уж в траурную гримасу клоунская рожа складываться не умела. Агент скривил губастый рот, но вместо трагической мины вышла глумливая ухмылка — будто Балагур злорадствовал.

— В лазарет Могилевской гарнизонной тюрьмы привезли тяжело раненного. Охраняет дворцовая полиция. Сам полковник Назимов к нему недавно наведывался. В камере посменно дежурят стенографисты. Закаркал, видать, наш Ворон...

«Стало быть, все-таки худший вариант», — подумал Теофельс. А вслух сказал:

— Вряд ли. Если бы давал показания, зачем стенографистам дежурить? Скорее, он без сознания и бредит.

Тимо заметил:

— Предит тоже плёхо.

— Чего хорошего. — Зепп тяжело вздохнул, щурясь на лампу. — Моя жизнь — сплошные проблемы. Всё против шерсти...

Он, впрочем, уже успокоился. Хуже всего неизвестность, а когда ситуация разъяснилась и проблема сформулирована, это, считай, уже половина дела. Не бывает ситуаций, которые не имеют решения.

Озарение не заставило себя долго ждать, воссияло Теофельсу прямо из лампы.

— Все билеты проданы. Наш спектакль на открытом воздухе состоится при любой погоде.

В благоговейном полумраке

Апартамент его императорского величества в литерном поезде «А» тонул в мягком, будто благоговейном полумраке. Под зеленым абажуром горело одно-единственное бра, алел огонек папиросы, под потолком сизоватым фиамом клубился папиросный дым.

Купе было двухкомнатным. Сначала салон-прихожая, оттуда бездверный проход в кабинет-спальню. Из этого закутка общей площадью четыре квадратных сажени Николай Александрович управлял гигантской империей и многомиллионной армией.

Однако дневные заботы остались позади. Государь отдыхал. В старой, любимой гимнастерке с расстегнутым воротом, в войлочных туфлях, самодержец всероссийский наслаждался покоем. Потививал коньяк, пускал идеально правильные колечки дыма — этим искусством он владел в совершенстве.

«Повсюду саподдерживать владчавъ:
въ бою, въ трудяхъ и даже въ часъ забавъ»

На столе поблескивало белыми костяшками домино, но партия приостановилась, потому что один из партнеров его величества, генерал Дубовский, разомлев от коньяку, задремал. Император подмигнул третьему участнику игры, свитскому генералу, и приложил палец к губам. Сонное сопение Аполлона Дубовского делало тихий вечер еще приятней.

Царю нравилось жить в поезде. Коронованные особы обычно приходится существовать в огромных парадных залах с уходящими ввысь потолками, поэтому многие монархи в приватной жизни предпочитают маленькие помещения. Только там можно почувствовать себя не живой иконой, а просто человеком, и расслабиться. Теснота и низкий потолок ассоциировались у государя с уютом и защищенностью. Он и во дворце любил проводить часы досуга в крошечном чулане фотолaborатории.

А поезд прекрасен еще и тем, что, оставаясь у себя дома, можно перемещаться в пространстве. Всякая поездка по стране для монарха — утомительный, сложный ритуал, сопряженный с массой неудобств. Здесь же остаешься на месте, и внешний мир сам подкатывается к твоему окну. Правда, рядом нет се-

мы. Но эта утрата до некоторой степени компенсируется присутствием привычных, милых лиц, с которыми можно чувствовать себя, как дома.

Глуповатый, полупьяненький Аполлоша действовал на царя успокоительно, будто домашний кот. И пускай штабные ворчат, что от старого дурня нет никакого прока, только место в поезде занимает. Разве мал прок, если Верховный Главнокомандующий в присутствии генерала Дубовского отдыхает?

— Аполлоша, ты ходить будешь? — спросил император, зевнув.

Ответом был всхрап.

— Аполлинарий Самсонович...

Третий участник партии хотел тронуть соню за плечо, однако государь не позволил.

— Не нужно, граф. Пускай спит. — И кивнул на почти пустую бутылку. — Вон как потрудился, летописец.

В дверь легонько, почтительнейше постучали. Из сумрака выросла молодцеватая фигура дежурного флигель-адъютанта.

— Ваше величество, к вам полковник Назимов. Говорит, срочно.

— Пусть войдет.

И сразу же, будто выскочив из-за спины адъютанта, появился начальник дворцовой полиции.

— Ваше величество, сообщение чрезвычайно важности! И особой секретности.

Обреченно вздохнув, император произвольным движением застегнул ворот. Свитский генерал уже поднялся, наклонился к Дубовскому, потряс за локоть.

— Ваше превосходительство, пойдете!

Аполлоша замычал, почмокал губами.

— Оставьте, граф. Его теперь из пушки не разбудишь. Он нам не помешает.

Когда свитский вышел, царь сказал:

— Садитесь, Георгий Ардалионович. Что у вас стряслось?

Полковник Назимов не паникер и не суетливый хлопотун. Раз примчался в неурочное время, стало быть, произошла какая-то серьезная гадость. Но в жизни российского самодержца серьезные гадости приключаются постоянно, тем паче во время войны. Относиться к ним царь привык даже не философски, а с религиозной отрешенностью. На всё воля Божья.

Возможно ли?

«**Н**еужели я сейчас буду разговаривать с царем? Возможно ли?» — волновался за дверью Алексей.

Назимов велел стоять на месте и ждать вызова, на случай если его величеству будет угодно выслушать не только начальника охраны, но и его помощника. И хотя Романов, дитя свободомыслящего интеллигентского сословия, привык относиться к самодержавию и самодержцу неприязненно, даже враждебно, а все-таки сердце замирало. Не от верноподданнического восторга, конечно, — от мысли, что сейчас, быть может, случится нечто, о чем будешь вспоминать всю жизнь.

Люди, вознесенные высоко над толпой, решающие судьбы народов, неизбежно должны приобретать некие особенные качества. Даже человек заурядный и мелкий, взойдя на трон или дав прези-

дентскую присягу, делается исторической фигурой. Каждая черта его характера, хорошая или дурная, имеет огромное значение. Всякий случавшийся с ним пустяк — разлитие желчи, насморк, приступ сладострастия — может иметь весьма непустяковые последствия для целой страны и живущих в ней людей. Вот почему, думал Романов, царя можно обожать или ненавидеть, но непозволительно относиться к нему с пренебрежением и обзывать «Николашкой», как это с недавних пор вошло в моду у столичных фрондеров и даже у части офицерства.

Будет чертовски досадно, если аудиенция не состоится. Хотя что самодержцу всероссийскому мнение какого-то поручика?

Чтоб справиться с возбуждением и не терять времени даром, Алексей стал присматриваться к устройству царского вагона.

Оно было точно таким же, как во втором вагоне литерного поезда «Б». Шесть ординарных купе, вместо салона — апартамент его величества. Правда, на полу персидский ковер, на стенах не литографии и картины в золотых рамах (что-то батальное), ну и обшивка палисандрового дерева. Вообще-то для

царских чертогов всё очень скромно. Стекло в окне, судя по стуку, двойной закалки.

Дежурный флигель-адъютант недовольно поглядел на беспокойного поручика и покашлял, что означало: «Стойте чинно, не вертитесь».

Раздалась тихая, мелодичная трель.

— Входите, поручик, — сказал адъютант. Оглядел Романова, снял с рукава соринку. — Говорить ясно, четко, но негромко.

«Вы уверены, что это вызывают меня, а не вас?» — чуть было не спросил дрогнувший Алексей. Но вопрос явно был лишним.

Одернув китель, поручик вошел в раскрывшуюся перед ним дверь и неожиданно оказался в сумрачной комнате, которая после ярко освещенного коридора показалась совсем темной.

— Ваше императорское величество... — гаркнул он и запнулся, потому что увидел — здесь никого нет. Зеленый свет лился из соседнего помещения, оттуда же доносились тихие голоса.

Сделав еще несколько шагов, Алексей наконец увидел перед собой лицо, хорошо знакомое по портретам и кадрам кинохроники. Только более старое, в морщинах, с мешками под глазами. Полковник На-

зимов был рядом — как шутят в армии, «сидел по стойке смирно». В кресле развалился генерал Дубовский, в позе самой что ни на есть свободной, с закрытыми глазами и приоткрытым ртом.

— Ваше императорское величество, поручик Романов! — доложил Алексей, щелкнув каблуками.

Мятое лицо венценосца дрогнуло в улыбке. Кажется, сообщение Назимова об опасности покушения не вывело царя из душевного равновесия.

— Мое императорское величество — полковник Романов, — шутливо сказал он. — Мы с вами, выходит, однофамильцы. Не нужно так кричать. Генерал разбудите. Сядьте-ка.

Ого, приподнялся! Подал руку! Держится очень просто, приветливо, по-домашнему.

Осторожно опустившись на стул, поручик позволил себе краем глаза оглядеть купе — чтоб запомнить все детали.

Диван накрыт обычным офицерским одеялом. Полка с книгами. Портрет царевича. Фотографии с какими-то женскими лицами — наверное, супруга и великие княжны, но в полумраке не видно.

Запоминать особенно нечего. Какое-то всё будничное, совсем не величественное. На император

шерстяные носки грубой вязки и домашние тапочки. Ломтик лимона на краю рюмки. Папироса в крепких пальцах. Табачная крошка на седеющей бородке.

— Георгия Ардальоновича я выслушал. Теперь изложите ваши умозаключения. Полковник аттестовал вас как первоклассного эксперта. Вы тоже считаете, что немцы хотят меня убить? Именно немцы, а не террористы?

Листок с проявившимися буквами лежал перед государем. Значит, история записки царю известна — можно на это времени не тратить.

Сглотнув, Алексей стал говорить, как было велено — ясно, четко и негромко:

— Позволю себе перечислить только неоспоримые факты. Факт номер один: записка была выброшена из нашего вагона. Факт номер два: проявитель, который позволил нам прочитать записку, используется германской разведкой...

Император перебил:

— Немцы хотят знать о передвижениях Верховного Главнокомандующего, это естественно.

— Так точно, ваше величество. Однако, если речь идет только об этом, почему для них важен порядок следования литерных поездов? Ответ может быть

только один, и тут, если позволите, я перейду от фактов к умозаключениям. Сусалин — не революционер, как было подумали мы с господином полковником, а именно агент немецкой разведки, и на завтра у них запланирована диверсия. Это всё.

Царь поднялся, встал лицом к окну. Назимов напряженно смотрел его величеству в спину. Оба офицера тоже встали.

— Вы изложили суть дела короче, чем полковник... И вроде бы всё логично. — Плечо неуверенно дернулось, на полевом погоне блеснул вензель. — Но я не могу поверить... Кузен Вилли — вероломный негодяй, но убивать меня он не станет. Это совершенно исключено. Что-то в ваших умопостроениях не так. — Император обернулся. — Допросите Сусалина. Пусть расскажет всё, что ему известно. Пообещайте от моего имени помилование.

— Слушаюсь, ваше величество! — Назимов метнул взгляд на поручика: что я вам говорил?

— Согласны, однофамилец?

— Никак нет, ваше величество, — отчеканил Алексей. — Категорически не согласен.

Плевать на субординацию и придворный этикет. Он контрразведчик, а не «болонка».

— Почему?

— Сусалин начнет юлить и упираться. Скажет: не выбрасывал я никакой бумажки, и всё. А шанс вытянуть целиком шпионскую сеть, которая здесь угнездилась, будет упущен.

— Понимаю...

Государь брезгливо взял мятый, в пятнах листок, еще раз прочитал текст, дальнозорко откинув голову.

— Тогда давайте отменим завтрашнюю поездку, — предложил Назимов. — Под каким-нибудь предлогом.

— Нет, я обещался быть у Брусилова, и буду. Я немышь, чтоб забиваться в нору при малейшей опасности. Послушайте, господа... — Царь мимолетно улыбнулся, потому что генерал Дубовский смачно всхрапнул во сне. — Э-э, а вы абсолютно уверены, что именно Сусалин выбросил из окна эту мерзость? Признаться, я удивлен. Я всегда с удовольствием читаю его статьи.

Назимов подтвердил:

— Это он, ваше величество. Мы собственными глазами видели.

Тут-то Алексея и стукнуло.

ПРОЩАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Вечер перешел в ночь...

Прокофий Матвеевич, стенографист Могилевской городской управы, проснулся по будильнику в два пополуночи. Вставать в неурочный час ему было не привыкать. По военному времени да с его ремеслом случалось не то что ночью на службу вставать, а и по двое суток не спать. С тех пор как в городе обосновалась Ставка, спрос на стенографистов многократно увеличился, штабы и ведомства не всегда могли обойтись одними военными скорописцами. Сетовать грех — заработок от армейских дежурств превышал невеликое жалование в несколько раз.

Покушал Прокофий щей с солониной, еще с вечера укутанных и оставленных в печи, чтоб не остыли. Заглянул за шторку, где трудно дышала супруга.

Хотел ей сказать, что идет на ночное дежурство, но не стал. Супруге в последнее время ни до чего не стало дела. Доктор говорит, недолго ей осталось. Раньше Прокофий всё плакал, а теперь думал: скорее бы отмучилась. Устал он очень.

Печально вздыхая, надел шинель, обмотался башлыком. Ночью уже холодно, лед на лужах. Укутываясь, вспоминал, какая Соня была востроносенькая и смешливая, когда поженились. Да и он был не заплесневелый огрызок, как нынче. Тому сорок пять лет был Прокофий Матвеевич честолюбив, выучился передовой науке — курсивной стенографии. Всему Могилеву на удивление записывал за начальством любые речи, ни словечка не перепутает. Единственный был на всю губернию, нарасхват. Иной месяц по двести целковых заколачивал. Это сейчас, когда из-за войны деньги обесценились, двести рублей немного, а тогда-то, да в городе Могилеве — ого-го. Думал Прокофий, что стенография только начало, еще много чему он научится, высоко взлетит, но жизнь-матушка отвлекла тысячью своих забот. Так на протяжении трех царствований и чертил закорючки.

А что, плохо разве прожил? Не хуже прочих. Правда, деток им с Соней Бог не дал, так оно и к

лучшему. Сейчас, если б сыновья, на фронте бы погибли. А были б дочери — вдовели бы. Без детей лучше.

На улице дул ветер. Темно. В прежние времена ни души в такую пору не встретишь. А сейчас не успел Прокофий от дома отойти — извозчик. Эти от Ставки еще лучше, чем стенографисты, кормились. Офицерам всё некогда, и платят не торгуясь.

— Стой, стой! — закричал Прокофий. — Мне в гарнизонную тюрьму. Только не с главного подъедешь, а сбоку, где лазарет. Знаешь?

Длинный сутулый возчик молча кивнул с козел.

— Полтинник, больше не дам. Тут ехать-то.

На случай ночной смены стенографистам полагалось по два рубля разъездных: рубль туда, рубль обратно. Сказав про полтинник, Прокофий Матвеевич был готов подняться еще на четвертак, но не более. Надо ж и свой интерес соблюсти. Но квелый мужик спорить не стал.

— Карашо.

Литвин, наверно. Или латыш. Их сюда много на приработки понаехало.

— Да ты точно тюрьму-то знаешь?

— Снаю, снаю. Задись.

«Еду я, наль сонъ мне снится,
Будто мчится колесница,
Ислры бьют из-подъ копытъ,
«Какъ зовутъ тебя, возница?»
Отвѣчаетъ: «Царь Андъ»

Отыскал!

Чертова камер-лакея Алексей проискал больше двух часов. Всю прислугу старший буфетчик увел на склад, запастись продуктами для завтрашней поездки. Поэтому Федора поручик нашел уже далеко за полночь.

Тот долго не мог взять в толк, чего от него добивается офицер. Потом понял, да не сразу припомнил.

— Утром вы самовар на тележке катили. Помните?

— Возможно-с. Не один раз в день приходило.

— В начале десятого. Я вас еще спросил про господина Сусалина. Вы сказали, что он зашел на секунду в свое купе и тут же вышел.

Лакей почесал внушительную бакенбарду.

— Виноват. Что-то...

— Это очень важно! Напрягите память! Вы точно видели именно Сусалина? У него дверь вечно открыта, мог войти кто угодно.

— А-а... — В туповатых глазах слуги наконец мелькнули огоньки. — Вот теперь вспомнил. Так точно-с. Господин начальник пресс-службы к себе вошли — и сразу назад в коридор, в незамедлительности.

Романов облегченно вздохнул. Вопрос императора заставил его усомниться — ведь они с Назимовым не видели, что бумажку выкинул именно Сусалин, да и лакей мог ошибиться: увидел в купе кого-то, не пригляделся как следует и ляпнул. Но сейчас Федор говорил вполне уверенно. Раз он видел Сусалина входящим и потом выходящим, ошибка исключается.

— Вошли они одни, а вышли обои-с, — уже отвернувшись, услышал поручик.

— Что?! Как это «обои-с»?

Камер-лакей хлопал глазами — удивлялся, чего это офицер так дергается.

— Так ведь их же там, в купе то есть, ожидали-с.

— Сусалина в купе кто-то ждал?

— Про это и толкую-с.

Романов схватил мямлю за рукав:

— Кто, черт бы вас драл?! Кто там был?

Палец в белой перчатке ткнул на дверь купе № 5:

— Они-с. Господин барон.

— Штернберг?!

— Господин барон их в ихнем купе дожидались, а как они пришли, тут они оба и вышли-с. Незамедлительно. А что такое-с, коли позволите спросить?

— Ничего, — деревянным голосом ответил Романов. — Идите себе и помалкивайте. О нашем разговоре никому.

Федор наклонил голову с блестящим пробором.

— Болтать не приучен-с. Такая служба.

У Алексея дрожали пальцы, когда он доставал из портсигара папиросу. Из-за дурацкого недоразумения... Нет, из-за недостаточной добросовестности чуть не случилась роковая ошибка!

Шпион — не журналист, а камергер!

Зная о привычке Сусалина выкидывать из окна бумажный мусор и воспользовавшись тем, что к пресс-атташе можно входить запросто, Штернберг бросил из третьего купе в условленном месте послание. Здесь вернулся Сусалин, но у Штернберга наверняка было заготовлено какое-то объяснение, и подозрений не возникло. Они вместе пошли куда-то. Даже ясно куда — в сторону первого вагона. Иначе столкнулись бы с Алексеем, который шел от противоположного тамбура.

Значит, Штернберг...

Но каков помазанник Божий! Одним простым вопросом прочистил мозги.

В тюремном лазарете

Ко входу подъехала коляска. Остановилась прямо возле будки, в которой бдил часовой-жандарм. В скучное ночное время служивый был рад всякому развлечению. Он внимательно смотрел, как вылезает, побряхтывая, седок в мятой чиновничьей фуражке, как расплывается с молчаливым возницей.

— Ходиль-ходиль! — прикрикнул извозчик, нерусский человек, на лошадку.

Увидав, что ночной посетитель шагает прямо к будке, часовой достал фонарик и долго, обстоятельно изучал документ.

Документ был в порядке. Разовый пропуск на имя стенографиста, подписан господином начальни-

ком тюрьмы, с печатью. Внутри, на контрольном пункте, где хороший свет, проверят еще раз.

— Проходите.

У караульного начальника пропуск тоже сомнений не вызвал.

— Что-то не видал вас раньше, господин Башмачкин, — сказал вахмистр, возвращая бумагу с фотографической карточкой.

— Первый раз я, — охотно объяснил суетливый, траченный жизнью чиновник. — Я при суде губернского вообще-то состою. Кузьменко Прокофий Матвеевич приболели, так я заместо них. Лишняя копеечка когда ж помешает?

— Это само собой.

Еще раз про копеечку и приболевшего Кузьменко новенький объяснил в спецкамере, принимая смену. Уходящий стенографист хорошо знал Прокофия Матвеевича и обеспокоился его хворобой.

— Почечуй, — объяснил словоохотливый Башмачкин. — Так скрутил — ужас.

— А я думал, опять подагра.

Сменившийся коротко объяснил, что нужно делать, попрощался с охранником и поехал домой спать. На прощанье порадовался:

— Хорошо, отчет писать не надо. Этот только мычал, всего пару слов внятных произнес. Вот, я зарегистрировал. Может, вам повезет больше. Ну, счастливо. Еще свидимся. Коли вам в секретной части допуск дали, будете сюда часто наведываться.

Новичок стал устраиваться на рабочем месте. Стопку бумаги выровнял, чернильницу понюхал, ручку и запасные перышки достал собственные — казенными не польстился. Потом обеспечил уют: выложил на стол сверток с провизией, термос и яблоко-антоновку.

— Люблю, знаете, в чаек построгать, — сказал он охраннику, который наблюдал за обстоятельным человеком с одобрением. — Не желаете? Горяченький.

От горяченького чайку охранник отказываться не стал. Инструкция этого не запрещала, а смена у него была до шести, долго еще.

Быстро перешел с легким собеседником на «ты», разговорились. Башмачкину было интересно разузнать про арестанта: кто он такой, весь перевязанный да закованный, и какая от него секретная польза.

— Пользы пока что никакой, — коротко ответил охранник. — Но, может, еще будет. Твое дело — слушай да записывай.

А про арестанта, что за фрукт, ничего рассказывать не стал. Инструкция запрещала.

— Чай у тебя духовитый. С травами, что ли?

От бессонной ночи у агента начинала кружиться голова. Чтоб не сомлеть, лучше всего разговаривать.

— С морфей-травой.

— Что за трава такая?

— Полезная. От всех болезней лечит.

Охранник расстегнул ворот. Ишь, натопили — задохнешься.

— Так уж и от всех.

— От всех, — убежденно молвил Башмачкин, начиная двоиться и расплываться. — Выпьешь — и никогда больше болеть не будешь... Да ты подремли, подремли. Если что, я тут.

— Не положе... -- пробормотал охранник, обмякая на стуле.

Но не дремали охотники...

Принесли? Романов поднялся навстречу Назимову. Полковник вернулся из кадрового управления, где хранились личные дела всех сотрудников.

— Дежурный телефонировал начальнику, начальник приехал, лично открывал сейф. У них там санаторий, по ночам работать не привыкли. Однако вот, добыл. — Георгий Ардальонович помахал канцелярской папкой. — Сейчас сами увидите. У вас тут что?

Поручик оставался в вагоне — вел личное наблюдение за Штернбергом.

— Звонил лакею, требовал чаю. Я заглянул. Пишет что-то. Один раз выходил в уборную. Больше ничего.

О завтрашней поездке было уже объявлено, и в вагоне никто не спал, кроме генерала Дубовского, — этот, вернувшись от государя, сразу завалился и хра-

пел так, что из коридора слышно. Сусалин что-то печатал, Штернберг заперся составлять телеграммы, фрейлина Одинцова музицировала в салоне. От полковника Алексей знал, что перед отъездом всегда так. Все равно не уснешь: на перроне суэта, гам, что-то грузят, проверяют колеса — прежде рассвета не утихнет.

Назимов плотно закрыл дверь. Сели бок о бок, погрузились в изучение. Дочитав страницу, полковник спрашивал: «Переворачиваю?» Алексей кивал.

Штернберг состоял в министерстве двора двадцать лет, много раз перемещался из одного ведомства в другое — служил то по шталмейстерской части, то по егермейстерской, то по геральдической. Надо полагать, что о внутренней жизни российского императорского двора германцы были осведомлены всесторонне.

— Ну что? — подытожил Назимов. — Во-первых, настоящий немец, не только по фамилии. Лютеранского вероисповедания. Во-вторых, учился в Гейдельберге. В-третьих, имеет в Германии родственные связи. В-четвертых, перед войной неоднократно ездил туда на воды.

Поручик, выписывая что-то на листок, пожим плечами:

— Немцев у нас полно, в том числе и лютеран. Я недавно смотрел статистику по Петрограду. Больше десяти процентов столичного населения — лютеране. В Германии тоже много кто учился. Ну а уж насчет немецких родственников... Тогда, простите, нужно начинать с государя императора. А заграничные поездки я сейчас выпишу, со всеми датами. Нужно будет отправить в Петроград для проверки. Думаю, в любом случае завтра утром всё станет ясно.

— Когда он перед отъездом будет отправлять телеграммы? — понимающе кивнул Назимов. — Штернберг посылает их целую пачку. Идеальное покрытие для экстренной связи. В восемь, за час до отправления, я объявлю порядок следования поездов. Он должен передать эту информацию сообщникам. Перехватим депешу, выявим адресата — и тогда господина камергера можно брать. Конец операции. По-моему, недурно.

Офицеры поглядели друг на друга и хищно улыбнулись.

— Так что, Георгий Ардалионович, ждем до утра? За это время, возможно, и связной в лазарете что-нибудь полезное набредит.

Не набредит

Охранник мучительно всхрапывал, перемещаясь из царства Морфея в царство Аида. Зепп на него не оглядывался. Такая у человека служба. Давал присягу живота не жалеть, так не кряхти.

Вот связного было жалко. Крепкий орешек, Мог бы еще пригодиться, но не повезло парню. Хорошо бы узнать, на чем он попался. Не подставил ли Шаркуна, агента из литерного?

Днем тот был еще цел, прислал по дублирующему каналу подтверждение насчет 9 часов. Если Шаркун сгорел — беда. Никакой телеграммы завтра не будет, акцию придется отменять.

Теофельс потряс раненого за плечо, ударил по щеке. Голова мотнулась, приоткрылись мутные глаза.

— Это я, — сказал Зепп. — Всё в порядке. Пришел вас спасти.

Не слышит. Оскалил зубы, с ненавистью пролепетал:

— Помазанник, мать его... Шею... шею свернуть...

И отключился. Не достучишься.

Про «шею» он бредил и при стенографисте. Вон на листке написано: «Шею... Как курице... *Нрзб.*» Хорошо про помазанника не сболтнул, а то сразу наострили бы уши.

Ладно, делать нечего.

Майор достал шприц, зажал раненому рот, чтобы не вскрикнул, и сделал инъекцию — можно сказать, избавил страдальца от мук, а себя от проблемы.

До конца смены сюда вряд ли кто-нибудь сунется. Когда войдут — обнаружат два трупа. На подозрении некий Башмачкин, покинувший дежурство якобы по срочному вызову. Понятно, что немецкий агент — зачистил концы, обычное в разведке дело. Только где его, Башмачкина, искать?

Отменят из-за такого пустяка поездку императора в штаб Юго-Западного фронта? Навряд ли. Ничего кроме смутных подозрений у полковника Назимова нет и быть не может.

Всё. Теперь только дожждаться телеграммы.

«Я обязан свой долг любить»

Глухой ночью в двух поездах, стоявших на соседних путях, горели окна. Из второго вагона литературного «Б» доносились звуки пианино, приглушенные хитрыми стеклами, и удивительной красоты мужской голос пел трогательное, не совсем понятное:

Я обязан свой долг любить
Беззаветней, чем наш союз.
Мономахов венец носить —
Богоданный, но тяжкий груз...

Это был романс, сочиненный Татьяной Олегоной Одинцовой ко дню тезоименитства императрицы. Поскольку пелся он как бы от имени августейшего супруга, Алексей долго отказывался исполнять песню. Но мелодия была красивая, слова о печалих царственной любви грустны, а взгляд Татьяны Ол-

говны проникновенен, и в конце концов поручик взял партитуру, запел в четверть силы.

Настроение у Романова нынче было особенное. Приподнятое в предвкушении удачной охоты и в то же время какое-то томительное. Должно быть, поручик несколько разнежился от галантерейной жизни в мягком купе, от чистых простыней да лейб-буфетного питания. Или, возможно, дело было в Одинцовой. Несколько месяцев Алексей не пел, не садился к инструменту. Конечно, и некогда было, но дело не только в этом. Казалось, железа души, что ведает музыкой, перестала вырабатывать свою волшебную секрецию.

Но заглянул Алексей в салон на тихий перебор клавиш — Татьяна Олеговна напевала про отцветшие хризантемы, — и что-то в груди шевельнулось. Подхватил. Она изумленно подняла на него глаза, замолчала, но движением головы, взглядом попросила продолжать. Романов кончил про хризантемы, спел про лунную ночь. На ресницах фрейлины заблестели слезы. От долгого неупотребления баритон несколько одеревенел, в нем проступила непозволительная хрипотца, но, судя по лицу Одинцовой, голос не утратил власти над женским сердцем.

Среди всякого прочего, страшного и гадкого, война научила Алексея одному важному навыку: сполна жить настоящим моментом, ибо завтрашний день может не настать. Покойная ночь, уютный свет лампы, хорошее пианино и милая, умная, всё понимающая женщина. Это ль не подарок судьбы среди грязи, смерти и ужаса?

Оказывается, внутренняя музыка в Алеше не умерла. Она просто затаилась, дожидаясь возвращения к нормальности.

Глядя на блестящие слезами глаза фрейлины на ее вздымающуюся грудь, Романов подумал, что иметь дело нужно только с людьми, которых волнует музыка, а на всех прочих нечего тратить себя и свою жизнь.

Спел он Татьяне Олеговне про Мономахов венец, она поблагодарила и стала мечтательно говорить о блаженном времени, когда наконец прекратится война и мир начнет выздоравливать от безумия.

— Вы станете знаменитым певцом, будете концертировать по всему свету. Люди так устанут от горя и уродства, что всей душой потянутся к прекрасному. Им захочется радости и красоты. Вам буду

устраивать овации, забрасывать цветами. В вас будут влюбляться прекрасные женщины...

— Как вы? — лукаво спросил он, любуясь ею.

Одинцова улыбнулась:

— О нет, совсем молодые. Хризантемы, которые еще не отцвели.

Оставить это заявление без опровержения было бы неучтиво. Он наклонился, поцеловал ей руку.

— С вами интереснее.

Татьяна Олеговна ласково высвободилась и легонько, без кокетства, толкнула офицера в лоб:

— Не комплиментничайте. Лучше пойте.

В полусумраке она казалась молодой и обворожительной.

Ну, петь так петь.

— Что вы так коварно улыбаетесь? — засмеялась Одинцова.

— «Furtiva lagrima», — объявил поручик вместо ответа. — Сможете аккомпанировать? Тогда я встану.

Она наивно заиграла вступлением, не чувствуя ловушки.

А дело в том, что, если эту арию классического тенорного репертуара исполнить медовым баритоном, тут растает всякая женщина, даже наинстру-

жайших правил. Если же не растает, то это никакая не женщина.

Татьяна Олеговна оказалась женщиной самой что ни на есть настоящей. Едва злоумышленник допел первую строфу, фрейлина уронила руки на клавиатуру и опустила голову.

— Знаете, — сказала она странным голосом, — когда я была молодой, мне ужасно хотелось полюбить. Один раз и на всю жизнь. Девушкой я не позволяла себе ни в кого влюбляться — боялась растратиться на пустяки. Но тот, кого я ждала, мне не встретился. Может быть, я его не разглядела. Или круг общения был не тот. А потом я перестала ждать, и оказалось, что так даже лучше. Не ждать того, кто придет и всё изменит, а жить сама по себе...

Как тут было удержаться? Алексей опустился на колени, взял ее кисть, прижал к губам. Теперь Одинцова руки не отняла, ее пальцы задрожали. Поручик приподнялся, чтобы обнять фрейлину за плечи — но она нежным движением коснулась его лица. Вроде бы погладила по щеке, но в то же время и остановила.

— Погодите. Сколько вам лет?

— Двадцать пять, — сглупил Романов.

«Я обязанья свои долгу любить
Беззаветный, чьмъ нашъ союзъ,
Монотаконъ явнецъ носить —
Богоданный, но тяжкий грузъ...»

— О боже! — Татьяна Олеговна вскочила, будто обжегшись. — Я надеялась, хотя бы тридцать! Вы выглядите старше. Нет-нет, Алексей Парисович, это совершенно невозможно.

Он снова потянулся к ней, но и сам увидел, что момент упущен. Одинцова поправила платье, рассмехалась.

— Грех вам. Чуть не погубили старую деву брачной трелью соловья. — Посмотрела на часики. — Ах, половина четвертого! Спать, спать... Наверно после такого не уснешь. Но всё равно. Слишком поздно.

Последние слова она произнесла с особенным выражением, словно желая подчеркнуть их двойной смысл. Погрозила пальцем, ушла.

Алексей весело поклонился вслед.

«Ничего не поздно. Наоборот, рано. Вот завершу операцию и займусь вами, сударыня, всерьез. Вы еще не слышали, как я пою элегию Массне».

ХРОНОМЕТРАЖ

Назимов обошел все купе и сообщил, что литерный «Б» отправляется в путь первым, ровно в девять часов, однако в целях дополнительной безопасности, достигнув сортировочной, встанет на запасной путь и пропустит императорский состав. Таким образом, порядок следования на сегодня следующий: впереди поедет поезд «А», за ним с полчасаовым интервалом — поезд «Б».

— Как отреагировал объект? — спросил Романов.

— Загорчал. Сказал, что раз мы вторые, так могли бы и отправиться не в девять, а в половине десятого. У него было бы время написать еще несколько телеграмм.

— Так прямо и сказал?

— Да. Я говорю: «А вы поспешите. Еще целый час». Он закрылся в купе.

Оба офицера были на ногах с шести, когда из тюрьмы пришло сообщение об убийстве связного и охранника. Германский агент проник в лазарет под видом стенографиста. Настоящий стенографист наверняка тоже убит.

Чёткость и безжалостность, с которой противник зачистил концы, лишний раз подтвердила: дело затевается большое, с подключением серьезных ресурсов, а осведомители у немцев буквально повсюду.

Азартное нетерпение, с которым Алексей ждал сегодняшнего утра, сменилось тревожным ожиданием.

Вражеский меч занесен. Единственный шанс предупредить удар — перехватить донесение Штернберга и взять адресата.

В коридор выглянул придворный летописец. Он был оживлен и румян — видно, уже успел опохмелиться.

— На фронт, на фронт! — прогудел генерал. — Запах пороха для старого боевого коня слаще фимиама!

8.19

Сегодня в коридоре возился не электрик, а обойщик. Вчера, возвращаясь от государя, генерал Дубовский пошатнулся и зацепил пуговицей обивку. Невообразимо, чтобы в вагоне Особого Железнодорожного Отряда из стены торчал кусок ткани. Мастеровой человек с рассвета был занят тем, что менял целую панель. Хоть и торопился, но было ясно, что еле-еле успеет до отправления.

К пятому купе подошел камер-лакей. Его уже целую минуту вызывали звонком.

— Дозволите войти, господин барон?

Хмурый господин в бархатной куртке, блеснув стеклышками пенсне, протянул папку.

— Опять заставляешь ждать, Федор? Вот, нынче семь телеграмм.

— Полчаса еще, сударь. Даже больше. Успею-с.

Обойщик цепким взглядом проводил лакея. Подождал, пока за бароном закроется дверь. Побежал докладывать.

8.26

Телеграфов на вокзале было целых три: гражданский — для обычной публики, армейский и еще особый, исключительно для нужд свиты его величества.

Камер-лакей, важный в своей расшитой позументами ливрее, проследовал в отдельное помещение, где чиновник военно-почтового ведомства принял от него депеши, зарегистрировав их под номерами в книгу, но отнюдь не распечатывая. Все сообщения из ОЖО считались закрытыми. Их содержание мог знать лишь дежурный телеграфист, помещавшийся в режимной комнате, у того был секретный допуск.

— Вот, Степан Иванович, — объяснил Федор, — эта стопочка от барона Штернберга, эта вот депеша от его превосходительства генерала Дубовского, и еще телеграммка от фрейлины Одинцовой.

— Всего, стало быть, девять, Федор Гаврилыч? Обождите. Сейчас передам на пункт и принесу квитанчки.

Такой был порядок: за каждую депешу, принятую к отправке, телеграфист выдавал номерную квитанцию.

8.36

Как только чиновник из приемного отдела ушел, забрав у секретного телеграфиста квитанции, из-за шторы вышли два офицера, полковник и поручик.

— Дайте-ка.

Жадно стали перебирать телеграммы.

— В министерство, в министерство, в Царское, в министерство, обер-гофмаршалу, — бормотал Назимов. — Ага, две частных. Это, между прочим, противоречит правилам. Телеграммы личного характера положено отправлять с обычного телеграфа. Но многие, конечно, пренебрегают. Дубовский вон тоже какую-то даму с днем ангела поздравляет.

— Черт с ним, с Дубовским, — непочтительно пробормотал поручик. — Позвольте, Георгий Ардалионович...

Однако Назимов не позволил. Желал прочитывать сам.

— В Ревель, какому-то господину Брауде: «Встреча откладывается тчк Отпуск обещают не раньше Рождества. Штернберг». Вторая в Москву, некоему Липицкому: «Прежние указания отменяю тчк Ситуация изменилась». Вам, Алексей Парисович, которая больше нравится?

— Обе. Нужно срочно сообщить в ревельское и московское жандармские управления. Взять получателей в немедленную разработку. Кто-то из них должен переслать сообщение ударной группе. Скорее всего Липицкий — ему до востребования, а значит, он наверняка уже ждет на телеграфе.

— Отлично. Как считаете, Штернберга уже можно брать?

— Давайтеждемся ответа на запрос из Петрограда. Вольноопределяющийся, не было на имя господина полковника срочной депеши из Охранного?

— Пришла бы — сразу бы сообщил. Разве я не понимаю? — с достоинством ответил телеграфист.

— Ничего. До отъезда не поступит, догонит нас на сортировочной. — Назимов поглядел на часы. — Раз в Петрограде тянут, значит, что-то зацепили.

8.37

Покончив с казенным делом, Федор Гаврилович и Степан Иванович, давние знакомые, позволили себе немного поболтать.

— Отбываете? — спросил почтовый.

— Едем. На фронт.

— Ну, храни Господь.

Федор перекрестился, полез в карман ливреи.

— У меня, Степан Иваныч, еще просьбочка будет, очень обяжете. Не успею я на обычный телеграф, а очень нужно поздравленьице отправить, Вот-с. — Он положил на стойку листок. — У брата старшего день рождения. Не откажете?

— Как можно.

Чиновник взял бумажку.

— Только мне побыстрее бы. Очень хочется братца с утра пораньше обрадовать.

— Прямо сейчас и схожу. Да не в окошко, а прямо на аппарат, к Пал-Семенычу. Еще прежде казенных дойдет. — Степан Иванович поглядел на адрес. — В Жлобине братец-то проживают? Что ж вы до востребования, не на домашний?

— Мальчонка его, племянник мой, с утра весточки ждет. В заговоре мы с Петькой, — добродушно улыбнулся Федор Гаврилович.

— А-а. Жалость какая — будете через Жлобин проезжать, а проведать родственников не получите. Ну, счастливого вам пути.

— Благодарствуйте. Я вам из фронтового штаба зажигалку привезу. Там писарь один из пулеметных патронов делает — заглядение.

В ту самую минуту, когда литерный поезд, пыхтя дымом, отъезжал от платформы могилевского вокзала, на телеграфе городка Жлобин, расположенного в ста двадцати верстах южнее, молчаливый человек принял срочную депешу. Не разворачивая, спрятал в карман. Вышел на улицу — отдал поджидавшему господину в железнодорожной тулупе.

«Антоша благослови тебя Господь тчк Буду девятого», — прочитал путеец. — Превосходно!

— Антоша плагослови? — повторил его долговязый помощник.

— Это значит, что литерный «А» идет первым. В кои-то веки повезло, задача упрощается. Время отправления не изменилось — в девять. У нас три с половиной часа. Пора, пора, рога трубят!

— Какие рога? — подумав, спросил Тимо.

**П Р И Е М Ъ
Т Е Л Е Г Р А М М Ъ**

«лучь солнца въ злато обращаетъ
всё, до чего коснулся баругъ.
Такъ въячесоуць ближннхъ соугъ
своимъ сиянемъ озаряеть»

11.10

Под Могилевым на сортировочной стояли больше получаса, но телеграммы не дождались. Полковник связался с генералом Глобачевым, начальником петроградского Охранного отделения. Тот сказал, что люди сбиваются с ног, но поступили еще не все сведения. Твердо пообещал, что донесение подоспеет к первой же остановке литерного. И не обманул.

На станции к вагону рысью подбежал жандармский офицер, передал прыгнувшему с подножки Романову запечатанный пакет.

Полковник впился глазами в телеграфные ленточки, наклеенные на лист бумаги.

— Здесь сразу два отчета. Первый об адресатах Штернберга. В Ревеле задержан человек, именующий себя статским советником Брауде. Допрашивают. В Москве на телеграфе взят присяжный пове-

ренный Липицкий. Лучше бы, конечно, их не арестовывать, а установить слежку, но нельзя рисковать. Деша ни в коем случае не должна попасть к диверсионной группе. Теперь уж точно не попадет... Так, что во втором отчете? — Взял следующий листок, вчитался, обрадованно воскликнул. — Ага! Коллеги не зря тянули с ответом. Вот теперь, Алексей Парисович, мы потолкуем с господином Штернбергом по душам и начистоту.

11.15

Участок, выбранный для проведения акции, был очень похож на то место, где проводили репетицию. Только не разнолесье, а сплошной ельник, но эти ботанические частности значения не имели. Главное, железная дорога изгибалась точно такой же, даже более крутой дугой. Это обеспечит еще лучший угол наклона, а дозор-

ные из оцепления уж точно не будут видеть своих соседей.

«Трудно в учении — легко в бою», — учил граф Суворов-Рымникский. У Теофельса было приятное предчувствие, что сегодняшняя операция пройдет еще глаже, чем вчерашняя тренировка. Благодаря чудесному подарку Фортуны, «Антоша» шел первым, а значит, Балагур с Тимо смогут заменить болты без спешки, в количестве более чем достаточном.

Все уже давно были на местах. Скоро должны прибыть жандармы оцепления. Но снимать часовых не придется — еще одна поблажка судьбы. «Интернационал» вступит в действие, если кого-то из солдат пощадят обломки крушения.

Боевики разбились на пары. По случаю премьеры все четверо были в сценических костюмах: в жандармской форме и с винтовками.

Что Вьюн?

Стоит под деревом, в тулупе до пят. Немножко дрожит — то ли от холода, то ли после вчерашнего «белого гуся». Во всяком случае не от нервов.

Насчет исполнителя заглавной роли режиссер был спокоен. Этот не подведет.

11.35

Ч через двадцать минут маневровый паровозик на малой скорости идущий от ближайшей станции, потянул через лес две открытые платформы, которые густо щетинились штыками. Люди в шинелях и круглых шапках поочередно поднимались, ждали команды.

— Поше-ел!

Один ловко, привычно спрыгивал на шпалы, отбежал и застывал на месте, пока что по стойке «вольно». Через сто метров точно так же спрыгивал следующий. Дорога, еще недавно пустынная, на глазах обрастала бордюром из живых серо-голубых столбов.

Там, где железнодорожное полотно делало изгиб, с внутренней его стороны, мужик в драном ватнике и треухе ковырял ломом пень. Рядом, у тележки, торчал подросток в длинном тулупе — складывал куски дерева в тачку.

Оба повернулись поглазеть на чудной поезд. Дядька почесал подбородок и снова взялся за работу. Парнишка зевнул, отвернулся. Шапка у него была нахлобучена на самые глаза.

Маленький состав прогрохотал мимо. Спереди к паровозу была прицеплена тележка, и два техника, свесившись вперед, внимательно смотрели на рельсы и шпалы. Ничего подозрительного не заметили, покатали себе дальше.

— Поше-ел!

В десяти шагах от собирателей топлива с грохотом приземлился усатый жандарм.

Оправился, подошел.

— Эй, мужичье! Вы чего тут? Не положено!

Крестьянин замычал.

— Немой, что ли?

Солдат замахал в сторону леса:

— Вали отсюда, вали! Нельзя! Малый, веди отсюда тятюку!

Подросток дернул мужика за рукав. Они вместе взяли тачку, отволокли на полсотни шагов в чашу, затрещали там валежником.

Служивый поглядывал на них строго прищуренным взглядом, но не забывал смотреть и вокруг.

«Грози балзана! Скільки враги!
Майорка, Боже, сберегни!»

Согласно инструкции, до приближения литерного стоять полагалось сверху, на насыпи, чтобы вести наблюдение в обе стороны, а при появлении паровоза надлежало сбежать влево и, развернувшись к дороге спиной, взять на караул. «Влево» в данном случае обозначало внешнюю сторону дуги, так что остаться в живых у дозорного шансов не было, но он о том знать не мог и браво постукивал затекшими от долгого сидения ногами.

Зепп повел биноклем вправо — соседний полевой угадался по блику на штыке, мелькнувшему меж ветвей. Левого разглядеть не удалось. К моменту подхода поезда, когда солдаты спустятся с насыпи, майор собирался переместиться ближе к железнодорожному полотну. Оттуда обзор будет лучше.

Расчетное время прибытия поезда было половина первого, плюс-минус.

12.10

На лбу у камергера, под свесившейся прядью, блестели капли пота. Барон в сотый, наверное, раз попытался приподняться — и был усажен обратно. На диване с обеих сторон за ним бдили конвоиры.

— Вы сошли с ума! — закричал Штернберг, хотел взмахнуть руками — но был взят под локти и только заизвивался. — Сколько раз повторять: никаких бумажек я в окно не бросал! Я — шпион? Как вы смеете! Я буду жаловаться графу Фредериксу! Он знает меня двадцать лет!

Драматическая сцена длилась уже почти целый час, но Назимов особенно не торопился. Главный козырь он пока приберегал.

— Напрасно упираетесь. Ваши телеграммы перехвачены. Связной арестован. Операция не состоится. Кстати, в чем именно она заключалась?

— Какая операция? Хирургическая? — валял дурочку упрямый камергер. — Ничего не понимаю! Что такое «связной»? Кого еще вы арестовали? Тоже ни в чем не повинного человека, вроде меня?

Алексей в допрос не вмешивался. Сидел тихо, присматривался к изменнику. На данном этапе самое важное — не промахнуться с психологическим подходом. Для этого необходимо правильно определить мотивы предательства. Из-за чего аристократ, носитель высокого придворного чина, пошел на сотрудничество с врагом? Из-за денег, из-за убеждений или из-за чего-то иного? Пока ответ был неочевиден.

Полковник разогнал ладонью табачный дым, плотно клубившийся в тесном купе. Поезд мчался на курьерской скорости, за окном тянулся нескончаемый хвойный лес.

— Да, один из задержанных, вероятно, не при чем. Зато второй — наверняка исполняет роль связного. Который — статский советник Брауде из Ревеля или адвокат Липицкий из Москвы?

Романов ждал реакции барона: как он себя поведет, когда эти имена будут названы?

Штернберг удивился.

— Сергей Брауде — муж моей сестры Аделаиды, Липицкий — мой поверенный в делах! Конечно, я нарушил правила, когда отправил личные депеши вместе с казенными. Но это не повод для ареста! А уж Брауде с Липицким точно ни в чем не виноваты!

Тогда Георгий Ардалионович вопросительно поглядел на контрразведчика: не пора? Алексей кивнул.

— Вы мне надоели, Штернберг. — Назимов взял со стола петроградскую телеграмму и личное дело камергера. — О вас был сделан срочный запрос в надлежащие инстанции. Из Корпуса пограничной стражи дали любопытную справочку. В тринадцатом и четырнадцатом годах вы шесть раз пересекали границу с Германией, по частному паспорту. А между тем ни ваше начальство, ни ваши сослуживцы об этих поездках ничего не знают. Из Охранного отделения протелефонировали вашей супруге Марии Карловне. Она сказала, что в Германию вы ездили по служебным надобностям. Что ж это за командировки, о которых в вашем формуляре нет никаких упоминаний?

И здесь сразу стало ясно, что противник сломен. Черты барона исказились ужасом.

— Они... они сказали Маше, что это были не командировки?! О боже...

Он простонал, закрыл лицо ладонями, но конвоиры немедленно водворили руки на место — не положено.

Полковник подмигнул поручику: «Как я его? Сейчас птичка запоеет».

Птичка запела, да не про то.

— О-о-о... — У Штернберга на белесых балтийских глазах выступили слезы. — Что вы натворили! Теперь все кончено! Вы разбили мою семью!

— При чем здесь семья? — не мог понять Назимов, а Романов сдвинул брови. Что-то здесь было не так, совсем не так.

— Да, у меня связь в Баден-Бадене... Давняя... — обреченно повесил голову барон.

Георгий Ардалионович подбодрил его:

— Связь, так-так!

— Что «так-так»?! — Голос арестованного задрожал от отчаяния. — Что «так-так»?!

— Рассказывайте про связь.

— Это драма всей моей жизни! Любимая женщина. Я навещал ее. Втайне от всех. Жене говорил, что еду в командировку...

— Обычная история, не вы первый. Влюбились в даму, она оказалась агентом германской разведки. Рассказывайте, рассказывайте.

Барон взорвался:

— Сами вы агент разведки! Она кельнерша в казино... У нас безумная, безумная любовь. Господи, что вы натворили! Вы погубили Машу! Она истеричка, она руки на себя наложит! У нас трое детей! Представляю, что сейчас творится дома! Что именно ваши болваны сказали Маше? Я должен знать дословно...

Не дослушав душераздирающих причитаний камергера, Алексей тихо поднялся и вышел в коридор.

Дверь сусалинского купе, как обычно, была нараспашку. Журналист, грызя мундштук папиросы, вставлял в каретку лист.

— Есть вопрос, — сказал с порога Романов.

— Сейчас не могу. Занят!

Пальцы борзописца запрыгали по кнопкам, по странице поползла строчка.

— Что вы делаете?!

Поручик выдрал лист, скомкал. Нависнув над сидящим, спросил сдавленным от ярости голосом:

— Отвечать! Зачем Штернберг дожидался вас в купе? Вчера утром. В начале десятого.

Пресс-атташе, кажется, понял: тут что-то важное. Взъерошил волосы.

— Штернберг? Разве он у меня был? Вчера утром, говорите? А, помню. Вы еще в тамбур холоду напустили. Я тогда вообще к себе не заходил, прошел мимо. Мне нужно было в первый вагон. А в чем, собственно...

Но офицер только стукнул кулаком по ни в чем не повинной машинке и выбежал вон.

— Где лакей? — задыхаясь, спросил он у охранника, которому полковник велел стоять в коридоре. — Не видел?

— Который? Федор или этот, как его, плешивый...

— Федор!

— В шестом, у фрейлины. Чай подает.

12.18

Алексей Парисович? Удивленная внезапным, без стука, вторжением Одинцова подняла глаза и

поразилась еще больше. Сладкоголосый певец, который минушей ночью чаровал ее колдовскими песнопениями, обратился в дикого зверя: зубы ощерены, глаза горят бешенством, на лбу надулась жила.

Без единого слова поручик схватил камер-лакея за плечо, развернул к себе и ударом кулака сшиб с ног. С подноса полетели фарфор и серебро, опрокинулся самовар, а Федор рухнул на диван, закрыл голову руками — и вовремя, потому что избиение продолжилось.

— Гадина! — выкрикивал Романов, лупя то справа, то слева. — Подлая гадина! Это ты выкинул листок! Наврал про Сусалина, потом про Штернберга! Маленькая рука ухватила его локоть.

— Что вы делаете?! Перестаньте! Он ошпарился! Глаза у фрейлины сверкали, голос звенел.

— Простите. Тут такое... — неуклюже промямлил поручик.

Тряхнул головой, отгоняя яростную черноту. За шиворот поставил негодяя на ноги, завернул ему руку, выволок в коридор. Ближе всего был салон. Туда-то Романов и потащил изменника. Швырнул на тонконогую козетку, сам навис сверху. Вырвал из кобуры револьвер.

«Притворщикъ ты, пиваатель и паскуда!
Ты государю измѣнилъ, дура!
Тамъ за Царя, за Родину, за Веру
кредеть сломать морзаву-лицетъру!»

Мельком оглянувшись, увидел, что сзади стоят хлопающий глазами охранник и бледная фрейлина.

— Когда покушение? Где?

Кровь из разбитого рта пачкала Федору холеные бакенбарды.

— Двенадцать лет... верой-правдой... — всхлипывал он.

Поручик взвел курок.

— Говори! Убью!

— Не надо! — закричала Одинцова. — Ради бога!

Лакей зажмурился. Салон дрогнул от оглушительного хлопка, пуля высекла искры из стены, в нескольких верхках от головы лакея. Тот завизжал. Хрустнула подломившаяся ножка — Федор сполз на пол.

— Ваше благородие, здесь всюду броня! Отрикошетит! Опасно! — услышал Романов сквозь звон в ушах.

На выстрел вбежал Назимов с обоими конвоирами. Раз оставил камергера без присмотра, значит, уже понял — Штернберг не при чем.

— Вот кто шпион, — кивнул Алексей на съездившегося у стены лакея. — Депеши на телеграфе носит он. И утром тоже отнес. Наверняка отправил донесение. Пока мы тратили время на Сусалину, а

потом на Штернберга, он сделал свое дело. Обвел вокруг пальца...

— Господин полковник! Вот как Бог свят! — закрестился Федор. — Ни в чем не повинен! Какое донесение?

— Это мы легко проверим. С первой же остановки свяжусь с Могилевым и выясню. Пяти минут не займет. — Назимов поднял лакея за плечи, прижал к стене. — Отвертеться не удастся. Может, лучше сразу правду сказать?

Что-то в Федоре изменилось. Он уже не трясся. Был очень бледен и всё косил глазами куда-то вбок, но больше не блял, заговорил твердо.

— Какой смысл? — Вытер губы, сплюнул. — За такие дела все равно виселица. И вообще...

— Что «и вообще»? — шагнул вперед Романов, пытаясь понять, куда поглядывает предатель.

Полковник поднял руку: не вмешивайтесь, я сам.

— Как раз сейчас у тебя верный шанс спастись от петли, — сказал он. — Другого не будет. Выложишь всё начистоту — обещаю снисхождение.

Что-то не совсем понятное происходило с лакеем. С каждым мгновением он становился всё блее, а вместе с тем и тверже. Назимову криво улыбнулся:

— Снисхождение? За царя-то? Наверяд ли.

На стенные часы он смотрит, вот куда, догадался Алексей.

— Предотвращение цареубийства может быть вознаграждено полным помилованием, — продолжал соблазнять Георгий Ардалионович.

Но Федор на него не смотрел, только на часы.

— Теперь уж ничего не сделаешь. Ихний состав первым идет. Не свяжетесь, не остановите. Крышка самодержцу всероссийскому. Меня повесят, это точно. А вас с поручиком под суд.

И хрипло засмеялся, сволочь.

У Алексея опять потемнело в глазах, что-то нервы стали ни к черту.

Кинулся к изменнику, схватил за горло.

— Мерзавец!

— Идите, Романов, погуляйте, — шепнул в ухо полковник. — Теперь нужен добрый следователь. Сейчас он мне всё скажет.

Тяжело дыша, Алексей вышел в коридор. Стал зажигать папиросу — сломал спичку.

Подошла Татьяна Олеговна. Строгим, не терпящим возражений тоном сказала:

— Зайдите ко мне. Я должна с вами поговорить.

Убрал он папиросу обратно в портсигар, вошел за ней в кукольное розовое купе.

— Алексей Парисович, вы вели себя чудовищно!

«Женщин на войну пускать нельзя, — думал Романов. — Только силу отнимают».

— Татьяна Олеговна, ведь он изменник, германский шпион...

— Шпионы тоже люди, — перебила фрейлина.

— Вы же монархистка. Он царя хочет убить!

Одинцова всплеснула руками:

— Это не оправдание, чтобы бить испуганного человека. Тем более стрелять в безоружного! Вы же благородный человек, русский офицер...

12.28

Тимо размахивал ломом, крушил валявшийся на земле сук. Вьюн лениво складывал в тачку сухую щепу.

Жандарм покуривал, посматривал по сторонам — не столько на лес глядел, сколько на дорогу. Наверно, боялся, что командир пройдет по цепи и даст по шее за курение.

Вдруг бросил окурок. Сдергивая винтовку с плеча, сбежал на ту сторону насыпи.

А вот и царь-батюшка, догадался Зепп. Чуть раньше расчетного времени пожаловал. Секунд тридцать осталось ему царствовать, не больше.

Пора было выдвигаться на боевую позицию.

Теофельс побежал вперед, к заранее облюбованному укрытию: дереву, обломанному молнией на высоте человеческого роста. До железнодорожного полотна отсюда было всего полсотни шагов, но ствол защитит от обломков.

Тимо с Вьюном бросили свою тачку, тоже подтянулись к насыпи.

С каждым мгновением грохот становился громче, уж и рельсы завибрировали, загудели.

В это самое время...

-Все еще можно поправить, — задумчиво втолковывал лакею Назимов. — Понимаете, душа моя, — он усмехнулся, — когда я утром объявлял о порядке следования поездов, я сказал неправду. Мы постояли на запасном пути не для того, чтоб пропустить вперед царский состав, а для маскировки. Литерный «Б» все равно движется первым. Государю ничто не угрожает. Вы только скажите мне, когда и где именно намечена диверсия, а уж я...

— Мы первые?! — закричал Федор. Уставился на часы. — Господи, мы погибли!

Оттолкнул полковника, кинулся мимо опешивших охранников к стоп-крану и рванул его обеими руками.

СНОВА ВСТРЕТИЛИСЬ

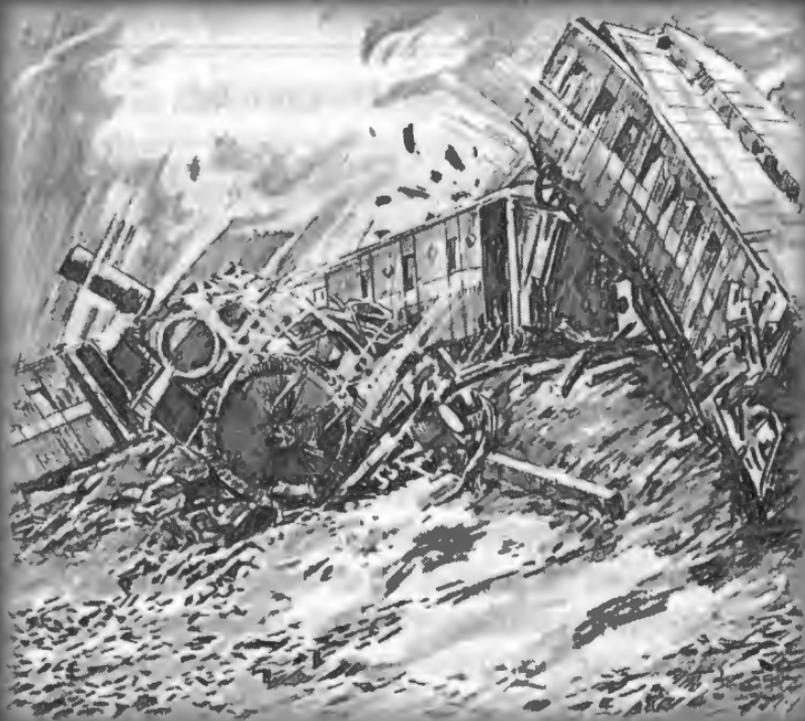
Крушение

Паровоз сначала замелькал темной торпедой среди серо-зеленых елей, потом вылетел на линию прямого обзора — и вдруг задержался, запрыгал на рельсах, будто невидимый всадник крикнул на него «тпру!» и натянул поводья. Из-под колес второго вагона посыпались огненные искры.

Кто-то нажал на стоп-кран!

Зепп обхватил руками ствол и закричал — за скрежетом все равно никто бы не услышал.

Но до фальшивых болтов было слишком близко. Состав едва начал притормаживать, когда туша паровоза, накренившись на повороте, достигла критического места. Рельсы один за другим полезли вкось, будто рассыпавшиеся гвозди. Сам локомотив с разбега проскочил; первый вагон хоть и скакнул, но то-

«Смертельно от войны уставь,
Россия! Гибнешь безь возврата...
Летать подь насыпь наше составь.
Невосполнимая утрата!»

18

же удержался, а вот второй, с намертво вставшими колесами, качнулся, оторвался, да и повалился на бок, увлекая за собой и последующие, и предыдущий.

— Есть! Есть! — заорал Зепп.

Рядом вопил и махал шапкой Балагур, которому вообще-то полагалось держаться позади майора. Вьюн задумчиво смотрел в небо. Тимо качал головой.

Железные коробки встали дыбом, полезли друг на друга, поезд изогнуло зигзагом, швырнуло на ту сторону. Развернуло и кинуло поперек трассы паровоз, взметнулось и лопнуло белое облако — даже на расстоянии лицо Теофельса обдуло горячим паром.

Обломков разлетелось гораздо меньше, чем от вчерашнего товарняка, — вероятно, из-за бронированности вагонных корпусов.

Через несколько секунд пустая насыпь ежилась вывернутыми рельсами, над ней клубилась пыль. Был литерный поезд, да сплыл.

— Живей, пока не набежали! — крикнул Зепп.

Но Тимо с Вьюном уже мчались вперед. Юркий китаец скинул тулуп, в своем черном трико он был похож на комарика.

Отстав от передней пары шагов на двадцать, Зепп с Балагуром вскарабкались по гравию к шпалам.

Майор быстро огляделся, оценивая обстановку.

Крушение было высококачественное, первоклассное. Вагоны, несмотря на хваленую броню, валялись сильно помятые, два — вверх тормашками. После ужасающего грохота и треска стало очень тихо. Только жалобно свистела струя пара, вырывающаяся из пробитого котла, да откуда-то из-под груды железа доносился слабый стон. Даже удивительно, что в этой каше кто-то еще жив.

Часовых оцепления, естественно, передавило. Пока остальные опомнятся, да подтянутся, дело будет кончено.

Для лучшего обзора Зепп влез на тендер поверженного паровоза. Метрах в ста от места аварии метался и размахивал руками жандарм.

— Не подходи! — зычно крикнул ему майор. — Беги за офицером!

Балагур, тоже одетый в железнодорожную форму, должен был точно так же отослать солдата у хвоста поезда. Пригодится каждая выгаданная секунда.

Пара минут Вьюну уж точно обеспечена, тем более что махать ломом усердному Тимо не придется. Земля была вся усеяна стеклянными катышками. Не выдержали пуленепробиваемые стекла — влезай в любое окно.

А коли мастеру мануальной терапии не хватит времени — вставай, проклятьем заклеименный. «Интернационал» наготове, ждет команды.

Китаец прыгал возле окна — второй вагон перевернулся колесами кверху, и нормальный человек влез бы без труда, однако недомерка пришлось подсаживать. Тимо исполнил это в секунду.

Маленькая фигурка исчезла в черной дыре.

Вверх дном

Романов всегда подозревал, что тот свет устроен совсем иначе, чем учит церковь и воображают люди. Что Алексей мертв, было ясно. Не-

возможно остаться в живых после того, как тебя швыряет и перемалывает, словно зернышко в мельничных жерновах, а после вышибает дух.

Открыл он глаза и сразу сказал себе: «Я умер». Умирать было жутко и больно, но длилось это недолго. А теперь ни боли, ни страха, ни сожалений. Ничего особенно ценного на этом (то есть уже на *том*) свете Алексей Романов не оставил.

Загробный мир отличался от бренного не сильно — примерно как отражение в зеркале отличается от оригинала: всё то же самое, но левое становится правым, а правое левым. Так и здесь, только поменялось не право-лево, а верх и низ.

Погибнув, Алексей остался в том же самом розовом купе, где дух распрощался с телом, однако пространство перевернулось вверх дном. Романов лежал на потолке, возле лампы и глядел на пол, с которого свисал наполовину оторвавшийся палас.

— Алеша, Алеша... — звал кто-то.

Оказывается, смерть не разлучила его с Одинцовой, она лежала здесь же, на потолке, в задравшемся платье и с растрепанной прической. Романов ей ужасно обрадовался.

— Мы вместе, — пролепетал он. — Как хорошо...

— Вы оглушены, — сказала фрейлина, вставая на четвереньки, причем под коленом у нее что-то хрустнуло — кажется, блюдце. — У меня, по-моему, все цело, переломов нет, а у вас? Дайте-ка. Так не больно?

От прикосновения живых, горячих женских рук поручик окончательно очнулся.

— Черт... — Он приподнялся, ошарашенно озираясь. — Никогда не сидел на потолке. Кажется, мы перевернулись... Вроде бы я в порядке. Невероятно! Как это мы уцелели?

— Это потому что купе обито умягчителем... Наш поезд сошел с рельсов. Что с остальными?

— Сейчас посмотрим.

Встав и оказавшись лицом вровень с диваном, Алексей дернул дверь. Она подалась неохотно.

— Давайте-ка лучше выберемся наружу. Может начаться пожар...

Странно было видеть над собой столешницу. Стул-то моментально переметнулся в антиподы — валялся под ногами.

Романов обернул руку свисающей не в ту сторону шторы, смахнул с рамы битое стекло.

Высунулся наружу и тут же нырнул обратно.

— Там человек, — прошептал он, хватаясь за кобуру.

— Надо его позвать!

— Тише! Я видел его прежде. Он немецкий шпион.

Очень осторожно поручик выглянул снова.

Никаких сомнений. Уroda с лошадиной физиономией он видел перед самым началом войны. Слуга и помощник веселого резидента, который так ловко обвел вокруг пальца лопуха Алешу Романова.

— Наружу нельзя. Это диверсия, устроенная немецкой разведкой. Они думают, что пустили под откос царский поезд. Их тут наверняка целая команда. Спрячьтесь! В туалетную комнату! Только не шумите!

Он помог Одинцовой перелезть через высокую притолоку и вернулся к двери. Уперся спиной в стену, поднатужился, отодвинул неподатливую дверцу шире.

В коридоре раздались легкие, невесомые шаги — будто не человек идет, а призрак. Или Ангел Смерти.

Сон в красном тереме

Перевернутый мир, в который попал Чжэнь, пришлось ему по вкусу. Это, конечно, был тоже сон, в который он провалился через черную дыру, но очень хороший, похожий на реальность.

Чжэнь скользил по потолку, перешагивая через лампы. В салоне сверкало лаком расколотое пианино, белые клавиши валялись, словно выбитые зубы; опрокинутый стол напоминал четырехрогое чудовище; на проводе, будто сушеный гриб с нитки, свисал торшер.

Электричество отключилось, но света, проникавшего через выбитые окна, было вполне достаточно.

Первый труп попался почти сразу же. Из-под какой-то тряпки, навверное, скатерти, торчали ноги в штиблетах. Вьюн наклонился — человек с квадратной челюстью бульдога. Не тот.

В двух шагах был кто-то в золоченой ливрее, с мокрыми от крови щеткообразными волосами на лице. Тоже неживой и тоже не тот.

Ну а после этого Чжэнь нашел, кого искал. Под упавшей картиной, ничком, лежал человек в военной форме, с золотым погоном. Вензель есть? Есть. Маленькая бородка? Вот она.

Жив он или нет, Вьюн не определил. Рывок, хруст шейных позвонков — и уже не имело значения, когда наступила смерть: только сейчас или во время крушения.

Дело сделано. Белый гусь ждал Чжэня, чтобы унести из мира скверных снов в настоящую жизнь, где заждалась своего спасителя принцесса в красном тереме.

Вьюн оторвал золотой погон в качестве доказательства и хотел вернуться к тому же окну, через которое вошел, но вдруг заметил нечто интересное.

Полумрак в открытой двери ближнего купе пунцовел или алел, а может быть, багровел диковинным, нежным цветом. Точно так же выглядел заветный терем — когда его освещало восходящее солнце, он казался не красным, а розовым.

«Когда увидит и увидит за грань,
Съ волшебной пуночковой кажда
Протянет руку, скажет: «Рыцарь, встань!»
Всё не закончится — увидишь — всё пропадет»

Заинтригованный интересным поворотом сновидения, Чжэнь двинулся к манящей нише. А вдруг из сна можно выбраться безо всякого гуся? Что, если есть другой путь к красному терему? Вдруг из двери выглянет луноликая принцесса, протянет навстречу витязю руку, и в руке будет сверкать алмазная звезда, озаряющая путь?

— Всё так и вышло.

Из красного терема высунулась рука, и в руке воссияла звезда, и грянул небесный гром, и Чжэнь пробудился от дурного сна, чтобы никогда больше в него не возвращаться.

Он упал на спину, уставившись широко раскрытыми глазами на синюю, как небо, ковровую дорожку. Во лбу у него чернела круглая дырка.

Проклятье!

Выстрел, грянувший из вагона, был подхвачен эхом и разнесся далеко по сонному ноябрьскому лесу.

Проклятье! Чистой работы не получилось.

Но Теофельс был готов и к такому повороту событий.

Значит, у нас будет не вегетариански-платоническая железнодорожная катастрофа, а вариант номер два: нападение злодеев-революционеров.

Зепп дунул в свисток, прыгнул с тендера и двинулся ко второму вагону, чтобы проверить, как там Вьюн. Тимо стоял возле окна, в которое влез китаец, махал рукой. От хвоста навстречу Теофельсу бежал Балагур. Так же слаженно действовали и боевики: Чуб с Финном, лязгая затворами, неслись к паровозу. Их дело — сдерживать жандармов, которые попрут спереди. Кмицица и Маккавея майор со своей

позиции видеть не мог, но они, верно, уже заняли оборону у последнего вагона.

Сердце билось празднично, и Зепп понял, что даже рад усложнению задачи. Участвовать в великом деле, апофеозе всей карьеры, в качестве праздного наблюдателя было бы обидно. Пускай всё совершится под гром салюта.

— Не лезьте без меня! — завопил Балагур, видя, что майор подоспеет к Тимо первым. — Мало ли чего там?

На крик из окна — не того, где стоял Тимо, а другого, расположенного ближе к Зеппу, — вдруг высунулась светловолосая голова, золотопогонное плечо, рука с «кольтом». Первым же выстрелом меткий стрелок уложил Балагура. Вторую пулю хотел послать в Тимо, но майор на бегу, не целясь, открыл огонь. Попасть не попал, но заставил офицера обернуться.

Расстояние между ними было шагов десять, однако Теофельс снова промахнулся — от изумления.

Голова исчезла, а Зепп прижался к стене вагона и присвистнул.

Вот это встреча! Тот самый щенок, с которым пили на брудершафт в романтической хижине, среди полей. Как же его звали? Романов, Алексей Романов,

подказала натренированная память. Уже не щенок — вполне зрелый и зубастый пес. Загрыз бедного Балагура, не поперхнулся. Два «георгия» на груди, солдатский и офицерский, это заслужить надо.

Ай-ай-ай. Не сожрал ли этот волкодав и малютку китайца?

У последнего вагона загремели выстрелы, почти сразу же началась перестрелка и с противоположной стороны. «Интернационал» не давал жандармам подойти.

— Не высовывайся, Тимо! — крикнул Зепп по-немецки. — Я сейчас!

Пригнулся. Пробегая под окном, откуда стрелял пришелец из прошлого (мелькнуло что-то розовое), майор швырнул лимонку.

Хорошо, что, пробежав, оглянулся назад — иначе это мгновение стало бы в жизни Йозефа фон Теофельса последним.

Один дьявол знает, каким чудом в те три секунды, пока прогорает фитиль, русский сумел схватить гранату и выкинуть ее обратно, но Зепп едва успел кинуться на землю. Осколки просвистели над ним, оставив несколько зазубрин в стене вагона, но от разрыва Теофельс оглох. Все последующие события

для него происходили, как в синема — беззвучно. Только вместо игры тапера в ушах звучал неумолчный гул, будто голова превратилась в колокол, и настырный звонарь колотил, колотил в него медным билом.

«Куда?! Назад!» — прикрикнул контуженный на сознание, попытавшееся нырнуть в зыбкий туман. Разряд обжигающей ярости помог встряхнуться. Раскисать не время! Операция будет доведена до конца!

Майор вытер сочившуюся из уха кровь, помотал головой, но от гуда не избавился и сказал себе: лечиться будем потом. Если выкарабкаемся. А не выкарабкаемся — на тот свет берут и с лопнувшими перепонками. Оттолкнул всполошившегося Тимо.

— Со мной всё отлично!

Вероятно, он крикнул громче, чем следовало. Тимо отшатнулся.

— За мной!

Зепп подтянулся, заглянул через раму. Никого. Перекинул тело, спрыгнул на пол (то есть, на потолок). Выставил вперед пистолет.

Шелохнулся воздух — это к хозяину присоединился Тимо.

Паршиво идти под пули, полагаясь на одно зрение. Майор подал знак: слушай внимательно и, если что, предупреди.

Тимо кивнул и показал вперед, потом назад. Наверное, выстрелы с обоих концов поезда стали гуще.

— Когда перестанут стрелять, дай знать, — прошептал Зепп одними губами. — Всё, вперед! Прикрывай!

В принципе они должны были находиться прямо в императорском купе, но из-за того, что всё вверх ногами и мало света, Теофельс никак не мог сориентироваться. Еще этот шум в ушах!

Увидев труп в военной форме, с оторванным погоном, Зепп было возликовал. Вьюн все-таки сделал свое дело!

Но это был не царь, а начальник дворцовой полиции полковник Назимов. В царском поезде ему находиться не полагалось. Глаза уже привыкли к полумраку, Теофельс посмотрел вокруг и пошатнулся.

Это не императорский вагон! Там другая обшивка. Другая мебель. Это салон второго вагона в поезде сопровождения!

«ВСЁ ВВЕРИТЬ ДЛОМЪ, ЯКЧЕГО НА ОСТАЛОСЬ,
ТОЛЬКО ЯЪ СЕВРАДО ГЛУХАЯ УСТАДОСТЬ,
ТОЛЬКО СПОЛЕХИ СМАРТНЫИЪ ОГНЕИ
ВЪ ПЕРЕВЕРНУТОМЪ ЦАРСТВЕ ТЪНЕИ»

Под откос пущен литерный «Б»! Всё пропало. Операция провалена. Как такое могло случиться? Зепп не знал и не собирался сейчас ломать над этим голову.

Если сражение проиграно, зачем зря гибнуть? Тот, кто выживает, получает шанс на реванш. Где-нибудь, когда-нибудь — неважно. Но мертвые отыгаться за поражение не могут.

Однако kloкотавшая в груди ярость не дала майору поступить единственно разумным образом — поскорей унести ноги.

Где-то в недрах вагона засел мерзкий щенок, из-за которого череп Зеппа превратился — нет, не в колокол, это слишком романтично — в чугунный котел. И еще майор знал, чуял инстинктом разведчика, что его знакомец по четырнадцатому году каким-то образом причастен к этому провалу.

Тимо дернул хозяина за рукав, опять показал куда-то. Очевидно, пальба усилилась.

— Стреляют? — спросил Зепп. — Тогда время еще есть. Сделаем одно дельце, потом уйдем. Держи на мушке коридор.

Он толкнул дверь ближайшего купе — того самого, розового. Заглянул через притолоку, которая была

ему по пояс. Внутри никого. Зепп разрядил остаток обоймы в дверь санитарного узла. Вставил новую.

Под прикрытием Тимо переместился к следующей двери.

Там, заваленный бумагами и чемоданами, лежал важный господин в стальном пенсне. Одну пулю майор всадил ему в голову, на всякий случай. Остальные потратил на туалет. Перезарядил.

Купе с номером 4 тоже ничем не порадовало. Кто-то в генеральской форме свешивался с привинченного к полу стола, вниз капала кровь. Пулю в затылок генералу, остальные — в дверь туалета.

Дальше.

Дверь купе № 3 оказалась нараспашку. В углу, раскачиваясь, сидел и нянчил сломанную руку окровавленный человек. Он посмотрел на Зеппа и что-то сказал. Наверное, попросил о помощи, но было неслышно.

Теофельс перелез внутрь, заглянул в туалетную. Потом добил калеку — без особой нужды, просто от обиды на подлую судьбу.

Под ноги Зеппу рыбкой нырнул Тимо. Пистолет в руке дымится, на щеке сочится красная полоса. Слуга показал вправо, изобразил, будто стреляет.

Ясно: щенок опять показал зубы. Высунулся откуда-то и чуть не уложил старину Тимо — пришлось тому сигануть в укрытие.

— Ты в него попал? — одними губами спросил Зепп. — Попал? В него? Не попал... Он далеко?

Тимо показал два пальца.

— Через одно купе? Ясно. Высунься, прикрой. Молодец, понял.

Слуга быстро выглянул в коридор, держа пистолет наготове. Подал знак: можно.

Зепп перелез через притолоку. Дверь купе номер один была приоткрыта. Вот он где, гаденыш. Ну, теперь поквитаемся.

В ловушке

Высунувшись из укрытия, Алексей очень рисковал, но повезло — долговязый немец лишь оцарапал ему шею пулей. Романов тоже про-

махнулся, зато вынудил противника очистить коридор. Теперь стратегически важное пространство было у поручика под прицелом. Но преимуществом он пользовался недолго.

— Боже мой! — вскрикнула за спиной Одинцова.

Он обернулся. Оказалось, что фрейлина заметила кровь у него на воротнике и вообразила, будто Алексей опасно ранен. Успокоив женщину, он хотел вернуться на позицию, да поздно — слева жахнули из двух стволов, едва спрятался.

Коридор вновь просматривался и простреливался с той стороны. Дело стало совсем дрянь.

Они с Татьяной Олеговной, покинув розовое купе, хотели уйти через тамбур, но выход заклинило. Потом из салона раздался шум, пришлось спрятаться в назимовское купе. И вот оно превратилось в ловушку.

Если б не Одинцова, можно было бы рискнуть, выбраться наружу через окно: выпрыгнуть, перекувырнуться. Глядишь, не попали бы. Но на акробатические кульбиты Татьяна Олеговна была неспособна, бросать ее одну на верную гибель тоже было нельзя, вот теперь и пропадали вместе. Романов знал, что произойдет дальше. Подкрадутся, снова

кинут гранату и, пока он будет ее ловить, изрешетят выстрелами в упор.

Послышались осторожные шаги. Кто-то медленно приближался, ступал по стеклянной крошке. Еще секунда-другая, и конец.

— Дайте! Быстро! — шепнул поручик, неучтиво тыча пальцем.

Одинцова, слава богу, поняла, чего он хочет. Нагнулась, подала валявшуюся под ногами фарфоровую чашку.

Чашку Алексей швырнул о стену коридора и мгновение спустя высунулся. Шанс был минимальный, но не использовать его было нельзя.

Всё произошло в десятую долю секунды.

Человек в коридоре (это был не тощий урод, а развязный потомок крестоносцев) дернулся в направлении разлетающихся осколков, ствол его пистолета качнулся в сторону. Промахнуться с такого расстояния было невозможно, но выстрелить Романов успел всего один раз. В тот же миг его будто ударило раскаленной палкой по шее — почти в то же место, где полминуты назад уже оставила царапину пуля, но несравненно сильнее.

Зепп отлетел к стене, закричал, прошуршал плечом по обоям, упал.

Романов стукнулся затылком о дверную раму, заклокотал горлом, сполз вниз.

К майору с истошным воплем кинулся Тимо.

Поручика подхватила на руки ахнувшая Татьяна Олеговна.

Как раз оборвалась пальба и снаружи.

Это есть наш последний

Тарас бежал шустрее Финна и потому успел занять хорошую позицию, в железной кабине перевернутого паровоза. Жандармы были близко: один впереди, сзади двое, а там из-за деревьев еще несколько.

Первый увидел Тараса, закричал:

— Ты из которого взвода?

А потом:

— Эй, ты чего?!

И упал, сбитый с ног пулей.

Тарас выстрелил по следующему, но мимо, а потом те залегли и тоже открыли огонь. Увальню Финну пришлось спрятаться за кучей рассыпавшегося угля, на открытом месте. И доставалось ему тяжелей, чем Тарасу. Жандармы подбегали все новые — кто палил прямо на ходу, кто с колена — и метили они всё больше по хорошо видной черной мишени. Фонтанчики угольной пыли так и разлетались. Финну, поди, и прицелиться-то нормально было нельзя. А Тарас бил аккуратно, ему за металлической стенкой было спокойно.

Положил одну голубую шинель, вторую. Только взял на мушку подбежавшего офицера, да скакнула по железной скобе оранжевая искра — кусочек свинца отрикошетил Тарасу прямо в висок.

Збышек высадил одну за другой три обоймы. Он волновался, от этого спешил нажать на спуск и, кажется, ни в кого не попал. Очень это было ему обидно; Збышек всё сильнее сердился на себя за промахи, не понимая, что частым огнем не дает поднять головы

солдатам, накапливающимся у хвоста разбитого поезда, — то есть отлично справляется с поставленной задачей. Погубил он себя тем, что наконец решил бить наверняка и слишком высоко приподнялся. Винтовочная пуля попала ему прямо в белые зубы, и он захрипел, опрокинулся, несколько раз дернулся, затих.

Гирш, наоборот, берег патроны. Он пристроился между колес, расчетливо, и на одном месте не задерживался. Выстрелит раз — переберется к другому колесу, чтоб не подловили.

Поляк уже перестал поддерживать его огнем, а Гирш всё маневрировал, всё держал жандармов на дистанции. Он воображал себя последним защитником крепости Масады, которые погибли, но живыми врагу не дались.

Бывалый жандармский вахмистр, потихоньку подползший сбоку, ранил боевика двумя меткими выстрелами: в локоть и в плечо.

От боли Гирш на несколько мгновений потерял сознание. Из карабина стрелять он больше не мог и вынул револьвер. Там в барабане было семь патронов и можно было продержаться еще полминуты или даже минуту, но Гирш испугался, что снова ли-

«Самовольца — царь всеяленной,
онъ тайну жизни не достигъ,
но разрушавъ ее вмигъ
своею волей несогбенной»

шится чувств и тогда они возьмут его живьем. Поэтому он приставил револьвер к подбородку дулом вверх и спустил курок.

Петри лежал нескладно, под густым огнем, но отстреливался дольше всех. Под конец жандармы били по нему залпами, не поднимешься. Но он все-таки высовывал дуло и палил вслепую. «Ничего, ничего, ничего», — повторял он шепотом и совсем ни о чем не думал. Только ждал двойного свистка. Начальник сказал, что после двойного свистка можно уходить. Уходить Петри собирался так: распластавшись по земле, отползти по-рачьи к первому вагону, потом на четвереньках, потом бегом к лесу.

Его застрелил тот же ушлый вахмистр, что уложил Маккавея. Подобрался сзади, неторопливо прицелился, и готово.

ПОСЛЕ ПОЕДИНКА

В лесной чаще

По чавкающему грязью оврагу, по трескучему валежнику, через глухую чащу волок на себе неутомимый Тимо раненого майора фон Теофельса. Зепп болтался у слуги на спине бессмысленным мешком и время от времени вскрикивал.

— Noch ein bißchen! Noch ein bißchen!⁶ — причитал Тимо.

Сделать перевязку пока было никак нельзя, сначала требовалось уйти подальше от железной дороги, но стоны хозяина разрывали сердце, а больше всего Тимо боялся, что барин истечет кровью. Рана была в живот. Может быть, oh Mein Gott, смертельная...

⁶ Еще немножко! (нем.)

— Кончено, кончено... — сипел фон Теофельс.

Когда он заплакал, слуге стало совсем страшно. Даже в раннем детстве Зепп плакал редко, а позднее вообще ни разу.

— Еще десять минуточек и перевяжу, — пообещал Тимо. — Потерпите.

Оглуший Зепп не услышал, зарыдал еще горше. Не от боли. Рану, от которой он плакал, перевязать было невозможно.

На месте трагедии

Паровоз пыхтел в сотне шагов от последнего из покореженных вагонов. Литерный «А» прибыл полчаса назад, его величеству доложили о случившемся. Старший из генералов свиты хотел немедленно эвакуировать поезд в обратном направлении, но государь воспротивился. Он желал лично осмотреть место трагедии — почтить

память погибших, ободрить пострадавших, поблагодарить молодцов-жандармов, которые истребили злоумышленников. Двадцать восемь лет назад, когда в Харьковской губернии перевернулся императорский поезд, Николай уцелел чудом; потом французский прорицатель напроорочествовал ему, что нынешнее царствование закончится на рельсах. Стоит ли удивляться, что к железнодорожным катастрофам его величество относился с болезненным интересом.

«Второй раз Бог спас», — думал он взволнованно, но на лице ничего кроме приличествующей событию скорби не отражалось. Император хмуро говорил свитскому генералу:

— Кто бы они ни были, революционеры или германские диверсанты, извольте распорядиться, чтоб факт нападения был сохранен в тайне. При нынешнем положении дел лишнее потрясение государству ни к чему. И про то, что с рельсов сошел поезд из Особого железнодорожного состава, в сводке сообщать не нужно. Просте потерпел аварию воинский эшелон. Жертв много?

— Считаю, ваше величество. Вот они...

Генерал показал туда, где под насыпью складывали мертвецов. Шеренга была не очень длинной, тел пятьдесят.

— Пусть газеты так и напишут: число жертв невелико.

Император снял фуражку, перекрестился. Его лицо стало совсем траурным.

— Неужто погибли все? — спросил он, понизив голос.

— Почти, ваше величество...

Две густые цепи жандармов стояли прямо в лесу, далеко от дороги, выставив штыки, хотя теперь что уж?

Государь медленно шел, останавливаясь и склоняя голову над каждым покойником. Большинство этих людей он знал в лицо, многих по имени.

Всякий раз, когда его величество сотворял крестное знамение, то же самое делала вся свита.

Над полковником Назимовым царь тяжело вздохнул. Над генералом Дубовским прослезился. А поручика Романова его императорское величество так и не увидел, потому что во время высочайшего обхода над тяжело раненым офицером колдовал лейб-медик.

«Безмолвно стоял «русский» князь,
Без словъ являясь вратамъ,
Парады победы принималъ
Во гробъ сходящій императоръ»

Наконец врач поднялся с корточек, ассистент полил спиртом на окровавленные руки.

— Что, доктор, что? — взмолилась фрейлина Одинцова. Ее искусанные от тревоги губы покраснели и опухли. — Плохо?

Вид поручика был страшен. Шея обмотана, лицо бело-голубое, закрытые глаза похожи на ямы.

— Если б он был певец, тогда, конечно, плохо, — бодро отвечал лейб-медик. — Гортань пробита, связки задеты. А офицеру не страшно. Будет хриплый командный голос. Не плачьте, милая. Выживет.

И поспешил дальше — из обломков хвостового вагона достали еще раненых.

Татьяна Олеговна села прямо на холодную землю и разрыдалась. Стала гладить лежащего по лицу. От этого прикосновения Алексей шевельнулся.

Она...

Что-то он собирался сделать... Ах да, элегия Массне.

Улыбнувшись, Романов задвигал губами.

«О где же вы, дни любви...»

— Молчите, молчите, нельзя! — вся задрожала она.

Ага, затрепетала!

Уста раненого издавали невнятный сип, но Алексею казалось, что никогда еще его голос не звучал так мощно, так волшебно.

Наклонись же, поцелуй меня! Неужели медовый баритон утратил свою власть?

«Сладкие сны, юные грезы весны...»

Нет, не утратил!

Милая женщина нагнулась и поцеловала бредящего поручика в губы — чтоб замолчал.

Конец восьмой фильма

ПРОДОЛЖЕНИЕ БУДЕТ

ХРОНИКА

Король Греции Георг

**Король Португалии
Карлуш**

**Король Италии
Умберто (английская
карикатура)**

Король и королева Сербии Александр и Драга

**Шах Насер ад-Дин
и королева Виктория**

Крушение императорского поезда 17 октября 1888 г. у ст. Борки

Станция Могилев-на-Днєпро. Вокзал

Николай II со свитой в Ставке

Отряд мотоциклистов при Ставке

**Николай II с офицерами
Ставки**

**Встреча на Могилевском
вокзале**

**Царская семья в поезде
и около него на ст. Могилев**

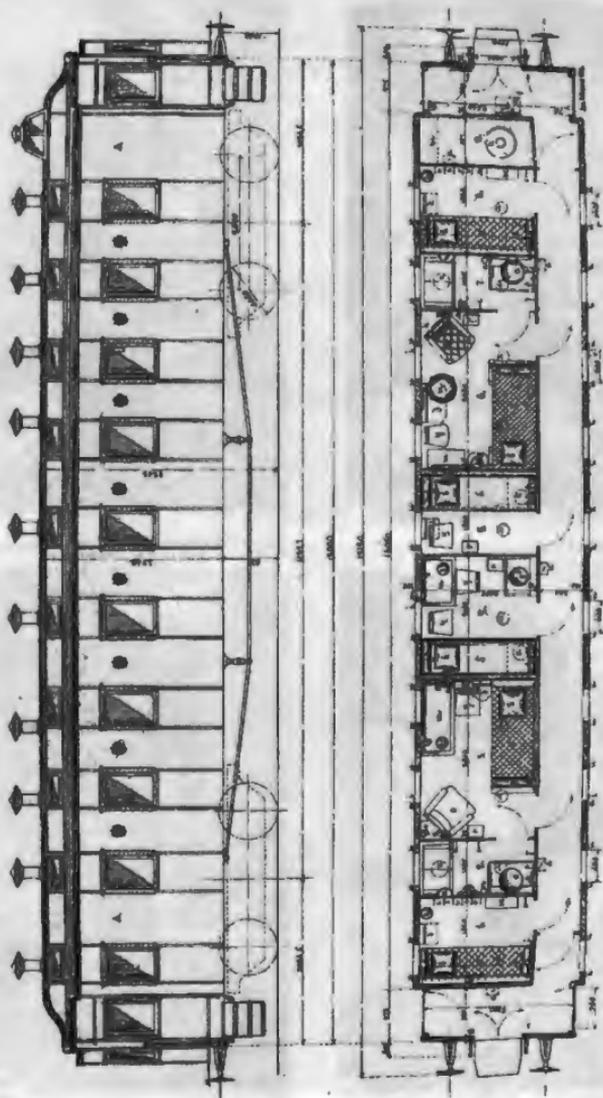
**Карта железной дороги
Петроград-Могилев-Киев
(1916 г.)**

Вагон императорского поезда. Общий и торцовой виды

Императорский поезд. Кабинет государя и столовая

Вагон-спочивальня. Детальный чертеж

Покон государыни

Письменный стол государыни

Кровать-гамак государыни

Умывальник государыни

Мужское купе

Дамское купе

Купе для Фрейли

Купе для инспектора высочайших поездов

Кухня высочайшего стола

Банная их воанчеств

Мотодрезина (фото из коллекции С.М. Прокудина-Горского)

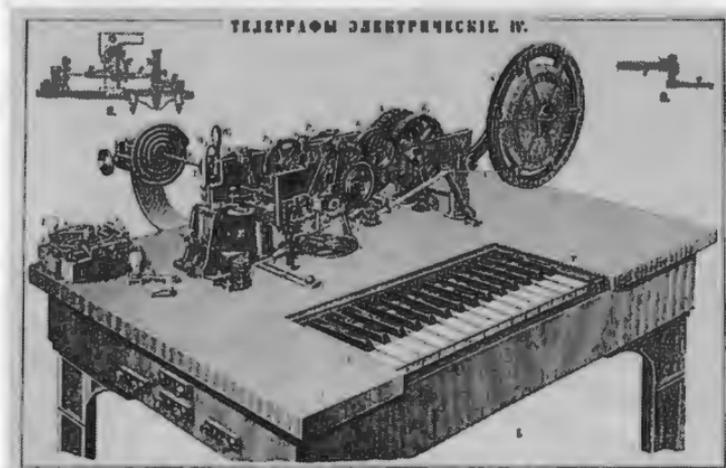
Велодрезина железнодорожной жандармерии

Пассажирские паровозы (Фото из коллекции С.М. Прокудина-Горского)

На военном телеграфе

Телеграфный аппарат Юза

СОДЕРЖАНИЕ

«Мария», Мария...

5

Ничего святого

153

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Акунин Борис
Смерть на брудершафт
роман-кино

«Мария», Мария...
фильма седьмая

Ничего святого
фильма восьмая

Зав. редакцией *М.С. Сергеева*
Ответственный редактор *М.Г. Мельникова*
Технический редактор *Т.П. Тимошина*
Компьютерная верстка *Е.М. Илюшиной*

ООО «Издательство АСТ»
141100, РФ, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, д. 3а

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

По вопросам оптовой покупки книг
издательской группы «АСТ»
обращаться по адресу:
г. Москва, Звездный бульвар, 21 (7 этаж).
Тел.: 615-01-01, 232-17-16

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Борис Акунин
«СМЕРТЬ НА БРУДЕРШАФТ»
роман-кино

Борис Акунин
ПРОЕКТ «ЖАНРЫ»

ИНТЕРНЕТ-ВЕРСИЯ РОМАНА-КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ «КВЕСТ»
НА САЙТЕ WWW.ELKNIGA.RU/AKUNIN

Борис Акунин
**«ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ,
 ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СЕСТРЫ ПЕЛАГИИ»**

**Борис Акунин
Григорий Чхартишвили
«КЛАДБИЩЕНСКИЕ ИСТОРИИ»**

**ЭТУ КНИГУ НАПИСАЛ ОДИН ЧЕЛОВЕК,
НО У НЕЕ ДВА АВТОРА:
ЭССЕИСТ ГРИГОРИЙ ЧХАРТИШВИЛИ
И ЕГО ALTER EGO
БЕЛЛЕТРИСТ БОРИС АКУНИН.**

**Г.Ч. расскажет вам
о шести старинных некрополях,
расположенных в разных частях света.
Б.А. напугает кладбищенскими рассказами,
где вы встретитесь
с помещицей Салтычихой,
с Оскаром Уайльдом,
с основоположником марксизма
и даже с сыщиком Эрастом Фандориным...**

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА **act**

ПРИБОРАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

В Москве:

- м. «ВАНХ», г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «ХЛ-2», т. (495) 641-22-89
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (495) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукшинская», ТРК «Шука», ул. Шукшинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ТРК «Парк Хаус», ул. Султанова, д. 50, т. (343) 216-55-02
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ТЦ «Красная площадь», ул. Дзержинского, д. 100, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- г. Новосибирск, ТЦ «Мега», ул. Ватутина, д. 107, т. (383) 230-12-91
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ТЦ «7 пятниц», ул. Революции, д. 60/1, т. (342) 233-40-49
- г. Ростов-на-Дону, ТЦ «Мега», Новочеркасское ш., д. 33, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- г. Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- г. Самара, ТЦ «Космопорт», ул. Дыбенко, д. 30, т. 8(908) 374-19-60
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр. Октября, д. 26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калининна, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

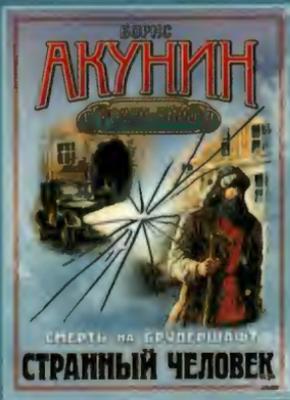
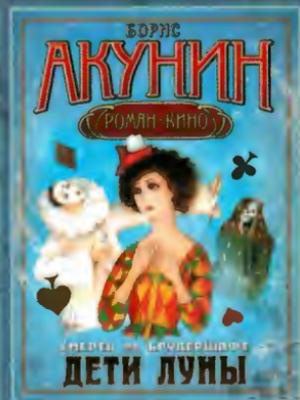
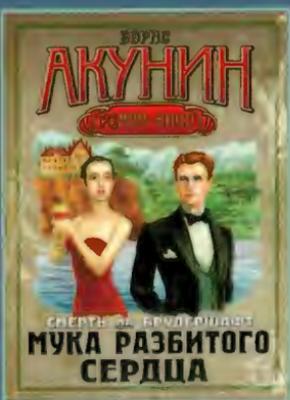
Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-я этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

БОРИС АКУНИН

СМЕРТЬ НА БРУДЕРШАФТ

ПРОДОЛЖЕНИЕ
БУДЕТ!

